М. ЭРМАТОВ

ЭТНОГЕНЕЗ
и формирование предков узбекского народа

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
ТАШКЕНТ — 1968

902.7
Э80

До сего времени имеющаяся литература не дает ясного представления о происхождении и формировании узбекского народа. Все еще точно не установлено, что представляли собой различные тюркские племена, входившие в состав узбекского народа, как и когда они расселились на территории Узбекистана, каковы их язык, обычаи, культура.

Учитывая актуальность исследования проблемы, автор, широко использовав сведения многочисленных древнейших, средневековых и современных историко-географических и лингвистических источников, прослеживает историю образования и формирования узбекского народа с древнейших времен до завершения процесса образования его предков.

Развенчивая теорию о принадлежности узбеков к ираноязычным народам, автор доказывает, что подавляющее большинство оседлых и кочевых племен древнейшей Средней Азии были коренным тюркоязычным населением страны и рассматривает историю этногенеза и формирования узбеков как отдельного и самостоятельного народа. На основе такого изучения раскрываются глубокие исторические корни братского единства среднеазиатских народов.

Эрматов М.
Этногенез и формирование предков узбекского народа.
Т., «Узбекистан», 1968.
199 стр. Тираж 3000.

1-6-2
1968

902.7

ВВЕДЕНИЕ

Решения XXI, XXII и XXIII съездов Коммунистической партии Советского Союза, Программа КПСС подчеркивают как величайший результат ленинской национальной политики — расцвет культуры и науки советских народов.

Одним из ярких показателей расцвета национальной культуры узбекского народа в советский период является зарождение и развитие исторической науки в Узбекистане, среди многих проблем которой большое внимание привлекают к себе исследования этногенеза и формирования узбекского народа. Эта проблема занимает одно из центральных мест в научном исследовании и в настоящее время приобрела не только большую актуальность, но и теоретико-политическое значение.

Реализуя ленинские заветы об освоении богатого культурного наследия всех народов, борясь за претворение в жизнь политики Коммунистической партии и решений съездов КПСС в области науки, историки Узбекистана добились значительных успехов. Советские ученые-востоковеды В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, А. А. Семенов, Я. Г. Гулямов, А. Н. Бернштам, А. П. Окладников, М. Е. Массон, М. Г. Вахабов, Р. Н. Набиев и ряд других посвятили свои многочислен-

ные труды освещению разных сторон истории Средней Азии, в том числе Узбекистана. Узбекские ученые-востоковеды также посвятили работы истории народов Средней Азии и тем обогатили советскую историческую науку новыми изысканиями и открытиями. До Великой Октябрьской социалистической революции русские ученые В. В. Григорьев, Н. Я. (Иакинф) Бичурин, Н. А. Аристов, Н. И. Веселовский и многие западноевропейские и местные исследователи занимались изучением истории Средней Азии и оставили ряд трудов по истории, географии, этнографии, антропологии и археологии народов Средней Азии. Естественно, что исторические явления и события трактовались ими с точки зрения буржуазной науки.

До Великой Октябрьской социалистической революции история народов Средней Азии, в том числе история узбекского народа, не получила должного освещения. Только после победы Октября, при Советской власти, с помощью русских ученых была написана история народов Узбекистана. Однако нужно сказать, что история как наука подчас отстает от растущих требований и потребностей народных масс. Так, например, до сих пор по-настоящему не разработан и не освещен вопрос об этногенезе и формировании узбекского народа.

Имеющаяся литература дает неясные представления об этногенезе узбекского народа, особенно о названии «узбек». Все еще точно не установлено, что представляют собой различные тюркские племена, входившие в этническо-языковый состав узбекского народа, как и когда они расселялись на территории Узбекистана, каковы их язык, обычаи, культура и физический склад. Эта проблема в целом еще глубоко не исследована, не полностью использованы имеющиеся источники, особенно играющие исключительно важную роль сведения персидско-клинописных, греко-римских, китайских, арабско-персидских, тюрко-узбекских источников.

Учитывая актуальность освещения этногенеза и формирования узбекского народа, автор настоящей работы исследует этногенез и формирование узбекского народа с древнейших времен до завершения процесса образования его предков. Автор широко использовал сведения греко-римских, персидско-клинописных, китайский рукописей и литографии первых восточно-среднеазиатских историко-географических и лингвистических источников, применив к освещению этих материалов фактические сообщения и руководствуясь теоретико-методологическими указаниями трудов классиков марксизма-ленинизма. Кроме этого, по необходимости, были использованы материалы иностранной западноевропейской и русской дореволюционной научно-исследовательской литературы и труды советских ученых-востоковедов.

В данной работе прослеживаются географическое размещение различных племен и их этнический состав, язык, обычаи, физический склад, экономика, культура и другие особенности, процессы складывания этнических групп, формирование предков и самого узбекского народа.

История узбеков с древнейших времен связана с территорией Средней Азии, особенно с областями среднеазиатского междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Ферганской долины, Ташкентского и Хорезмского оазисов.

На протяжении многих веков подвергались изменениям, пополнениям, смешениям многочисленные оседлые и кочевые племена Средней Азии, подавляющее большинство которых были коренным тюркоязычным населением страны и лишь меньшая часть их принадлежала ираноязычному, а также монгольскому и другим народам Востока. Вследствие этого исторические судьбы узбекского народа тесно переплетались с судьбами таджикского, туркменского, киргизского, казахского и

уйгурского народов. Всех их объединяла в продолжение многих веков торгово-экономическая, культурная связь и общая борьба против местных и иноземных поработителей-колонизаторов. Народы эти прошли один и тот же путь исторического развития. Именно поэтому изучение истории этногенеза и формирования узбеков как отдельного и самостоятельного народа неразрывно связано с изучением общих моментов в истории развития этническо-языковых процессов всех народов Средней Азии. На основе такого изучения раскрываются глубокие исторические корни братского единства среднеазиатских народов.

ГЛАВА I

ПЕРВЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Раздел 1. МЕСТО САКО-МАССАГЕТСКИХ И ДРУГИХ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ В ЭТНОГЕНЕЗЕ И ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА (VIII—II вв. до н. э.)

Для того чтобы проследить весь исторический ход развития этнических элементов и складывания предков узбекского народа, автор решил начать исследование с древнейших времен, то есть с первоначальной истории формирования этнических элементов узбекского народа, ибо к решению такой важной историко-политической и научно-теоретической проблемы, как проблема этногенеза и формирования узбекского народа, мы должны подойти не с ответа на вопрос о возникновении названия «узбек» или появлении различных тюркских племен под именем «узбек», как это думали некоторые ученые-востоковеды, а с исследования зарождения и складывания этнического состава предков узбекского народа в ходе развития длительного исторического процесса на территории Узбекистана и других районов обширной территории Средней Азии. В этом отношении очень ценным является высказывание проф. А. А. Семенова: «В настоящее время название «узбеки» присвоено тому народу СССР, который исторически сложился на территории Мавераннахра, вошедшей в состав Узбекской ССР. Участие в образовании узбекского народа приняли не только даштикипчакские узбеки, проникшие в Мавераннахр в конце XV и в начале XVI вв., но и ряд тюркских и отюреченных монгольских племен, осевших в Мавераннахре задолго до прихода этих узбеков, а также значительная часть древнейшего населения Узбекистана ираноязычного происхождения, подвергавшаяся еще в те отдаленные времена влиянию тюркских элементов.

—Таким образом, завоеватели-узбеки являются лишь одной из составных частей современного узбекского народа, сложившегося исторически на протяжении многих столетий в результате слияния пришлых и местных мавераннахрских тюркских и отюреченных племен и народов, и корни этногенеза современного узбекского народа следует искать именно в гораздо более раннюю эпоху, в глубокой древности»[1].

Действительно, истоки происхождения предков узбекского народа следует искать в недрах древнейшей истории нашей родины, ибо независимо от того, когда возник термин «узбек», сам народ, как производитель общественного блага и житель своей родной территории, существовал и складывался в народности с древнейших времен. По свидетельству различных источников древнего и средневекового периодов и по археологическим данным, первоначальные этнические элементы предков узбекского народа своими корнями уходят в самую глубокую древность. Говоря об этом, проф. С. А. Толстов справедливо подчеркивает: «Как и все народы земного шара, узбекский народ исторически сложился из различных племен и народностей, известных в древности и в средние века под различными названиями»[2].

Возникновение этнического элемента предков узбекского народа, накопление и складывание этническо-языкового состава и воплощение этих этнических групп в народность, дальнейшее развитие этого процесса неразрывно связаны с длительным историческим процессом становления и развития первобытного, рабовладельческого и феодального общественного строя, так как из тех же источников явствует, что первые этнические зачатки или элементы узбекского народа, как коллектива, разросшегося в племя, семьи или ряд семей, связанных между собой взаимными браками, или сочетания племен[3], появились в недрах первобытно-рабовладельческого общества и получили дальнейшее развитие при феодальном обществе на территории Узбекистана и в других районах Средней Азии. Первыми такими этническими элементами предков узбекского народа в глубокой древности были полукочевые, кочевые племена и оседлые жители, обитавшие здесь как исконные, коренные, первоначальные жители данной территории.

Определенные экономическо-общественные условия обусловили появление и сложение этнической группы, выражающейся коллективной жизнью с характерной особенностью языка, быта, культуры, экономики и обычаев оседлых и кочевых племен и племенное объединение жителей Узбекистана и прилегающих к ним областей Средней Азии. Первоначальный этнический элемент узбекского народа сложился в глубокой древности, в период первобытно-рабовладельческого общества. По свидетельству античных, персидско-клинописных (Зенд-Авеста) и поздних источников, первыми такими этническими элементами — древнейшими предками узбекского народа — были полукочевые, кочевые племена Средней Азии— саки, массагеты, юечжи, эфталиты и другие, а также оседлые коренные жители Хорезма, Согда, Ферганы, Узкента, Сайрама, Ташкента и других районов Узбекистана.

Известный востоковед С. В. Киселев, рецензируя монографию проф. С. П. Толстова «Древняя культура Узбекистана» (Ташкент, 1943) и отмечая большое значение первой главы его работы «Происхождение узбекского народа», подчеркнул, что данная глава «показывает сложный состав узбекского народа. Древние согдийцы и хорезмийцы, кочевники-массагеты и саки, кочевые племена тюркского происхождения (VI—XIII вв.) и, наконец, золотоордынские узбеки, потомки половцев, смешиваясь на протяжении многих столетий, образовали узбекский народ»[4].

Древнейшие следы человека в Узбекистане находят по всей его территории. Археологические, античные и персидско-арабские источники подтверждают, что человек на территории Узбекистана жил еще в ледниковый период, в древнее четвертичное время, когда окружавшая человека географическая и социально-экономическая среда имела иной характер, чем теперь. «С постепенным потеплением климата, после второго периода обледенения, человек появляется во всей Европе, Северной Африке и Передней Азии, а также в Индии вместе с вымершими крупными толстокожими... и хищными животными..., а также с животными, еще существующими в настоящее время (северный олень, лошадь, лев, бизон, зубр)»[5].

Археологические данные говорят о том, что, подобно Передней Азии и Индии, в древнейшие времена на территории Узбекистана и прилегающих к нему областей жили первобытные люди. Останки человека древне-каменного века найдены при раскопках на берегу водоема в центре Самарканда. «Раскопки были произведены археологами объединенной экспедиции Самаркандского Университета и Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Найдена нижняя челюсть человека с хорошо сохранившимися девятью зубами. Известный советский антрополог М. М. Герасимов считает, что челюсть принадлежала человеку, жившему примерно 25—30 тысяч лет назад»[6]. Самаркандская находка подтверждает выводы о том, что Средняя Азия являлась одним из древнейших очагов заселения земного шара.

В эпоху неолита существовало уже значительное разнообразие в общественно-исторической жизни различных племен, расселенных на территории современного Узбекистана и прилегающих к ней областей, например, у хорезмийцев, согдийцев, у населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса, саков, массагетов и других, в зависимости от естественно-географической среды и конкретных социально-экономических и исторических условий развития.

Археологические и письменные данные позволяют нам выделить целый ряд племен с особыми этническими группами и племенными формами экономики и культуры. Существование в эпоху зрелого неолита матриархального, а затем патриархального родового строя на территории Узбекистана является основным базисом для формирования этнической группы племен, в том числе саков, массагетов, населявших территорию Узбекистана и прилегающих к нему областей, ибо население Хорезма, Согда, Ферганы, Ташкента и др. в своем общественном развитии не могло миновать вышеуказанное развитие общественно-родового строя. В ту эпоху на территории нашей республики существовало множество племен с определенным этническим составом, считавшихся зародышами или элементами предков узбекского народа. (Я имею в виду здесь хорезмийцев, согдийцев, население Ферганы, Ташкента, саков, массагетов и др., хотя позднее в городах этнические составы представляли различные прибывшие группы).

Дальнейшее развитие племена, населяющие Узбекистан, получили в эпоху меди и бронзы. Этот период Ф. Энгельс характеризует как приручение и разведение животных, возделывание растений[7], изобретение плавки металлических руд и обработку меди, олова и их сплава — бронзы, а также золота и серебра, изобретение ткацкого станка. Возникли общественное разделение труда, патриархально-родовой строй и патриархальное рабство[8].

В эпоху меди и бронзы люди достигли значительных успехов в скотоводстве и земледелии. Эти отрасли хозяйства становятся ведущими формами производства. Если первые попытки одомашнивания животных были сделаны еще в период неолита, то в эпоху бронзы развивается настоящее скотоводство как вполне самостоятельная и весьма важная отрасль производства, благоприятно повлиявшая на развитие земледелия. Скот используется как средство передвижения, а также и в земледелии: животные применяются как тягловая сила для обработки земли, впервые появляется деревянный плуг.

Археологические находки в могильниках Заман-Баба, Тазабог-яба, Каунчи-тепе около Ташкента и другие, относящиеся к тому времени, свидетельствуют о земледельческой культуре жителей, которые приручили таких животных, как собака, лошадь, овца, коза и крупный рогатый скот; им было известно ручное гончарное производство, прядение и ткачество, у них были топоры, снабженные рукоятками. В эту эпоху с развитием экономико-общественной жизни образуются крупные племена и объединения родственных племен. Каждое племя, или каждая этническая группа, состоявшая из родственных племен, имела свои конкретные этнические и и другие особенности в историческом развитии, в социальных отношениях, в культуре и быту. В письменных источниках, в частности, персидских клинописных памятниках, Зенд-Авесте и греко-римских источниках, часто упоминаются такие этнические группы, как саки, массагеты и многие другие. Каждая из таких этнических групп имеет собственную историю, в какой-то мере запечатлевшуюся в археологических памятниках Средней Азии. Поэтому мы рассматриваем особенно крупные этнические группы, которые дают возможность устано-

вить этногенез предков узбекского народа в древнейшие времена.

К. Маркс и В. И. Ленин указывают, что одним из главных и определяющих факторов образования народа является производство материальных благ сельскохозяйственного производства. Этот вывод классиков марксизма-ленинизма полностью относится и к этнической группе узбекского народа, от которой в длительном историческом процессе узбеки преобразовались в народность. Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, мы исследовали проблему этногенеза и формирования этнической группы узбекского народа и его географическое расположение.

Узбекистан и другие обширные районы Средней Азии в древнейшие времена представляли сочетание степей с кочевым скотоводческим населением и оазисов с их земледельческой культурой и рано развившейся городской жизнью. В долинах Аму-Дарьи, Зеравшана, Сыр-Дарьи, Чирчика и других рек, а также в различных частях предгорий Узбекистана земледельческие общины составляли основную массу населения. Археологические раскопки, произведенные в указанных районах, доказывают, что здесь с древнейших времен возделывали ячмень, пшеницу, просо, кунжут, рис, виноград, хлопок и другие культуры. Население пользовалось искусственным орошением. По свидетельству археологических данных, персидских клинописных, античных греко-римских и других поздних источников мы узнаем названия ряда областей территории Узбекистана и других частей Средней Азии.

Обширные степные пространства Средней Азии были заселены многочисленными племенами, говорившими на различных языках. Но большая часть этих племен говорила на одном коренном языке с различными говорами, наречиями, диалектами, и даже согды по этническому составу и по языку были неоднородны, так как в их столице Мараканде жили многие пришельцы — купцы, торговцы и др. Этнический состав городских жителей был также неоднородным и включал различные этнические группы, о чем будет сказано ниже.

Переходя к географическому расположению названных племен, мы начнем с саков, в состав которых входили даи, или дахи[9], жившие на Куван-Дарье.

По свидетельству греко-римских авторов, саки[10] жили в разных частях Узбекистана и прилегающих к нему областей Средней Азии, именовались по-разному и говорили на разных языках, так как по своему этническому составу и языку были неоднородны и состояли из нескольких различных этнических групп, племен. Ученые-исследователи делят саков на три части: «саки хаумаварка», «саки тиграхауда»[11] и «саки тиай-тарадарайя»[12], но основная часть саков жила к востоку от массагетов, в пойме р. Сыр-Дарьи. По словам проф. А. Ю. Якубовского, «саки жили на севере от Яксарта (Сыр-Дарьи) в удобных кочевьях нынешней Казахской ССР»[13]. Древнегреческий историк Страбон относит владения саков к востоку от Согда[14]: на север от Сыр-Дарьи простирались кочевья среднеазиатских скифов, отмечавшихся в персидских текстах под именем саков. Кочевья саков окружали с северо-востока земледельческую область Ферганы и спускались к югу на Памирское плоскогорье. По свидетельству Страбона, в районах нижнего течения Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи жили массагеты[15]. Они занимали всю Закаспийскую равнину, располагали обширными областями от восточного берега Каспийского моря до нижнего и среднего течения р. Сыр-Дарьи, со всех сторон охватывавшими Хорезмский оазис. Массагеты представляли в VIII—V вв. до н. э. крупный союз племен, включивший в свой состав ряд сакских племен. Одни исследователи считают, что термин «массагет» означает «великие геты» (мазагет), а другие полагают, что слово «массагеты» переводится как «большая сакская орда» (мас-сака-та). В VI—V вв. до н. э. в массагетскую конфедерацию входили сами массагеты, саки, причем последние включали хорезмийцев, заселявших верхнюю дельту Аму-Дарьи, апа-саков (апасиаки, пасики, саки тиай-тара-дарайя), живших в нижней дельте Аму-Дарьи и в районе Сары-Камыша на западе и Жаны-Дарьи на востоке, сакаравакав (саки хаумаварка, скифы-амюргии), живших на юге Средней Азии, дербиков, обитавших в районе средней Аму-Дарьи между Чарджоу и Бухарой, асиев (ятии, асианы, яксарты и др.) в районе средней Сыр-Дарьи и в Семиречье, аугасиев (аугалы, атасии), обитавших в низовьях Сыр-Дарьи. Весь бассейн Зеравшана был заселен согдийцами. На северо-западе согдийцы граничи-

ли с саками хаумаварками, на западе — с дербиками. На северо-востоке от них находилась область паркаииев[16].

Таким образом, Узбекистан со своей огромной территорией, необычайным многообразием природных условий неизбежно представлял пеструю картину в отношении народонаселения. Его населяло множество самых различных племен, уровень общественного, культурного и этническо-языкового развития которых был чрезвычайно разнообразен. Таково в общих чертах географическое расселение народов Узбекистана и прилегавших к нему областей Средней Азии в VII—VI вв. до н. э.

Рассмотрим эти племена и народы в отдельности. Сведения о саках имеются с VI в. до н. э. Их история продолжительное время являлась предметом тщательных исследований западноевропейских, русских и советских историков. Между тем вопрос о саках как одном из древнейших племен Узбекистана имеет решающее значение для освещения не только этногенеза узбекского народа, но и для сложения других народов Средней Азии. Противоречивые данные источников не дали ученым возможности правильно истолковать сакскую проблему. Этим объясняется тот факт, что исследователи по-разному определяют географическое расположение сакских племен. Однако это не значит, что проблема о саках неразрешима. Все источники древности и анализ их данных на основе методологии классиков марксизма-ленинизма дают нам возможность правильно решить ее.

Мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что этническая принадлежность основной части саков-массагетов имеет решающее значение для этногенеза древнейших предков узбекского народа. Об этнической принадлежности саков в исторической науке нет единого мнения. Многие ученые относят саков к иранской, то есть арийской этнической группе племен. Геродот, Страбон и многие другие древние авторы причисляют массагетов и саков к скифским народам, но это не значит, что все скифы, состоящие из различных племен, в этническом отношении принадлежали к одному определенному народу. При всем этом часть скифов, жившая в Средней Азии по берегам Сыр-Дарьи, саки и массагеты составляли определенные этнические группы народностей, совершенно чуждых по крови иранской расе. Этим объясняются тенденциозные сообщения античных источников о жителях Средней Азии.

Геродот, Страбон, Полиэн, Ктесей и другие, а также ассиро-вавилонские, римские писатели, в том числе Диодор Сицилийский, хорошо знавшие арийский народ, в отличие от них, сообщают об определенном скифском народе — саках и массагетах, характеризуя отдельные, свойственные им черты. Если саки и массагеты принадлежали к арийским (иранским) этническим группам народов, то почему понадобилось характеризовать их в отличие от арийцев? Интересен тот факт, что античные авторы относят саков, массагетов и другие среднеазиатские племена к скифским народам, тогда как персов и другие иранские племена к ним не причисляют. Следовательно, античные авторы резко отличают иранцев от среднеазиатских скифов, в том числе и от среднеазиатских сакских, массагетских и других племен. Это со всей ясностью свидетельствует о принадлежности вышеуказанных местных племен и народов к другой, именно к тюркской этническо-языковой группе.

Древние жители тщательно закапывали своих покойников. До наших дней в захоронениях сохранилось большое число скелетов и черепов. По телостроению или внешнему облику людей древнего времени Ф. Энгельс резко отличал друг от друга: «длинные черепа, небольшой рост, низкий лоб, орлиный нос, выдающиеся надбровные дуги, слабо выраженные скулы и умеренно развитые челюсти указывают на расу, последними представителями которой в настоящее время являются баски»[17]. Подобным образом, по внешнему облику предки узбекского народа существенно отличались от предков других народов, в том числе от предков западноевропейских и восточных народов, от древне-германских, остготов, вестготов, гуннов и иранского и ираноязычных народов. Говоря о хозяйстве и способе производства, в частности о породе скота переселенцев (гуннов), от которых происходили германцы, Ф. Энгельс резко отличает породы их скота от пород скота других народов. Он подчеркивает, что «у переселенцев скота много, но плохой породы, лошади безобразны и не способны к быстрому бегу, овцы и коровы мелкие, и последние без рогов»[18].

Подобно этому экономика, способ производства и продукты производства предков узбекского народа и породы их скота и особенно породы «небесных» ферганских лошадей резко отличались от породы лошадей и скота остальных народов, в том числе от гуннских, германских и др. «Небесные» лошади-аргамаки выращивались только предками узбекского народа на территории Средней Азии. Об этом свидетельствуют китайские источники, как, например, сведения китайского посла Чжан Цяна, прибывшего в Среднюю Азию в 138 г. до н. э.

Следовательно, предки узбеков отличались от других народов, даже соседних восточных племен, не говоря о западных, по способу производства, сельскохозяйственной земледельческой производственной продукции, а также орудиям производства и обычаям.

Русский востоковед В. В. Григорьев совершенно необоснованно считает, что саки принадлежат к «арийским народам»[19]. Он так же беспочвенно относит массагетов, хорезмийцев и согдийцев «к ветвям арийского происхождения»[20]. У него нет убедительного основания считать их иранцами. По Григорьеву, саки, массагеты, хорезмийцы и согдийцы принадлежали к арийской расе потому, что говорили на их наречии, их язык близок к древнеперсидскому и зендскому[21].

В. В. Григорьев считает необоснованным утверждение всех тех ученых, которые упоминают о «туранском народе Средней Азии», и говорит, что «саки, массагеты, хорезмийцы, согдианцы и другие причисляются к арийским расам, как говорящие на наречиях персидского отдела арийской семьи языков»[22]. Далее Григорьев, для подтверждения своей мысли, приводит отрывок из китайских источников: «От Давани[23] на запад до Анси[24] говорят на различных языках, но в обыкновениях весьма сходствуют, жители этих стран вообще имеют впалые глаза и густые бороды»[25], хотя факты, сообщаемые китайцами, говорят не в пользу арийского происхождения народов Средней Азии.

В. В. Григорьев упорно идет к своей цели, утверждая, что «таким образом, как дошедшие до нас следы языка согдийцев и хорезмийцев, так и древнейшие китайские показания об их наружности свидетельствуют, что народонаселение этих стран происходило из древнеарийско-персидской отрасли. Таково же нынешнее их туземное население, таджики или сарты, народ и по облику, и по языку тождественны с нынешними персианами»[26].

Китайцы, весьма близко знакомые с территорией Средней Азии еще во II в. до н. э., сообщают следующее: «От Чао-Чака к западу все местное население имеет глаза впалые, а нос выпуклый; одни только хатанцы составляют исключение из этого, имея не такие странные черты лица, а представляя в этом отношении большое сходство с жителями срединного царства»[27]. По словам В. В. Григорьева, «люди с глазами глубоко сидящими в орбитах своих и с резко выдающимся носом естественно должны казаться плосконосым и с глазами навыкате китайцам, имеющими странную физиономию, но это странность лучшее свидетельство, как поразительно отличалась наружность обитателей Таримского бассейна от наружности, свойственной китайцам вместе с другими туранскими племенами»[28].

Григорьев утверждает, что «по китайским показаниям население означенного бассейна, однородное с бактрийцами и согдийцами по чертам лица, принадлежало к арийской ветви»[29]. Он пишет, что «хотанцы составляли исключение, наружностью другой и потому принадлежали уже к арийцам»; или: «население хотан в значительном проценте принадлежало к арийской крови». В примечании же отмечает: «Жители Восточного Туркестана, именно население Кашгарского владения, были не только арийского происхождения, но принадлежали к северной ветви арийцев».

В. В. Григорьев, ознакомившись со сведениями о древнем населении Средней Азии, принадлежавшими перу Абель-Ремюза и Клапрота, которые были самыми блестящими представителями западноевропейского ориентализма в начале XIX в., пишет, что они не усомнились провозгласить, что страны в бассейнах рек Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Тарима и Или, вплоть до Китая на востоке были заняты до нашей эры и позже населением не того племени, которые ныне в них преобладает, а разными народами великой арийской семьи, праотцами европейских германцев и славян[30]. Далее Григорьев пишет, что «мы не настаиваем впрочем на принадлежности саков к славянскому племени. Для нас важно лишь то, что они были арийцами»[31]. Григорьев идет по следам буржуазных ученых Амиана Марцеллина,

Абель-Ремюза, Сен-Мартина, Шегрена, Фридриха Мюллера, Клапрота и других. Вслед за ними, как традиции, прочно вошедшие в науку, некоторые современные востоковеды утверждают приведенные предложения.

Григорьев приходит к выводу, что «арийцы, передвигавшиеся из Средней Азии в Восточную Европу, оставались в Средней Азии еще в период рождества Христова. Тем более арийцы могли и должны были сидеть на Яксарте за пять и более веков до н. э. в виде остатков тех германцев, славян, литовцев, эллинов, фракийцев, итальянцев и кельтов, которые давно уже перед тем ушли из Азии в Европу и заняли ее вплоть до Геркулесовых столбов. Туранские племена стали селиться сплошными массами в Прияксартских степях лишь по мере ухода в Европу, занимавших эти степи разных арийских коленьев, надо полагать не ранее III в. по Р. Х. До тех пор, утверждаем мы, ни по Яксарту, ни к югу этой реки никаких туранских народов не жило»[32]. В примечании он пишет: «Я ничего нового не открываю, а лишь некоторыми соображениями подтверждаю смысл Клапрота, горячо и решительно высказанную этим ориенталистом уже около 50 лет тому назад»[33].

«За V, за VII веков до Р. Х.,— пишет далее Григорьев,— семья арийских народов являлась уже расчлененною на основные свои ветви: индийцев-арийцев, персов, кельтов, иллиров, фраков, итальянцев, эллинов, славян (русских), литовцев и германцев». Григорьев считает, что «германцы и славяне были последними из арийских колен, оставивших Среднюю Азию на пути в Европу. Следовательно, в арийских племенах, сидевших около VI в. до Р. Х. по Яксарту, можно признавать лишь германцев и славян». Григорьев подчеркивает, что: «саки **принадлежали** к славянам»[34], а в примечании разъясняет, что «и это нисколько не новость: славянами были саки, как по Ф. Г. Бергману, так и Маннерту и Миндеру, признающих всех скифов за праотцов нынешних славянских народов». Мартман пришел к заключению, что саки были просто-напросто турки[35].

Почему это племя называли саками — неизвестно. В исторических источниках никаких данных, разъясняющих термин «саки», мы не находим. По словам Григорьева, слово «сак» в ново-персидском языке означает «собака»[36]. В персидском языке времен Ахеменидов оно

произносилось «сака». Называя так саков, персы обзывали их, следовательно, «собаками»[37]. Географ К. Риттер говорит, что «сак обозначал не народное имя, а религиозное прозвище, которое носили враждебные персам народы»[38].

Среди западноевропейских исследователей этого вопроса следует назвать М. Раулинсона, Бенфея, Опперта, из русских — В. В. Григорьева, В. В. Бартольда и других, из советских — В. В. Струве, К. В. Тревера, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама и других ученых востоковедов.

Исследуя географические расположения и наименования, они разделяли саков на три группы: саки тиграхауда, саки хаумаварка и саки тара-дарайя. В западноевропейской исторической литературе, в том числе в работе французского ассириолога Опперта[39], проводилась мысль, что в тексте плохо сохранившегося пятого столбца большой Бехистунской надписи[40], на основе которой Опперт описал поход Дария I, речь идет о европейском скифском народе — саках. Русский исследователь В. В. Григорьев, еще раньше, разбирая указанный текст, высказал в своей работе «О скифском народе саках»[41] предположение, что в тексте пятого столбца надписи в 20—30 строках идет речь о саках, родственных амюргейским сакам Геродота или среднеазиатским сакам. Предположение русского ученого подтвердилось в результате основательного изучения, а иранистом А. А. Фрейманом был восстановлен ряд разрушенных слов в пятом столбце надписи Дария. В тексте надписи, где говорится о походе Дария I против саков-скифов, надо понимать — против среднеазиатских саков амюргейцев, а не черноморских скифов, описанных Геродотом. Исследователь текста А. А. Фрейман утверждает, что в надписи идет речь о походе Дария против саков, носящих остроконечные шапки — тиграхауда[42]. Надпись Дария I имеет важное значение для уточнения географического расположения упомянутой части сакского племени. Восстановление первых строк пятого столбца Бехистунской надписи дает более точное описание похода Дария против саков и точную дату этого похода — 517 г. до н. э.[43]

В Персепольской[44] и Бехистунской надписях саки упоминаются в первой после Гандара и последней —

после согдийцев. Как говорит Григорьев: «Первые жили около Кабул-Дарьи в нынешнем восточном Кабулистане и частью в противоположном Пенджабе; последние в долине реки, от Бухары на Западе, до Сыр-Дарьи на Востоке»[45].

Далее Григорьев говорит, что термин тьяи-тара-дарая вместо «заморские саки» можно было бы переводить с полной достоверностью как «саки заречные», имея в виду здесь реку Окс или Яксарт[46]. Эти предположения Григорьева подтверждаются тем, что когда племена юечжи во II в. вторглись в Согд, они встретили саков, с которыми затем смешались. О происхождении названия амюргийцев греческий историк Гелланик, современник Геродота сообщал, что амюргийцы были названы по имени местности, где они жили. На одной из клинчатых надписей времен Дария Гистаспа перечисляются страны и народы, подвластные Дарию, и там же упоминается три вида саков: хаумаварка-амюргийцы, тиграхауда и тьяи-тара-дарая или пара-дарая. Некоторые ученые, в том числе Гициг, Мартман и другие, саки тьяи-тара-дарая, переводят как «саки заморские» и помещают их за Черным морем.

Кунеологи дают различные толкования и написания слов саки хаумаварка. Например: Лассен-humavarga, Раулинсон-humavada, Бенфей-humavatya, Опперт-humavaida, Балленден-humarga, Юстин-humavarka и т. д. При этом ученые расселяют их в разных странах света. Еще хуже обстоит с объяснением происхождения и значения самих слов хаумаварка или гаумаварка. Некоторые ученые, в том числе и Опперт, говорят: «обладатели хорошего скота», другие, в том числе и Шпигель — «обитатели местности Гановерана».

Греческий историк II в. н. э. Полиэн в своих «Стратегемах» сохранил нам два очень важных рассказа о походе Дария I на саков, о котором мы ни слова не находим ни у Геродота, ни у других древнейших греческих ученых. Полиэн в своем труде[47] повествует о том, что саки вели войну против Дария тремя отрядами[48]. «Персы разбили один из трех отрядов войска саков и взяли их одежду, оружие, которыми одел и вооружил Дарий I своих воинов. Эти переодетые и перевооруженные войска персов напали на второй отряд саков, который, приняв вражеских воинов за своих, не отражал нападения. Персы воспользовались случаем и уничтожили второй отряд саков, а третий отряд почти без боя сдался персам»[49]. В пятом столбце Бехистунской надписи говорится, что «вместе с войсками саков я[50] пошел к стране саков, которая за морем». Готовясь к походу на саков-массагетов, Дарий учел опыт неудачного похода Кира против массагетов, живших к востоку от Аму-Дарьи, поэтому Дарий использовал против врага сакский отряд. Далее в Бехистунской надписи (столбце II, 8), среди восставших областей называются Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Парфия, Маргиана, Стагидия, области саков». Как видно, области, заселенные исключительно саками, упоминаются на последнем месте, вслед за Маргианой, в союзе с ней, ибо сакские племена пришли на помощь восставшим маргианам, но, будучи разбиты войском бактрийского сатрапа Дадаршиша, были покорены подобно другим родственным им сакам. Сакские племена, которые восстали совместно с Маргианом и входили в состав Бактрии, были восточными саками, которых Геродот называл «амюргийскими», а персидские надписи называют «саки-гаумаварка».

Области расселения восточных саков непосредственно примыкали к Бактрии, и находились в некоторой степени в зависимости от бактрийского сатрапа. По свидетельству Геродота брат Ксеркса Масист, решившийся восстать против Ксеркса, стремится бежать «в землю бактрийцев и саков, потому что они любили его и он был сатрапом бактрийцев»[51]. Эти саки, о которых указывалось выше, были саки амюргийские и они, согласно свидетельству Геродота[52], шли в поход на Грецию вместе с бактрийцами под общим водительством Гистаспа, сына Дария I и дочери Кира — Атоссы. Наименование сакского племени «амюргийцы» связано с названием долины реки Мюргаба, в которой они жили, ибо «мюрг» в переводе на русский язык означает река. Очевидно с именем реки связано и древнее название Мерва («Маргуш», «Маргиана»). Следовательно, в долине Мюргаба жили амюргийские саки и эти саки пришли на помощь восставшим маргианцам. Амюргийские саки вместе с каспиями входили в состав XV сатрапии (провинции) государства, как говорит Геродот: «Саки и каспии, составлявшие пятнадцатый округ, вносили 250 талантов»[53].

Каспии были одним из племен саков, кочевавших по восточному, побережью Аральского моря[54] и в низовьях Аму-Дарьи. Возможно, что амюргийские саки, которые были разбиты вместе с маргианцами в первом году правления Дария I, были использованы им в походе персов на саков-массагетов, как это свидетельствует второй рассказ Полиэна. В этом рассказе в качестве одного из трех сакских царей выступает известный нам Омарг. Имя Омарга, очевидно, имеет связь с этником омюргийских саков, ибо на эту мысль нас наводит поход Дария на саков, носящих острую шапку, то есть саков тиграхауда. Об этом же говорит царская печать времени Дария или Ксеркса, в которой изображен царь, схвативший врага в остроконечной шапке, другой враг в остроконечной шапке лежит поверженным на землю и за собой царь ведет пленника, одетого подобно саку амюргийцу, лишенному остроконечной шапки. Этот пленный сак-амюргиец очевидно и есть представитель упомянутого вспомогательного отряда саков, с которым Дарий I совершил поход.

Таким образом, наличие в войске Дария I сакского отряда нашло свое отражение, как мы полагаем, в первом из двух приведенных рассказов греческого историка Полиэна. По свидетельству Геродота, амюргийские саки носили на войне остроконечные шапки: «саки, скифское племя имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо. Одеты были они в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, наконец, топоры, которые назывались сагары. Называли саками собственно амюргийских скифов и назывались они саками потому, что так персы зовут скифов»[55]. Следует отметить, что большинство пеших саков в войске Ксеркса состояло из амюргийцев, а прочие саки, в том числе и саки тиграхауда, входили в состав конных войск персидской армии. Амюргийские саки в это время уже перестали быть в основной своей массе конниками и стали носить одежду тождественную с одеждой согдийцев и хорезмийцев.

Мы уже говорили, что по свидетельству Геродота саки входили в состав XV сатрапии иранского государства и платили денежную подать в 250 талантов. Это подтверждает, что часть саков вела оседлый образ жизни. Говоря об этом, В. В. Григорьев еще в 1871 г. писал, что

история знает мало примеров того, чтобы оседлый народ когда-либо и где-либо мог принудить кочевников к уплате постоянной дани[56]. Отправляясь в поход, эти саки снова одевали военную одежду и привычные им остроконечные шапки. Наряду с пешими амюргийцами, среди сакских отрядов в войске Дария I были и конные саки-тиграхауда, которые носили остроконечные шапки на войне и в мирной обстановке.

Саки, носившие остроконечные шапки, населяли область, входившую в состав X мидийской сатрапии[57] и вместе с гирканцами, ортокорибантиями и др., платили 450 талантов. В 1900 г. было установлено, что «ортокорибантии» Геродота является греческим переводом персидского «тиграхауда с остроконечными шапками»[58]. Согласно Ксенофонту, саки были соседями гирканцев и терпели много насилия от ассирийцев, которые стремились подчинить их своей власти[59]. Саки Ксенофонта соответствуют «ортокорибантиям» Геродота, которые после походов Дария в Европу были выделены в особую область, не зависящую от мидийской сатрапии и от области саков-амюргийцев.

В области, занимаемой саками-тиграхауда, жили племена, кочевавшие в степях юго-восточного побережья Каспийского моря, и сакские племена, которые кочевали за морем, то есть в степях к востоку от Аральского моря, были выделены из состава XV сатрапии саков и назывались «каспиями», так как Аральское море тогда рассматривалось как продолжение Каспийского моря. Как хорошие конники, они сражались в армии Ксеркса. В сражении при Платеях восхвалялась доблесть сакской конницы. Среди прочих народов, входивших в состав конницы Ксеркса, не было ни одного войска, которое можно было бы по умению и храбрости сравнить с саками, поэтому мы считаем доказанным тождественность каспиев-конников Ксеркса с саками. Струве, говоря о племени каспиев, подчеркивает, что народ «кашту»— каспии не входил в состав иранской группы народов[60].

Вопрос о каспиях наталкивает исследователя к вопросу о локализации саков-массагетов, против которых совершил поход Кир, описанный Геродотом[61], и поход Дария, описанный в пятом столбце Бехистунской надписи. Место расселения массагетов Геродот указывает на

востоке по ту сторону реки Аракса, против исседонов, живших в северной части урало-каспийских степей[62].

Таким образом, анализируя сведения Геродота, Страбона и др., мы можем установить, что местом расселения массагетов была та часть долины к востоку от Каспийского моря, которая примыкала к Каспийскому морю, а затем терялась в болотах и степях, то есть низовьях течения Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

По свидетельству Страбона массагеты населяли область за теми рукавами Аракса, которые впадали в Аральское море. Следовательно, Гирканский залив, куда впадал единственный рукав Аракса, очевидно и есть ныне высохший Узобой. В документах дворцов Дария I в Персеполе и Экбатане[63], где среди населения областей на крайней границе державы Ахеменидов упоминаются и саки[64], сказано: «Дарий, царь говорит: эта держава, которою я владею, начиная с саков, которые за Согдом, вплоть до Кушитов, от Индии вплоть до Сард, которую мне Ахурамазда передал, величайший из богов. Меня да Ахурамазда защитит и мой дом!» Как видно, «саки, которые за Согдом», очевидно, отличаются от саков-амюргийцев долины реки Мюргаб и смежной территории и от саков-тиграхауда, которые кочевали в степях, непосредственно примыкавших к Гиркании. Следовательно, ни те, ни другие саки не могли быть названы «саками, которые за Согдом». Это были те племена саков, которые жили к востоку от Аральского моря на территории между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. По мнению В. В. Струве эти «засогдийские саки» должны быть отождествлены с каспиями[65] XV сатрапии, входившими в ее состав совместно с саками-амюргийцами. Каспии-засогдийские саки были объединены в одну сатрапию с саками-тиграхауда, ибо засогдийские саки носили, согласно свидетельству Бехистунской надписи, остроконечные шапки.

В последние годы правления Дария I страна саков к востоку от Аральского моря была выделена в особую область «саков, которые за морем» наряду с областью саков-амюргийцев и областью саков-тиграхауда. Место расположения засогдийских саков свидетельствует и накширустамская надпись Дария I, которая перечисляет вначале 21 область, наследованную от Камбиза, затем еще 7 областей, покоренные Дарием I, где указываются

«саки, которые за морем»[66], то есть саки-массагеты[67]. Отождествление некоторыми учеными-востоковедами «саков, которые за морем» с саками, которые пребывали к востоку от Аральского моря, а не со скифами черноморских степей, как это предполагали раньше, подтверждают теперь со всей ясностью приведенные документы и надписи Ксеркса о Дэвах. Последние дают нам ценнейшие материалы не только по истории религии западного Ирана, но и новый список ряда стран, подчиненных Ксерксу. Самое ценное здесь то, что надпись наряду с саками амюргийскими и саками-тиграхауда дает этническое название среднеазиатских племен, в том числе племени предков узбекского народа под именем «daha» (по греческим источникам — «дай»), которое впервые встречается в персидских надписях. В надписи эти три племени перечислены в следующем порядке: «Даха, саки амюргийские, саки с остроконечными шапками»[68]. Списки 28 сатрапий в упомянутой новой надписи Ксеркса бесспорно соответствуют списку накширустамской надписи, за исключением несоответствия «саки, которые за морем» с надписью Ксеркса о Дэвах — «Даха». Следовательно, все 28 названий сатрапий в обеих надписях соответствуют друг другу, и поэтому 29 сатрапия «Даха», несомненно, соответствует области «саков, которые за морем» по накширустамской надписи. Отсюда можно сделать вывод, что «саки, которые за морем» были не черноморскими скифами, а среднеазиатскими саками или «дахами»—«даями», так как черноморские скифы, не покоренные Дарием, никак не могли быть включенными в список стран и народов накширустамской надписи, как платящие Дарию дань. Таким образом, мы не имеем основания видеть в «саках, которые за морем», черноморских скифов, ибо их можно отождествить только с подвластным Дарию I одним народом или племенем, а именно с жившими к востоку от Аральского моря саками.

Они могли быть названы европейскими скифами в V столбце Бехистунской надписи, ввиду их связи с морем в VI—V вв до н. э., иногда их называли «каспиями», а греческие историки называли их «массагетами», то есть «большими саками». Характерно, что в конце царствования Дария I и при царствовании Ксеркса их стали называть «даха»—«даями». По-видимому это объясняется тем, что свидетели того времени более хорошо ознако-

комились с этими крупными племенными объединениями и поэтому выделяли их среди прочих сакских племен. Своей одеждой, в частности своими остроконечными шапками, массагеты —«саки, которые за морем»— были близки тем сакским племенам, которые входили в состав мидийской сатрапии и назывались ортокорибантии, или тиграхауда. Поэтому отождествление персидскими надписями массагетов — «саки, которые за морем», с даями, установленное путем сопоставления и анализа списков сатрапий накширустамской надписи и новой надписи Ксеркса, соответствует исторической действительности того времени. Этот факт подтверждается еще другими историческими документами, в частности официальными анналами ахеменидского государства. Мардук Берос[69], говоря о смерти Кира, сообщает, что царь нашел себе смерть после девятилетнего царствования «в долине Дахе» даха-даев[70]. Название —«даев», приведенное Беросом в связи с рассказом о смерти Кира, не является поздним. Упоминание в Авесте[71] о племени даха свидетельствует, что персы с этническим названием даха ознакомились еще до издания новой надписи Ксеркса. Одно из наиболее поздних упоминаний о даха-даях встречается в списке областей державы Шапура I. Сведения по этому вопросу дает нам недавно открытая надпись царя Шапура[72]. Саки-массагеты — даха-каспии, победившие Кира и побежденные Дарием I, жили на территории к востоку от Аральского моря. Мы полагаем, что «draya», упомянутое в 23-й строке V столбца Бехистунской надписи в неразрушенном тексте его, соответствует названному морю, так как слово «draya» упоминается в древнеперсидских надписях, где оно означает море. Возможно, что древнеперсидское «draya» означает, наряду с морем, и мощный поток подобно Аму-Дарье или Сыр-Дарье. В пользу предположения о том, что некоторые из сакских племен жили действительно около побережья моря, говорит то, что по Геродоту саки назначались в качестве военной охраны на корабли персидского флота и переправа войска Дария I осуществлялась при помощи «pisa», означавшего «корабельный мост». Действительно, в восстановленной части текста V столбца Бехистунской надписи речь идет о переправе через какой-то водный рубеж, но не через «draya»— море. В вышеупомянутой надписи говорится: «Вместе с войском саков и я пошел к стране саков, которые за морем. Эту шапку острый носит. Затем я корабельный мост близко строил». Древнеперсидское «asnais», а возможно авестийский «asnais»—«asni» (вблизи)[73].

Из этих слов текста надписи можно сделать вывод о том, что Дарий со своими войсками дошел до какой-то реки, недалеко от впадения ее в море. Река граничила с той землей саков, на которую Дарий шел походом, то есть землей «саков, которые за морем» (накширустамского списка), саков, которые жили к востоку от Аральского моря. «Pisa» же, «корабельный мост», был возведен не через Аральское море. а лишь через реку, впадающую в него. Этой рекой, как мы выше видели, была Аму-Дарья, которая одним из своих рукавов впадала в Перканский залив Каспийского моря, а всеми другими — в Аральское море, куда к массагетам совершили походы Кир и Дарий I. Персидский царь Кир при походе против массагетов, с целью обеспечить своему войску прочную связь с более плодородными областями юга, создал корабельный мост на Аму-Дарье, о чем рассказывает нам Геродот[74], а затем этот мост стал исходным пунктом для вторжения Дария I на территорию массагетов, как говорил Дарий: «От этого корабельного моста прошел я в страну[75] (массагетов)».

Дарию I пришлось вести борьбу с двумя группами саков-массагетов. «Я саков сильно разбил, одну часть я схватил, другая часть связанной была приведена ко мне». Эта часть Бехистунской надписи означает, что сражение против одной массагетской группы возглавил сам Дарий, а другая часть массагетов была разбита одним из полководцев Дария и пленена им. В пользу этого мнения говорят нам и «Стратегемы» Полиэна, рассказывающие, что саки действовали против Дария I тремя отрядами. Во второй Стратегеме Полиэна, посвященной сакской войне Дария I, упоминаются имена трех царей — военачальников саков: Омарг, Тамир и Сакесфор. Выше мы уже говорили относительно имени «Омарг», сопоставляя его с наименованием одного из сакских народов. «Тамир»— это имя царицы массагетов Тамарис. Об этом упоминает и Геродот в рассказе о походе Дария I на массагетов. Имя «Сакесфор» можно истолковать как «щитоносец». Царь Сакесфор, очевидно, был вож-

дем тех сакских племен, которые во время войны носили щиты, как необходимую часть вооружения, о чем также говорит Геродот[76], описывая вооружение саков в войске Ксеркса, имеются также сведения о саках-тиграхауда, которые носили щиты. С. П. Толстов считает массагетами саков-тиграхауда в ахеменидских надписях и утверждает, что: «есть все основания локализовать сака-тиграхауда за Яксартом»[77]. Воинственные племена саков-массагетов явились постоянной угрозой для персидского государства. Греческие историки Флавий и Арриан показывают самоотверженную и героическую борьбу массагетов и саков во главе со Спитаменом[78] в войне с Александром Македонским[79] за свободу народов Средней Азии. По утверждению С. П. Толстова некоторые части сакского племени еще в VIII—VII вв. до н. э. продвинулись с востока (из южно-казахстанских степей) в глубь Средней Азии и дальше на территорию Афганистана. Многие исследователи, в том числе А. Мейне[80], выделяли их в особую группу. На протяжении многих веков сакские элементы полностью ассимилировались с древнейшими массагетскими племенами и произошел процесс смешения между ними. Продуктом этого многовекового смешения в последние столетия до нашей эры становятся сако-массагетские объединения племен, которые Амиан Марцеллин называет прямыми потомками массагетов. Говоря о завоевательных замыслах Кира, Геродот указывает на саков (УП, 64), объясняя, что саками персы называли скифов. «Саки» у персов были собирательным именем для малоизвестных им народов Средней Азии, греки же эти народы звали скифами[81]. По словам Геродота «скифы», рассказывая о своем происхождении, полагают, что от начала их существования или от первого царя до похода Дария прошло круглым счетом никак не больше тысячи лет»[82]. Следовательно, саки, массагеты и другие племена Средней Азии жили еще во втором тысячелетии до нашей эры.

Здесь уместно сказать об этнических принадлежностях, и, в связи с этим, о происхождении скифов и саков, так как в буржуазной науке прочно утвердилось представление об этническом единстве, однородности и об иранском происхождении скифского и сакского народов. По мнению М. И. Ростовцева скифская культура

всех основных восточных элементов была иранской в этническом смысле этого определения[83]. Часть ученых без убедительного основания распространяет иранскую этническую принадлежность на саков, массагетов, хорезмийцев, юечжийцев и другие племена Узбекистана, в то время как понятие «скифы», так же как и «саки», слишком общее и нуждается в особом исследовании и уточнении.

Этнический состав скифов и саков неоднороден. В этом отношении очень ценны сообщения Геродота, который подчеркивает, что: «собственно скифов мало». Это ограничивающее добавление сделано потому, что имя скифов присваивалось многим народам, которые ни в каком племенном родстве со скифами не были[84]. Следовательно, скифы и саки в разных аспектах — географическом, социально-политическом, экономическом и этническом — не одно и то же.

В географическом отношении скифы и саки довольно определенно описаны Геродотом и другими античными авторами, но они включали не только скифские и сакские, но и другие племена, ибо письменные источники того времени, в том числе Геродота, различали их по языку, обычаям, быту, культуре, по их месторасположению и другим особенностям.

Иное дело, когда историческое развитие народов Узбекистана и других районов Средней Азии совершалось не изолированно, а в теснейшем взаимодействии с другими соседними народами. И по Бехистунской, и по Персепольской надписям Дария I, и по сообщениям античных авторов «сак» считался собирательным именем для обозначения известного народа, и оно давалось одному общему народу, как его собственное имя.

Таким образом, сведения, которые мы черпаем у Геродота, позволяют сделать следующие обобщения. Описывая сакский контингент войск Ксеркса, Геродот отмечает, что саки были собственно скифами-амюргийциами, «звали же их саками потому, что так персы зовут всех скифов». Сак, вернее по-персидски саг, в переводе на русский язык означает собака. Саки имели на головах высокие, заостряющиеся кверху колпаки, носили штаны, вооружены были луками и кинжалами и особого рода топорами, которые назывались сагарами[85]. Геродот помещает саков вместе с персами и мидянами на

флоте Ксеркса, а в сражении при Платеях отмечает храбрость сакской конницы (Диадор Сицилийский также описывает героизм саков во время Персепольской битвы). В числе скифов (саков) был один народ — амюргийцы, который подчинялся персам при Ксеркссе в качестве данника или состоял в союзе с ним. Только этим объясняется появление саков в составе войска Ксеркса. Саки еще упоминаются Геродотом при перечислении сатрапий ахеменидского царя Дария, указывается, что саки входили в состав XV сатрапии[86]. Здесь саки ясно упоминаются не как скифы вообще, а как определенный народ, подчинявшийся персам. Саки входили в число воинов Дария I и в войсках занимали вместе с персами центральное место.

Об участии саков в европейском походе Дария I сообщает также поэт Хэрил, сведения которого являются древнейшим греческим источником о саках. Хэрил, перечисляя разнородный состав войска Дария I, переходившего с ним через Геллеспонт, так характеризует саков: «И саки, пастыри овечьи, скифского рода, но обитатели богатой пшеницею Азии, высланцы из тех кочевых, что самые справедливые люди, среди всех».

Следует еще раз подчеркнуть, что если бы саки принадлежали к иранской расе или иранской этнической группе, то сами себя не называли собаками. Геродот и другие греко-римские авторы, как, например, Хэрил, Страбон, Квин Курций, Арриан, Диадор Сицилийский, различали иранский и сакский народы. Они, характеризуя саков, отличают их от иранцев и указывают, что саки зависимы от последних. Это — серьезное свидетельство, что основная масса саков не принадлежала к иранской группе племен.

Перевод Мартеном термина «хамюварга» лишний раз подтверждает, что саки и по языку были отличны от персов. Все поздние арабско-персидские и тюркско-узбекские источники, в том числе «Шахнаме» Фердоуси, «Осорул бокиа» Аль Бируни и другие, повествуют о постоянной борьбе между народами Ирана и Турана и резко различают персов и тюрок. Именно к периоду существования саков-массагетов относится возникновение термина Туран, о котором упоминается в мифических рассказах средневековых географов, поэтов, а также в «Шахнаме» Фердоуси, где рассказывается о Туране как самой древ-

нейшей стране, занимавшей территорию восточного берега Аму-Дарьи, области нынешнего Узбекистана и всю Среднюю Азию. Аму-Дарья служила границей между Тураном и Ираном.

В этих сообщениях упоминается, что Туран обозначает страну тюрков. Следовательно, средневековые авторы считают, что тюркские народы существовали на территории нынешнего Узбекистана и других обширных районов Средней Азии еще в древнейшие времена.

Фердоуси пишет в «Шахнаме», что потомком Тура был Афросияб, который вел долгую борьбу с персидским царем Кайковусом (Киром) и его сторонником Рустамом и отстаивал свободу и независимость своей родины. Как свидетельствует Григорьев: «нет сомнения, что Иран и Туран, термины географический и этнографический, древние персы и туранцы имели различия в этническом отношении. Поэтому происходила бесконечная борьба иранцев с туранцами, составляющая содержание «Шахнаме»— борьба за существование двух чуждых друг другу племен и народов персидского с тюркским, борьба за первенство, за гегемонию. В названиях рек и местностей, упоминаемых в «Шахнаме», содержится ряд туранских терминов и слов в смысле тюркского»[87].

Сведения о саках мы находим у Ктесия[88] хотя сообщения его дошли до нас лишь в отрывках и извлечениях позднейших писателей. У Ктесия саки упоминаются еще до царствования Кира, при мидийских царях. По свидетельству Ктесия парфяне, отложившись от мидян, подчинились добровольно сакам, в результате чего между саками и мидянами из-за парфян произошли войны. Царицей саков в то время была Зарина[89] — женщина воинственная и смелая (об этом рассказывает и Диадор). Ктесий повествует о войне Кира с саками и пленении царя саков Омарга войсками Кира. Жена Омарга Споретра, чтобы помочь мужу, собрав 300 тысяч мужчин и 200 тысяч женщин, выступила против Кира и, нанеся ему поражение, освободила своего мужа. Некоторые сведения о саках мы встречаем у Ксенофонта[90]. Он упоминает о саках, как о соседях герканцев, много терпевших от насилия ассириян, старавшихся подчинить их своей власти. Саками здесь названы массагеты, последние жили недалеко от Гиркании. Более ясные и подробные сведения о саках мы встречаем в сообщениях греческих писа-

телей со времени завоевания Средней Азии Александром Македонским. По Мегасфену, «Индия граничит с севера со скифами, которые зовутся саками», а по Эратосфену — согдийцы и саки граничат с Индией с юга и границей саками и согдийцами определяется р. Яксарт[91].

О саках сообщает Страбон, который считает, что «большая часть скифов за Каспией именуется массагетами и саками, остальные обозначаются общим именем скифов, хотя каждый из тех народов имеет свое собственное имя[92]. Далее Страбон рассказывает более подробно о войнах Кира с массагетами, во главе которых стояла царица Тамариса[93].

Сообщения о саках мы встречаем и у греческих авторов нашей эры: Арриана, Дионисия, Дионисия-Периегета, Птоломея, Климента Александрийского и Элиана. По свидетельству Арриана саки участвовали на стороне Дария III против Александра Македонского и они как конные стрелки находились в битве при Гавгамеле на правом крыле войска Дария III. Дионисий-Периегет прямо указывает, что саки жили за Согдианой, «по течению Яксарта обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, на удачу стрелы не пускающие»[94]. Птоломей в IV книге своей «Географии» также указывает, что страна саков представляла собой местность, лежавшую за Яксартом, а западными соседями саков показывает согдийцев. Птоломей сообщает, что живущие по Яксарту люди зовутся карапаши и комарами, к юго-западу — комедами, а те, которые живут у Аскатинских гор,— массагетами. Он упоминает саков под различными именами. Римляне, в том числе Плиний, заимствовавшие от греков сведения о саках, сообщают, что в Средней Азии жили многочисленные племена. Плиний, говоря о населении Средней Азии до Яксарта, отмечает что за этой рекой живут скифские племена, которых персы по имени ближайшего к ним народа назвали саками, известными из них были саки-массагеты, даи и еще 18 племен.

Римский историк Аммиан Марцеллин отмечает существование сакского города Саг на берегу Яксарта. Лассен указывает на саков, как на воинственный народ, который сталкивался с индийцами в глубокой древности. В связи с вторжением саков в Индию говорится о храбрости саков. О саках дают сведения источники древней

Индии, ранние памятники санскритской литературы. В Рамаяне, Магабирате, законах Ману, везде саки упоминаются как собственное имя отдельного народа, наряду с именем других народов, как парасика, яваны[95], пахвала, тухара, хаса и т. д. По мнению Лассена, саки у древних индийцев было собирательным именем для обозначения «туранских народов вообще».

Таким образом, саки были жителями Турана, состояли из многих союзных племен и назывались массагетами и саками. Вывод Лассена подтверждается многочисленными указаниями историко-географических, арабско-персидских источников, например: «Шахнаме» Фердоуси, «Джамут Товорих» Рашиддина и народными сказаниями о стране Туран. Несомненно, что Туран является древней страной, сушествовавшей еще при Кире и Афросиябе. Между народами Турана и Ирана шли постоянные войны. Поэтому не случайно, что среднеазиатские историки и географы в X—XII вв. связывают своих предков с именем Афросияба. Никакие источники не подтверждают, что все саки без исключения принадлежали к арийско-иранским народам. Некоторые древние авторы указывают, что саки жили также к северу или к западу от тухарцев или тохарцев, или обитали по Магабарату на восточных скатах Памира, точнее южного Тянь-Шаня, то есть на западе Восточного Туркестана. К такому выводу пришел и Лассен.

Сведения китайских источников о саках относятся к III—II вв. до н. э. Они рассказывают о событиях, происходивших во II в. до н. э. Китайский историк Бангу, автор «Истории старших ханов», сообщает о среднеазиатском народе саках, называя их Се или Сай. Китайские источники передают только первый слог слова «саки»— «се», который тождественен греческому написанию, как мы говорили, выше, и это признано многими европейскими исследователями, занимавшимися после Дегуне изучением истории скифов. Европейские исследователи делают вывод, что Се или Сай по китайским источникам то же, что и саки. Се — саки занимали горное пространство около озера Иссык-Куль и жили в равнинах реки Чу. Небольшая часть саков населяла нынешнюю Алтайскую степь на Памире и долину р. Аратюмен. О том, что некоторая часть саков вышла из Сыр-Дарьи, стало известно европейским ученым лишь в середине

XVIII в., благодаря трудам китайцев, с которыми впервые познакомил тогда Европу французский ориенталист Дегуне.

На основе китайских источников европейские изыскатели: Дегуне, Малей, Клапрот, Реттер, Вивьен Сен-Мартен, Лассен и другие утверждают, что в начале II в. до н. э. в западной части Джунгарии жил народ Се или Сай, затем около 162 г. до н. э. юечжи, отступившие от хуннов, заняли Джунгарию и оттуда вытеснили сейцев (саков).

Саки, жившие в Джунгарии, направились в сторону Сыр-Дарьи и там смешались с основными массами саков. Часть из них вышла к Политмету[96] и заняла Согдиану и Бактрию. Там они смешались с местным сакским, согдийским и бактрийским населением и ассимилировались с ним. Сведения из китайских источников показывают, что передвижение саков совершалось исключительно в степной полосе к северу от Тянь-Шаньского хребта, по равнинам Джунгарии и низменностям от Балхаша до Аральского моря, затем они передвинулись в долину Зеравшана и Аму-Дарьи через Сыр-Дарью в нижнем ее течении[97]. Бангу в «Истории старших ханов» пишет, что сеи (саки) поселились в северо-западном углу Восточного Туркестана. Большая часть саков оставалась на старом месте, то есть на берегу Яксарта, в нынешней Ташкентской области и некоторая часть из них жила здесь еще во II в. н. э.

По рассказам Бангу, движение народов на запад происходило через земли усунов, то есть через Иссык-Куль и долину реки Или. Однако остается неясным, каким путем добрались юечжи в район Иссык-Куля. Возражая Бангу, В. В. Григорьев утверждает, что юечжи не могли пройти к Иссык-Кулю через Джунгарию[98]. По словам Бангу, до прихода юежчи, земли усунов (Иссык-Куля) занимали саки, но об этом в источниках нет данных, и мы, кроме сведений Бангу о том, что юечжийцы вытеснили саков из района Иссык-Куля к берегам Яксарта и оттуда в Согдиану, ничего не имеем[99].

Бангу и другой китайский историк Яньюнь утверждают, что до вступления на китайский престол императора Вуди (до 141 г. до н. э.) китайцы не имели никаких сношений со странами запада, в том числе и со Средней Азией и не знали о народах, ее населяющих.

Стало быть первые сведения о Средней Азии китайцы получили во время пребывания здесь императорского посла Чжан-Цяна, то есть с 128 г. до н. э., сообщения которого являются единственным источником о народах Средней Азии, однако он не упоминает о каких-либо передвижениях юечжи, саков и усуней в западном направлении.

Какой вывод можно сделать из сказанного? Мы указывали выше, что саками персы называли скифов, по имени ближайшего к ним скифского народа, а по Григорьеву настоящими саками были саки амюргийцы и саки, входившие в состав XV сатрапии. Саки хаумаварга или гаумаварга и саки тиграхауда были лишь частями одного и того же сакского народа, только населявшими разные области[100]. Главная масса саков обитала на востоке от Сыр-Дарьи и в северных, приграничных с Индией областях, там где помещают саков те из греческих писателей, которые говорят о них, как об особом народе, выделяя его из общей массы скифских племен (Страбон и Птоломей)[101].

Как мы видели, Птоломей помещает саков именно в западной части Восточного Туркестана на Памирском плоскогорье и по Тянь-Шаню до северных его скатов. Та же самая территория, на которой жили саки, указывается китайскими источниками.

Значит, основная масса саков жила по берегам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и далее на север через Тянь-Шаньское нагорье до озера Балхаш, на северо-востоке до Илийской долины, на северо-западе до низовий рек Чу, Сугнак, Туркестан, Сайрам, Чимкент, Хумсан, Карамазар, Искандер и др. и, охватывая нынешнюю Ташкентскую область, лежащую на востоке от Яксарта. Здесь на восточном берегу Сыр-Дарьи воевал Александр Македонский со скифами, которых он называл саками и победой над которыми хвалился в Вавилоне[102]. Саки жили также в Ферганской долине. По Ренелю саки, входившие в состав XV сатрапии занимали территорию между верховьями Окса и Яксарта около Имайского хребта, где жили племена хатлан, шаганян или саганиан[103], по Маннерту саки обитали в нынешней Бухаре и в некоторых соседних с Бухарой киргизских землях[104], по Вильсону саки селились к востоку от согдийцев и хисар, хотлан и дарбаз. Страбон и Арриан расска-

зывают о вторжении саков в Армению и Афганистан. Хэрилл подчеркивает, что «правдивейшими из людей» называют саков, а Эфор, живший при дворе Филиппа II сообщает, что за Пантекалесою обитают «разные кочевые народы, отличающиеся особенным благочестием, так что никто из них не причинит страдания даже животному. Питаются по-скифски молоком от кобылы и все достояние имеют общее между собой, и часть их зовется саками»[105].

Военные записки Александра Македонского дошли до нас в извлечениях в сочинениях Арриана и Квинта Курция, которые дополняют наши знания некоторыми новыми данными о событиях, которые происходили на левом и правом берегах Сыр-Дарьи, где жили саки. По сообщению Арриана, когда Александр Македонский после захвата Самарканда прибыл на берег Яксарта, то к нему «прибыл посол от саков и после приема посла решил построить город на берегу Яксарта»[106].

Таким образом, скифы, с которыми сражались македонцы на правом берегу р. Яксарта были саками[107]. Квинт Курций рассказывает, что после поражения скифов и изъявления покорности Александру Македонскому явился посол от саков[108]. Этим Квинт Курций отличает саков от скифов. Арриан отмечает, что союзниками Спитамена в его борьбе был народ под именем скифов-массагетов. Иногда Арриан их просто называет массагетами[109]. Кроме того, по Страбону, в падении греко-бактрийского государства главную роль сыграли саки, «вышедшие из заяксартской, соседней с саками и согдийцами страны, также принадлежавшей сакам»[110]. Страбон пишет, что саков и согдийцев разделяет река Яксарт, а согдианов и бактрийцев река Окс. Птоломей также говорит, что Согдиана с востока граничит с областью саков[111]. Большая часть саков оставалась и продолжала жить на своей родной земле, то есть на берегу Сыр-Дарьи, в нынешних Ташкентской и Ферганской областях еще во II в. н. э., о чем свидетельствуют сообщения Птоломея, а Аммиан Марцеллин упоминает их даже в IV в. н. э.[112]. Интересно и очень ценно сообщение автора XI в. Махмуда Кашгарского о саках, которых он называет сахоин или саксин-сак[113].

Известные востоковеды М. Н. Галкин и С. Е. Малов, перечисляя многочисленные тюркские племена, упоми-

нают среди них племя сак или сакар[114]. В. Ф. Гайдукевич пишет, что Страбон приводит следующие слова греческого поэта Хэрилла Самосского, творчество которого относится к последним десятилетиям V в. до н. э.: «И пастухи овец — саки, по происхождению скифы, но населяли они богатую пшеницей Азию и были выходцами из земли номадов справедливых людей». Эти строки Хэрилла были заимствованы Страбоном у историка Эфора для характеристики скифских племен, к которым причислялись и саки[115]. Приведенная цитата из Хэрилла интересна тем, что в ней упоминаются саки, как кочевые и оседлые жители древнего Узбекистана — страны, производящей пшеницу. Следовательно, греки сообщают о стране саков не только как о стране кочевых скотоводов, но и как о стране развитого земледелия. Античные источники помещают саков не только в степных районах Узбекистана и прилегающих к ним областях Средней Азии, но и в его земледельческих районах, в таких как Ташкентский, Ферганский, иногда в бассейнах Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи и Хорезмской области.

Античные авторы не делают резкого племенного отличия между оседлым и кочевым населением страны. Наоборот, сообщаемые ими сведения говорят о том, что среди одного и того же племени и народа имелись оседлые и кочевые элементы. Так, Страбон, говоря о массагетах и саках, различает среди них оседлые группы и группы кочевых жителей. Нередко происходило оседание кочевников, переходящих от скотоводства к земледелию. Такое положение мы наблюдаем на протяжении всей истории узбекского народа, особенно в древнейший, древний периоды и в средние века. Помпей Трог пишет, что Бактрия была основана скифами-кочевниками. Новейшие советские археологические раскопки, произведенные В. В. Григорьевым весной 1934 г. в долине нижнего Чирчика, недалеко от Ташкента, подтверждают, что саки занимались земледелием[116].

Древнейшая китайская хроника старшей династии Хан (202 г. до н. э.) также говорит: «Вообще почти во всех государствах Западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, скотоводство и в обыкновениях не сходствуют с хуннами»[117]. Если учесть, что к сакам принадлежали различные в этническом, языковом и физическом складе

и экономическо-культурном отношениях не связанные друг с другом племена и народы, нетрудно объяснить разноречивые сведения различных источников того времени, которые общим именем саков или скифов называют народы на огромной территории, начиная от восточного берега Каспийского моря до границ Китая. Несомненно, что на этой территории жили многочисленные и различные по этническо-языковому составу племена, которые не могли принадлежать к одному народу или к одной определенной этнической группе народности, а некоторые из них никакого отношения в этническом смысле к среднеазиатскому народу не имели.

По поводу этих племен и народов история старшей династии Хан сообщает: «Жители владений Пули Иной и Улэй — одного племени с сиэсцами» (саками — *М. Э.*). Северо-западнее и севернее от Сула (Кашгар) были расположены группы племен, которые китайцы прямо связывают с древними саками, отмечают, что племена «хюсюнь», «уши» были потомками «древних саков». Далее подчеркивается, что племена «хюсюнь» по «народным обычаям и одежде сходны с усунами, они являются племенем древних саков»[118].

Археологические раскопки в Узбекистане и в других районах неоднократно открывали культуру среднеазиатских саков. Примером этому может служить открытие сакской культуры в Каунчи-Тепе, вблизи Ташкента, которая относится к раннему исследуемому периоду[119]. А. И. Треножкин пишет: «Культура саков, датируемая VII—IV вв. до н. э. представлена погребениями в Курганах, глиняными сосудами грубой ручной лепки, бронзовыми орудиями и предметами вооружения — ножами, стрелами, копьями. Саки являлись носителями культуры бронзового века»[120].

Вспомним характерные черты и обычаи саков, сообщенные Геродотом, в которых мы встречаем традиции, сохранившиеся у средневековых среднеазиатских тюркских народов, в том числе у предков узбекского народа: «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи и особые секиры-сагары»[121]. Геродот, прекрасно знавший иранский народ, в отличие от него указывает на те характерные особенности сакского народа, жизненные условия, обы-

чаи, вооружения, одежду, нравы, которые были не свойственны иранцам.

Характеризуя героизм и мужество саков и особенно сакских женщин, античные авторы, в том числе и Диодор, отмечают: «В это время у саков царствовала женщина с совершенно воинственными наклонностями по имени Зарина. Вообще женщины у этого племени мужественные, и делят с мужьями опасности войны»[122]. По Клименту Александрийскому сакские женщины во время бегства от врага стреляли с коней, оборачиваясь назад, как делали это и мужчины. Из описания царицы саков Зарины, затем Тамарисы, табунщика Сирака и многих других мы узнаем о высоком нравственном уровне саков. Ктесей повествует о государственно-административных способностях Зарины, ее мужественной силе, решительности, волевом характере, не знающего колебаний, глубоком чувстве, женственности, чистоте души, храбрости и геройстве в сражениях против завоевателей — иранских колонизаторов. Такими героинями были многие сакские женщины.

Греческий писатель Полиэн поведал нам рассказ про табунщика Сирака, который добровольно подверг себя мучениям и потом радостно встретил смерть, чтобы только отвратить иранских завоевателей, грозивших его родине[123]. Свободные сакские народы древнего Узбекистана мужественно отстаивали независимость своей родной земли от посягательств иранских колонизаторов, как бы ни были они могущественны[124].

Геродот, Ктесей, Диодор, Полиэн и многие античные авторы, говоря об участии саков в битвах при Марафоне, Персеполе и других подчеркивают, что сакский народ был смелым, ловким, храбрым, честным и стойким, черты которого были присущи предкам узбекского и других народов Средней Азии.

Приведенные факты служат в качестве признака, определяющего этническую принадлежность сакского народа к предкам среднеазиатских народов, в частности узбекского народа. Характерно в этом отношении сообщение Элиана о сакских обычаях, сходных с обычаями предков узбекского народа. По свидетельству Клавдия Элиана: «Кто из них (саков — *М. Э.*) женится на девушке, должен вступить с ней в борьбу, если верх борьбы останется за девушкой, побежденный борец ста-

новится ее пленником и поступает в полное ее распоряжение. Только поборов девушку, юноша может взять ее в свою власть»[125]. Эти предания в большей степени соответствуют рассказам о древних обычаях узбекского народа. Например, по рассказам 90-летней Ибодат Иногамовой, в старые времена, по обычаям предков, если жених может расколоть корень дерева, то, как победитель, он должен жениться на той девушке, с семьей которой имел соглашение.

По Страбону, «у всех этих народов есть сходство в образе жизни, о котором мне часто приходится говорить: их погребальные обряды, нравы и весь образ жизни сходен»[126]. В этом отношении очень ценными являются сведения Дионисия, в которых говорится: «Наречий у них (у скифов — *М. Э.*) двадцать шесть»[127]. Из этого явствует, что хотя часть среднеазиатских саков принадлежала к одной родственной этнической единице, смешанной с другой этнической группой, все же они состояли из различных кровно-родственных отдельных этнических групп племен, имевших присущие им быт, степень культуры, нравы, наречия и др. Несмотря на то, что у каждого было свое наречие, однако у всех язык был один общий, сходный. По Элиану у саков — свой особый язык (stam., IV, 12)[128].

По словам С. П. Толстова, среди 400 вновь открытых памятников древности 14, такие, как Джанбас-Кала, Аяз-Кала, Тапрак-Кала относятся к IV—III тысячелетиям до н. э. и являются свидетельством того, что с незапамятных времен на территории Узбекистана жило коренное население [129]. К югу от устья Сыр-Дарьи лежал город Янгикент (новое селение), где-то поблизости его в древности находились города Хувора и Дженд. В те времена здесь был основной центр расселения сакских и массагетских племен, упорных противников персидских завоевателей Кира и Дария, а впоследствии, в I—V вв. н. э., сыгравших крупную роль в уничтожении власти греко-македонских захватчиков и образования среднеазиатского государства — империи Кушанов[130].

Полиэн рассказывает, что, получив известия о наступлении Дария, сошлись на совет все три сакских царя: Саксафор, Омарг и Тамарис. Имена двух последних напоминают имена персонажей сказания о гибели Кира. С. П. Толстов отождествляет Саксафора и с Шаушафором из династии хорезмийских сиявушидов. Это, возможно, был тот хорезмийский царь Шаушафор, которого Полиен называет Саксафором. Итак, правительница массагетов — Тамариса, правитель саков хаумаварга и правитель Хорезма обсуждали план обороны от нашествия персов. Именно к этому времени относятся ранние памятники: Базар-Кала, который своими древними слоями уходил ко времени городищ со стенами IV—III вв. до н. э., Кой-Крылган-кала, Кюнерли-кала и Джанбас-кала. В. В. Струве вслед за В. В. Григорьевым амюргийских саков локализирует по р. Мургабу, а А. Бернштам коренные области саков амюргийцев (Геродота) или хаумаварга (ахеменидских клинописей) помещает в районах Ферганской долины и Тянь-Шаня.

Возможно, что нынешний город Ош получил свое название от племени уш. Античные авторы упоминают о племени «агрипиаи», или «агрипай», которое историки В. В. Латышев и Л. В. Баженов считают тюркским племенем, жившим в Средней Азии. К ним на востоке примыкали исседены[131]. Если действительно это так, то первые сведения о среднеазиатском тюркском народе относятся еще к сако-массагетскому времени.

До 114 г. н. э. могущество хуннского государства Хун-Ну было непоколебимым, но затем началось его внутреннее разложение и распадение на несколько частей. Большинство южных хуннов, то есть уйгуров, в течение II в. н. э. постепенно передвинулись к западу, о чем сообщают нам китайские летописи северных династий. При описании «юе-бань»— тюркского племени, жившего к западу от иллийской долины, упоминается, что это потомки тех хуннских племен, которые остались там после того, как главная масса хуннов переселилась на запад в Кангюй после распада государства Хун-Ну в 114 г. н. э. По данным европейских исследователей, это переселение тюрков (уйгуров) в низовье Сыр-Дарьи, к Аральскому морю, известно только во II в. н. э. (Дионисий Периегет, II в. н. э.). Византийские историки (Меандр) отождествляли тюрок с саками.

Таким образом, по сведениям китайских источников, саки расселялись следующим образом: племена хюсюнь — Фергана, Гюаньду, район Сарколола недалеко от Кашгарии, племена уши-ош — южная Фергана и рай-

он Оша. Место расселения саков в указанных районах подтверждает А. Бернштам[132]. Восточные саки были, по его мнению, амюрги-хаумаварга и являлись этнонимами типа мургаб. По Восточному Памиру протекает р. Мургаб, которая соединяет Сарыкуль с Западным Памиром и верховьями Аму-Дарьи, и Бернштам в названии Мургаб видит более древнее имя саков, смешанное этнонимами хюсюнь, уши и др. Все эти сакские племена возникли в результате распадения сакского пласта, саков — амюргийцев, хаумаварга, центром которых было Семиречье.

Предположения А. Бернштама не подтверждаются сведениями персидских и греко-римских письменных источников, ибо почти все они определяют местожительство саков независимо от того, что их называют по-разному, в Средней Азии и центром их жительства называют не Семиречье, а нынешнюю территорию Узбекистана и прилегающих к нему областей: Ташкентскую, Ферганскую, а также местности до нижнего течения Сыр-Дарьи, Сайрама, Туркестана до Хорезма включительно. Следовательно, центром сакского объединения было среднее течение Сыр-Дарьи, нынешние Ташкентская и Ферганская области, Андижан, Ош и Туркестан. Страбон, говоря о племени, обитавшем в Средней Азии, пишет, что: «большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями. Более восточные из них называются массагетами и саками; все прочие носят общее имя скифов, но и каждый народ в отдельности называется особым именем. Наиболее известны... (из них), которые отняли у эллинов Бактриану (были), именно ассии, пасианы, тохары, сакаравлы, вышедшие с того берега Яксарта, подле саков и согдианов; берегом этим владели саки»[133]. Далее Страбон, более точно определяя местожительство саков, говорит, что «саки отделены от согдийцев Яксартом, а согдианы от бактрианов Оксом»[134]. Он подчеркивает, что эти саки недалеко от нынешнего Ходжента вели борьбу против Александра Македонского и активно поддерживали восстания прибрежного населения, в том числе и восстание Спитамена. Приведенные данные полностью соответствуют сведениям Аристобула, сопроводителя Александра Македонского, который сообщает точно так же, как Страбон[135]. Другой древний историк Эрастофен подтверждает: «живущих по ту сторону

Каспийского моря называли одних саками, других массагетами»[136].

Страбон считал массагетов этническо-родственной ветвью саков. Кроме Страбона, саков и массагетов, на которых напал Кир, отождествляют и другие древние авторы, как-то: Эрастофен, Аристобул.

В этом отношении очень ценны сообщения В. В. Григорьева, который, подводя итоги сведений всех источников, признает кровное родство саков с массагетами: «Родственные юечжи по китайским историкам тождественны с массагетами, которые у Геродота, как видели мы, отождествляются с саками или, по крайней мере, относятся к последним, как к роду. По Страбону, массагеты одинаково с саками признаются за народ родственный с хорезмийцами»[137].

Античные авторы относят к среднеазиатским сакским этническим группам, в том числе сакским населениям древнего Узбекистана, не только массагетов, но и многие другие среднеазиатские родственные им племена. Например, Страбон относит к сакской этнической группе племена атаси и хорезми, говоря, что «все эти народы имеют одинаковый образ жизни: их погребальные обряды, нравы и весь житейский обиход сходен между собой... в состав массагетов и саков входят также атаси и хорезми»[138]. Арриан сообщает, что саки[139] как жители Средней Азии входили в состав войска Бесса, наместника Бактрии, и составляли левое крыло войска Дария III. По Арриану, в войсках Бесса и затем Спитамена, кроме саков-массагетов, были и даи, жители берега р. Танаиса или, как он пишет: «...даи с Танаиса»[140].

Как мы видим, Арриан также считает местожительством даев правый берег р. Сыр-Дарьи в ее нижнем и среднем течениях. Это свидетельствует о том, что в сако-массагетские этнические группы племенного объединения составной частью входили и даи.

Очевидно, эти даи или парны, как иногда называют их источники, были либо частью даев, которые жили к востоку от Каспийского моря, в Парфии, по левому берегу реки Джайхуна по соседству с массагетами, либо частью той основной массы даев, которая жила по берегам Сыр-Дарьи, как это пишут Страбон, Арриан и другие.

По китайским источникам (Чжан-Цян), «Даха лежит от Давана на юго-запад, на южной стороне реки Гуй-

Шуй (Аму-Дарьи) ведут оседлую жизнь; имеют города и дома. Обыкновению сходны с даванцами. Войска их робки в сражениях, жители искусны в торговле. Народонаселение Даха простирается до миллиона. В семи городах есть рынки с различными товарами»[141].

К составу сакской этнической группы, несомненно, относится и племя абия, или аби, которое жило также на берегу Сыр-Дарьи. Когда Александр Македонский с войском стоял на берегу Сыр-Дарьи недалеко от Ходжента, то «спустя немного дней к Александру пришли послы от скифов, именовавшихся абиями...»[142] В. В. Латышев, отмечая, что упоминаемое Аррианом племя абия «известно у других авторов под именем саков»[143], подтверждает наше высказывание о принадлежности абия к сакской этнической группе племен, составляющей родственно-этническую часть их.

Одним из главных районов жительства среднеазиатских саков была и Ферганская долина, так как ее жители входили в главный этнический состав среднеазиатских саков, как коренные предки узбекского народа.

По Гелланике, саки, обитавшие в Ферганской равнине, были саками хаумаварга. Это название отождествляется с народом «варана», сообщаемым Птоломеем, или «фарава» у других античных авторов, или «вардана» у средневековых авторов. Птоломей и Вендидат называют население Ферганы —«варана», что тождественно стране саков хаумаварга, ибо в это слово включен тот же известный слог «вар». Единственным древним источником является рассказ китайского посла Чжан-Цяна о Фергане. Впоследствии этот рассказ был Сыма-Цзяном включен в «Ши-цзи»[144]. По предложению некоторых историков, в 159 г. до н. э., когда греки были заняты походом в Индию и гражданской войной в Бактрии, пришельцы саки захватили власть в Фергане.

Однако мы не имеем основания считать ферганских саков пришельцами, поскольку они еще в древнейшие времена, в период господства Ахеменидской династии, составляли основное население Ферганской долины. Вероятнее всего в 159 г. до н. э. коренное население Ферганы, видимо, сбросило политическое господство греков, пользуясь внутренними междоусобицами и неудачными военными походами греческих колонизаторов, обескровивших, как говорит Страбон, страну.

У Плиния мы читаем: «По ту сторону Яксарта живут скифские племена. Персы вообще называют их сагами (саками)... количество скифских народов бесконечно... знаменитейшие из них саги (саки), массагеты, даи, исседоны, астаки, постики, гомидоты, гисты, эданы, камы, камаки (кемаки), эсхати, котнеры, энтузианцы, псаки, аримаспи, антрокаты, хроазы (хоразмы), этаи (эгаи)[145]. По рассказу Плиния выходит, что перечисленные им скифские племена жили к востоку от берега Сыр-Дарьи и на восточном берегу реки, которых персы называли под общим именем саков, и они принадлежали к сакскому племенному объединению. Интересно, что названные Плинием сакские племена: камы, камаки, или кемаки упоминаются среди среднеазиатских племен историко-географическими источниками X—XII вв. и лингвистом Махмудом Кашгарским.

По Птоломею: «Те саки, которые живут у Яксарта, называются кораты и комары...»[146]. Следовательно, в состав среднеазиатских сакских племенных объединений входили кораты и комары.

По сведениям Аммиана Марцеллина у саков, в низовьях и среднем течении Яксарта (Сыр-Дарьи) существовал ряд городов, в том числе город Саг[147]. Факт существования городов на берегах Сыр-Дарьи еще раз свидетельствует о том, что основные поселения сакского народа находились в области, расположенной в низовье и среднем течении Сыр-Дарьи или, возможно, в междуречьи Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

Арабский географ аль Идриси упоминает о сакских городах, расположенных по Сыр-Дарье от Ходжента до Ташкентской области включительно. В районе Илака[148], как указывал аль Идриси, существовал город Сакаканд, на Сыр-Дарье, недалеко от нынешней Арыси, город Сейканд[149] и др. В материалах сакских городищ Ташкентского оазиса имеется целый ряд форм и приемов, связывающих эту культуру с такими же городищами Ферганской долины[150] и других районов Узбекистана.

Наличие у саков городов и сел говорит о том, что подавляющее большинство саков было оседлым, жили с незапамятных времен в селениях и городах, занимались земледелием, бахчеводством, садоводством, виноградарством, огородничеством, ремеслом, торговлей и

имели достаточно высокую городскую и земледельческую культуру.

Китайские источники к сакам относят и племена усуни. По сообщению Чжан-Цяна и других, усуни были одним из племен народа сэ, то есть саков: «усуни — потомки сэйков». К сакским племенам китайские источники относят другие племена, указывая, что: «сэйские племена живут рассеяно. От Кашгара на северо-запад хюсюн и гюндау — суть потомки древних сэсцов (саков)»[151].

Античные авторы рассказывают о падении греко-бактрийского государства под ударами ряда племен с севера, с нижнего течения Сыр-Дарьи, которых Помпей Трог называет «саравкиями» и «асианами», а Страбон —«асиями», «пасианями», «тохарами», «сакаравлами». Большинство исследователей отождествляют «саравкии» с «сакаравлами» и понимают под этим именем сакское племя — хаумаварга, которое упоминается в надписях ахеменидских царей, а у Геродота и других авторов древности как «скифы амюрги». Последних Ктесей также относит к массагетам, одной из частей саков. В районы, где жили массагеты и саки (низовье и среднее течение Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) Птоломей помещает сакараваков.

Сакские племена, называемые по-разному, различные их части, принадлежащие к одной сакской этнической группе, как коренные жители Междуречья[152], упоминаются византийскими, персидско-арабскими источниками. Почти все средневековые историки и географы (Табари, аль Масуди, аль Балозари, Макдиси и др.) часто упоминают племя сакалиб, и считают, что оно жило в низовьях Сыр-Дарьи и по среднему течению реки. Если учесть, что название «сакалиб» состоит из двух частей: «сак» или «сако» и «либ», то становится ясным, что основной корень этого слова — сак, а «алиб» или «либ»— суффикс. Следовательно, племя сакалиб, упоминаемое средневековыми источниками, не что иное, как среднеазиатские саки.

С. П Толстов сакараваков причисляет к хорезмскому народу, он считает, что это племя играло главную роль в слиянии различных сако-массагетских племен в хорезмский народ. Очень ценно, что древнейшие племена «уши» или «ош», жившие в южной части Ферганской долины, также входили в этнический состав сакских племен,

в частности в состав племени хюсюнь, гюндау, центром которого был Чон-Алай (Курганы Кийкеташ). Этот круг племен А. Бернштам правильно связывает с саками-амюргиями Геродота[153].

Таковы сведения, которые дают нам изученные источники о среднеазиатском народе саках, коренных жителях древнего Узбекистана, самых многочисленных и самых древнейших обитателей страны. В состав сакской кровно-этнической единицы входили большие и малые среднеазиатские племена, оседлые и кочевые народы страны, в частности массагеты и их ответвления — даи, конгуйцы и ряд других племен.

Все эти среднеазиатские племена вместе с коренными жителями городов и деревень страны составляли сложную единую по экономике, культуре, обычаям, географическому расположению этническо-языковую единицу, связанную между собой родственными узами. Языково-этнические объединения племен в общины, а впоследствии и народа, в зависимости от специфических условий, включали еще и мелкие этнические группы (племена). В результате возникновения и развития кровноэтнических объединений обитателей древнего Узбекистана появились первоначальные этническо-языковые элементы народа на данной территории, которые непосредственно были предками узбекского, туркменского, казахского, киргизского и других народов Средней Азии.

Следовательно, среднеазиатские саки играли решающую роль в возникновении и формировании первоначального этнического элемента узбекского народа. Часть саков в степных пространствах, удобных лишь для кочевания, занимались скотоводством, другие — в местностях, пригодных для возделывания почвы, занимались земледелием и жили в селах, а третьи — в пунктах, местность которых благоприятствовала этому, скучивались в городские поселения, занимаясь ремеслами и торговлей[154].

Сказанное нами подкрепляется еще и тем, что часть даев подобно своим родичам сакам осела и построила села и города, а другая часть продолжала вести кочевой образ жизни. Подобно этому, рассказывает Плиний, парфяне частью жили в городах, частью были кочевыми скотоводами[155].

По словам Птоломея, часть саков занималось вывозом товаров и торговлей[156]. Они представляли «убежи-

ща для отправляющихся торговать»[157]. Очевидно, что через земли саков, то есть главным образом через Междуречье, проходил караванный путь. Караванная торговля производилась через сакские земли, через древнюю территорию Узбекистана. Упоминание источников про «убежища» следует понимать как караван-сараи, построенные сакским населением страны.

Открытый во II в. до н. э. караванный путь из Китая в Переднюю Азию сделался впоследствии главным торговым путем для вывоза китайского шелка. Тем же путем, при активном участии населения древнего Узбекистана, привозились в Китай из греко-римского мира стекло и хрусталь и другие товары. Язык сакских племен Междуречья, в том числе массагетов, даев, кангуй и ряда других сакских племен отличался от языков прочих несреднеазиатских, в особенности немеждуреченских племен саков, а также иранских колонизаторов.

В то же время сакские племенные союзы Средней Азии, в том числе и Междуречья, имели самостоятельные, особые наречия и говоры, но говорили на одном и том же языке. Специфические отличия в языке разговорных наречий не мешали всем междуреченским сакским племенам понимать друг друга. Китайские летописи II в. до н. э. утверждают, что народы Средней Азии от Ферганской долины до Парфянского царства, то есть до Туркмении, в разговорах понимали друг друга, хотя и говорили на различных языках[158], а позже Страбон говорил об одноязычности народов Средней Азии[159]. По-видимому, многочисленные языки сакских племен областей Междуречья представляли собой диалекты старотюркских языков, плохо отраженных или почти не отраженных в письменных документах того времени. Эти языки многие ученые востоковеды без всякого основания относили к арийским или иранским языкам, забывая о долголетнем колониальном господстве иранских завоевателей и считали иранский язык языком широких народных масс древнего Узбекистана.

Древнейшие эпосы повествуют нам о героической борьбе предков узбекского и других народов Средней Азии против иранских колонизаторов и затем греческих завоевателей.

Правители иранского государства Ахеменидов с целью покорения других народов неоднократно совер-

шали походы в Среднюю Азию и превратили ее, и в том числе Междуречье, то есть территорию древнего Узбекистана, в иранскую колонию, чего не понимали или не признавали западно-европейские и русские дореволюционные востоковеды, вытащив давно разоблаченную арийскую теорию. Вслед за ними некоторые современные ученые не хотят признавать действительность, считая древнейших жителей Средней Азии иранцами, называя их восточноиранским племенем. С появлением более достоверных письменных источников, мы имеем более подробные сведения о превращении Средней Азии в иранскую колонию при власти мидян и династии Ахеменидов, в VII—VI вв. до н. э. Об иранском владычестве напоминают нам названия некоторых каналов, построенных завоевателями в Ташкенте и названные ими в честь своих вождей: Кайковус-Калковус, протекающий через город в близости от ул. Известия в честь царя Кира; Салар, названный именем иранского военачальника Рустама Салор; канал, построенный и названный Зола Зогарик или Зола-рик и многие другие. Это не значит, что Средняя Азия стала колонией иранских захватчиков со времени мидян и ахеменидов, а гораздо раньше, с незапамятных времен, о которых мы не располагаем сведениями письменных источников.

Есть некоторые данные, рассказывающие о том, что Средняя Азия, особенно оазис бассейна реки Зеравшан, то есть вся территория Согдианы до берегов Сыр-Дарьи, была колонией Ассиро-Вавилонского царства. Еще в те времена вместе с ассиро-вавилонскими завоевателями переселились и господствовали над населением Согдианы и Хорезма иранские колонизаторы. Очевидно, этим объясняется тот факт, что в преданиях Авесты рассказывается о борьбе жителей Согда и Хорезма с иранской знатью, которая, очевидно, хотела восстановить распавшуюся колонию. Поэтому правы те ученые, которые считают население огромной территории Согдианы, охватывающее территорию нынешних Бухарской, Самаркандской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, неоднородным, как имеет это место и в настоящее время. Население указанных территорий частью является тюркоязычными предками узбеков и частью — таджиками. Как утверждают ученые, последние были ираноязычными или восточноиранскими племенами.

Некоторые ученые относят таджиков к восточноиранским племенам даже в XI—XII и XIII вв., тогда как в действительности от иранских племен, в полном смысле этого слова, уже давно ничего не осталось. Поэтому будет неверным считать таджиков только иранцами.

Такие утверждения — не что иное, как повторение доводов буржуазных дореволюционных теоретиков об арийском происхождении народов Средней Азии, в особенности населения Согдианы и Хорезма, которое они считали чисто иранскими племенами. Нам кажется, что таджики произошли, подобно предкам узбеков, от смешения и складывания с древнейших времен двух народов — ираноязычного и тюркоязычного.

Одним из коренных жителей Междуречья из главной ветви сакской этнической группы племен являются массагеты, которые составляли кровнородственную этническую группу или часть сакской этнической единицы. Массагеты были крупным союзом племен, который включал в свой состав мелкие сакские племена. По одной из гипотез слово «массагеты» состоит из «мас»+«сака»+«та», то есть «большая сакская орда». В середине первого тысячелетия до н. э. массагеты представляли конфедерацию собственно массагетских и сакских этническо-кровнородственных племен или народностей, в составе которых были хорезмийцы, заселявшие верхнюю дельту Аму-Дарьи до г. Султануиздаг, апа-саки, или апасиаки, пасики, абии, жившие в нижней дельте Аму-Дарьи и в районе Сарыкамыша на западе и Жаны-Дарьи на востоке. сакараваки, или саки хаумаварга, скифы амюргии, обитавшие на юге Средней Азии, дербеки, жившие на среднем течении Аму-Дарьи, между современными Чарджоу, и Бухарой, тохары — по Ксерксу-дага, тождественные с племенем дахи (лат.) и даи (греч.), жившие на Куван-Дарье, асии или ятии, асианы (иногда их называли яксарты) — на среднем течении р. Сыр-Дарьи.

Геродот считает, что массагеты расселялись на восток от реки Аракса против исседонов, живших в северной части урало--каспийских степей[160]. Л. Д. Баженов также отмечает, что: «массагеты жили в областях между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, а исседоны на территории современного Казахстана[161]. По словам Геродота река Аракс «изливается сорока устьями, которые, за исключением одного, теряются в золотых степях, где живут, как

говорят, люди, питающиеся сырой рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры. Единственный рукав Аракса протекает по открытой местности и впадает в Каспийское море»[162]. На востоке от Каспийского моря простирается равнина, значительную часть которой занимали массагеты.

Таким образом, сопоставляя и анализируя сведения Геродота, мы можем установить, что местом расселения массагетов была часть долины к востоку от Каспийского моря. О географическом расселении массагетов Страбон имел более точные данные: «Рассказывается следующее о массагетах, что одни из них населяют горы, другие долины, одни болота, которые образуют реки, другие острова среди болот. Особливо, как говорят, орошает землю (их) Аракс, который многократно разветвляется и всеми прочими устьями впадает в другое, на севере лежащее море, а одним устьем в Гирканский залив»[163].

Как видно, Аракс[164] не терялся большей частью своих рукавов в болотах или степях, как это утверждал Геродот, а впадал в Аральское море. По свидетельству Страбона массагеты населяли область за теми рукавами Аракса, которые впадали в Аральское море. Гирканский залив, куда впадал единственный рукав Аракса, очевидно, и был ныне высохшим Узбоем.

Сведения Страбона подтверждаются надписями на документах основоположения дворцов Дария I в Персеполе и Экбатане, где среди областей на крайней границе державы Ахеменидов упоминаются и саки за морем — массагеты. Позднейшие восточносреднеазиатские исторические источники (Низомиддин шами и Шарафиддин Али Йезди «Зафар-наме»[165], Мирхондом «Равзатус Сафо» и др.) сообщают, что среди островов было много мест, на которых жили люди, вода окружала их и защищала от врагов. Людей этих называют «балыкчиен», что означает «рыбаки или рыбоеды». Как говорит Геродот: «Когда этот народ (Вавилония) попал пад власть Кира, царь возымел сильное желание покорить массагетов. Этот народ считается многочисленным и воинственным, живет на востоке по ту сторону реки Аракса, против иссидонов. По мнению некоторых, это скифский народ, жители питаются всевозможными кореньями, которые они летом выкапывают; зимою употребляют в пищу плоды некото-

рых деревьев, их отыскивают и в зрелом состоянии собирают про запас... Царицею массагетов была в то время вдова (жена) умершего царя, называлась она Тамарис»[166]. Далее Геродот подробно рассказывает о войне Кира с массагетами.

Страбон сообщает следующее: «О массагетах говорят, что часть их живет на горах, часть в равнинах, третья часть их занимает болота, образуемые рукавами рек, четвертая — живет на островах и на этих болотах. Утверждают, что река Аракс, разделяющаяся во многих местах, более других наводняет эту страну. Она впадает всеми своими устьями в северную часть моря и только одним в Пирканский залив»[167]. Страбон рассказывает, что «массагеты, живущие на островах, питаются кореньями и дикими плодами, потому что у них нет посевов. Одеваются они в древесную кору, скота у них нет, пьют сок, выжимаемый из древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбой, одеваются в шкуры тюленей, выходящих из моря. Горные жители питаются дикими плодами. Впрочем, они имеют много овец, которых не режут, сохраняя их для шерсти, молока»[168].

Арриан, участник похода Александра Македонского в Среднюю Азию, описал борьбу македонцев с восставшими согдийцами во главе со Спитаменом. В частности, Арриан пишет: «В то время, когда Александр был занят, Спитамен и с ним несколько согдиан, бежавших в сторону скифов, называвшихся массагетами, собрали около себя 600 массагетских всадников и явились с ними перед одним укреплением в Бактрии — ...узнав о набеге скифов они (греки) собрали... около 80 всадников с несколькими царскими слугами пошли на массагетов. И далее: «...Кратер поспешно выступил против массагетов. Последние, услышав о его приближении, быстро бежали в пустыню. Но он (Кратер) по пятам следовал за ними (массагетами) и недалеко от пустыни напал на этот отряд (массагетов), но и на другую толпу массагетских всадников свыше 1000 человек»[169]. Продолжая свой рассказ о борьбе Спитамена с греческими захватчиками, Арриан упоминает, что в отряде Спитамена было 3000 массагетских всадников. Из сказанного можно сделать вывод, что массагеты, считавшиеся одной из ветвей саков, были коренными жителями Междуречья, обитали недалеко от Согдианы в степях и в самой обширной территории Согдианы. Арриан считает массагетов даже согдийцами. Возможно, что часть согдийцев когда-то принадлежала к массагетской этнической группе. Впоследствии часть массагетов продолжала кочевать, но во время нашествия Александра Македонского оказала помощь своим родичам согдийцам. Другая часть массагетов, уже давно перешедшая к оседлой жизни, стала жить на территории Согдианы, составляя среди ее населения две разные этнические группы: сако-массагетскую и ираноязычную, о чем мы расскажем ниже.

Одним из массагетских племен являлись апасиаки. Как говорит Страбон, «апасиаки, племя массагетов, живущее между реками Оксом и Танаидом»[170]. Полибий отмечает, что «апасиаки живут между Оксом и Танаидом». Первая из этих рек впадает в Гирканское море, а Танаид изливается в озеро Местиду[171]. Когда Окс достигает пустыни, то встречает на пути много препятствий... с большой высоты со скалы Апасиаки падает большой водопад и, как говорят, под этим водопадом проходили посуху с лошадьми в Гирканию»[172]. Помпей Трог, подробно описывая поход на массагетов, считает последних скифами, отмечает мужество массагетов-скифов и их жен — амазонок во главе с Тамарис. По словам Помпея Трога «скифско-массагетские племена всегда считались самыми древними» и он, отличая их от персов (иранцев), пишет, что «персидского царя Дария они с позором выгнали из Скифии; Кира перерезали со всеми войсками; Запириана, полководца Александра Великого точно так же уничтожили со всей армией»[173]. Далее Помпей Трог подчеркивает, что «сами они (массагеты) основали парфянское и бактрийское государства»[174]. Это свидетельство того, что многочисленные сако-массагетские племена, как коренные жители страны, создавали самостоятельные государства. Интересен тот факт, что многие источники древности сообщают о том, что основателями парфянского государства были племена парни, даи и др. Следовательно, в том случае парни и даи также принадлежали к сакско-массагетской этнической группе племенного объединения, ибо, как мы говорили выше, даи, первоначально жившие на берегу нижнего и среднего течения реки Сыр-Дарьи, принадлежали к сакской этнической группе племен. Поэтому Помпей Трог, желая подчеркнуть родственную связь указанных пле-

мен с массагетами и считая эти племена частью массагетских племенных объединений, прямо указывает на участие массагетов в образовании независимого парфянского государства.

Очень ценно, что античные источники, древние авторы отмечают родственные связи массагетов с хорезмийцами. Например, по словам Страбона, «массагеты одинаково с саками признаются за народ родственный с хорезмийцами»[175]. В другом месте Страбон еще более ясно говорит, что «хорезмийцы — суть тоже из народов массагетских и сакских племен»[176].

С. П. Толстов подчеркивает: «Хорасми вряд ли могут считаться племенем, скорее это результат слияния различных массагетских племен, в первую очередь, видимо, сакараваков, втянутых в систему хорезмийской государственности»[177]. Следовательно, хорезмийцы также принадлежали к сако-массагетской этнической единице, или этнической группе. Возможно, что часть массагетских племен, кочевавшая в Междуречье и в районе Хорезма, прочно осела на территории Хорезма и стала коренными жителями области, образуя ряд селений и городов. Однако впоследствии массагеты потеряли свои племенные особенности и постепенно стали превращаться в хорезмийский народ. Часть же многочисленных мелких массагетских племен продолжала кочевой образ жизни в степных районах Хорезма и на обширных территориях степных районов Междуречья, в частности в степях Кызыл-Кумов и Кара-Кумов.

Геродот, Страбон, Гекатей считали массагетов конфедерацией пяти племен: дербеков, апасиаков, атаисов, или аттасов, хорасмиев и аугасиев (аугалов)[178]. Входившие в состав массагетской конфедерации племена расположились на территории Средней Азии, главным образом, в районе Междуречья так, что хорасми-апасиаки, что в переводе на русский язык означает «водные саки», жили вдоль северных границ Хорезма, от Узбоя до Джан-Дарьи (соответствует «массагетам болот» Страбона)[179]. Племена сакараваки (по сведениям средневековых восточных авторов — сакалиби), обитали от юго-восточных границ Хорезма до горы Нура-Тау. Сакараваки — саки хаумаварга или саки амюргии (Геродот), соответствуют «массагетам гор и равнин». Третьим племенем массагетов были дербеки, которые жили в районе

среднего течения Аму-Дарьи, между современными Чарджоу и Бухарой. Четвертым племенем были даидахи, или тохары и яти, асианы, населяющие район среднего течения Сыр-Дарьи, начиная от Сугнака Джента и современных городов Туркестана, Сайрама, Чимкента до Наная, Багистана, Сиджака, Хумсана, Карамазара, Ангрена и до Ташкента включительно, составляя основную часть сакско-массагетского родственно-этнического племенного объединения. «Анализ текстов Птоломея, Плиния и Полибия, посвященных перечням народов оксо-яксартского междуречья,— пишет С. П. Толстов,— заставляет прийти к выводу, что бассейн Куван-Дарьи составлял область расселения народности тохаров, локализуемых Птоломеем «в северном отрезе Яксарта», рядом с пасеками, то есть аппасиаками Аральского моря, с одной стороны, и ятиями, асиями, живущие по правобережью Сыр-Дарьи и более восточных районах этой же реки с другой»[180]. Пятым племенем конфедерации массагетов были аттаси и аугоси (аугали)[181].

Указанные сако-массагетские племена были наиболее известными и крупными. Каждое из них, в свою очередь, объединяло несколько более мелких родственных племен. Большинство из крупных сако-массагетских племен жили на территории Междуречья, то есть современной территории Узбекистана, считались коренными жителями и являются таким образом предками узбекского народа. Некоторые из племен входили в этническо-языковый состав других среднеазиатских народов и считаются предками киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен. В этнический состав киргизского, казахского, туркменского народов входили и другие многочисленные племена, которые также считаются предками этих народов. Исследование этого вопроса не входит в нашу задачу, поэтому мы специально не останавливаемся на нем.

Сако-массагетские конфедерации в IV—III вв. до н. э. подчинили себе не только Западный, но и прошли в Восточный Туркестан, вплоть до границ Монголии[182].

Высказанное нами предположение подтверждается античными авторами IV—III вв. до н. э. и китайскими источниками III—II вв. до н. э., которые сако-массагетские племена помещают на восток от Сыр-Дарьи, на

границе гуннов. Китайские историки сако-массагетские племена сэ и тухало (тохары) помещают по соседству с гуннами и описывают отступление их на запад в глубь Средней Азии под ударом гуннов. Это были те сако-массагетские племена, которые остались жить там в период колонизации сако-массагетской конфедерации. Именно этим объясняется факт, сообщаемый китайскими источниками о возвращении под давлением гуннов племен сэ, тохар и др. к своим родичам в Ташкентский оазис и Междуречье.

Более поздние источники, в том числе византийские, персидские, китайские и впоследствии западноевропейские, русские и советские историки и лингвисты особо отмечают родственные связи с сако-массагетскими племенами тех племен, которые отступили под давлением гуннов в глубь Средней Азии. Поэтому мы имеем все основания включить тохаров в состав сако-массагетских племен.

Таким образом, массагетские племена были самыми крупными племенными объединениями среди среднеазиатских сакских этнических групп племен. Таковы сведения источников о массагетах, населявших территорию древнего Узбекистана и прилегающих к нему областей, как составное ответвление сакского народа.

Следовательно, массагетские племена и их ответвления играли огромную роль в формировании этнических элементов предков узбекского, а также каракалпакского и туркменского народов. Массагеты, как мы говорили выше, имели непосредственные кровнородственные этнические связи между жителями страны, в том числе с жителями Хорезма, Ферганы, Ташкента, Согда, даями, и входили в этнический состав сакско-хорезмского единого этнического объединения.

Следует отметить характерные черты в жизни и деятельности массагетов. Большую роль в жизни народов Средней Азии, в том числе массагетских народов, играл конь. Особенно большой известностью пользовались массагетские конники во время борьбы против иранских завоевателей — Кира и Дария. Массагетские всадники носили на правом боку длинные, расширяющиеся книзу колчаны, которые мы не встречаем у баспорских, иранских и индо-сакских всадников, а также на монетах указанных стран, где изображены всадники.

С. П. Толстов, отождествляя массагетские колчаны с хорезмийскими, пишет, что «колчан того типа, неизменно висящий справа, мы потом видим на всех без исключения изображениях всадников, на хорезмийских монетах до XIII в. н. э.»[183]. Подобно массагетским, были ферганские лошади, для которых характерны высокий рост и длинные ноги. До недавнего времени узбеки называли их аргамаками, тулпарами, карабаирами. Одежда и головные уборы всадников, изображенные на монетах их лица, характерная форма головы, крупный боевой конь, чулкообразное налучье, длинный лук и длинный прямой меч являются признаками того, что «анализируемый нами комплекс вооружения уже вступил в свои права»[184]. Древнейшие исторические сведения о тяжеловооруженной коннице в Средней Азии мы находим у Геродота и в восходящем к Гекатею тексте Страбона о массагетах, к которым, как известно, Страбон относил хорезмийцев. Интересно, что, по свидетельству Геродота, доспехи массагетов изготовлялись еще из меди.

«Сражаются они верхом на лошадях и пешие, знают оба способа ведения войны: сражаются луками и копьями, вооружены обыкновенно и секирами. Все предметы у них из золота и меди: все, что требуется для копий, стрел и секир, изготовляется из меди. Головные уборы, пояса и повязки украшаются золотом. Также из меди делают они грудные панцири для лошадей»[185]. У Страбона мы читаем: «Они (массагеты) хорошие конные и пешие воины, вооружены луками и мечами, панцирями, медными топорами, в битвах носят золотые пояса и золотые повязки»[186]. По мнению исследователей, в том числе и С. П. Толстова, тяжелой конницы в древние времена в Иране не было. Применение тяжелой конницы в иранском войске имело лишь эпизодический характер и получило широкое распространение лишь в середине I в. до н. э. под влиянием Средней Азии.

Следовательно, в начале V в. до н. э. оседлое сельское и городское население и полуоседлые племена Средней Азии, включая массагетов и хорезмиев, сражались по преимуществу в качестве лучников. Самобытный индивидуальный тип вооружения мог возникнуть только в совершенно определенных экономических и историко-культурных условиях, то есть в условиях скрещения оседло-земледельческих и скотоводческо-охотничье-ры-

боловецких традиций. Такое же мнение высказывают многие исследователи, в том числе С. П. Толстов, К. А. Иностранцев, известный французский ученый Маркварт и другие. Кроме античных источников, позволяющих определить древнее вооружение народов Средней Азии, историк Моисей Хоренский (VIII в. н. э.) отмечает среди объектов вывоза из Хорезма «замечательный лук»[187]. По свидетельству географа Макдиси, в Хорезме изготовлялись «луки», которые могут натянуть только самые сильные люди»[188].

С. П. Толстов, отличая массагетско-сакские народы Средней Азии от иранского народа и по типу вооружения и породе лошадей, пишет, что тяжелое вооружение было совершенно нетипично для древнего Ирана, в войсках которого преобладала легковооруженная пехота и легкая конница, сочетавшаяся с боевыми колесницами. «Тяжелая конница характерна в первую очередь для массагетов, что не впервые отмечает Геродот: «Отсюда же, из страны массагетов, проникла в Монголию, Китай и Сибирь (Алтай) великолепная порода высокорослого боевого коня, рассчитанного на тяжеловооруженного всадника»[189].

Описывая обычаи и нравы массагетских народов, Геродот и Гекатей отмечают: «Массагеты богом считают только солнце, в жертву которому приносят лошадей»[190].

Помпей Трог, говоря об обычаях массагетов, указывает, что «самым тяжким преступлением у них считается воровство». Относительно хозяйственной деятельности, в том числе о ремесленном производстве массагетов, Геродот пишет: «платья их пестро раскрашиваются растительными соками, долго не теряющими своего блеска. Жители равнин, имея землю, ее не обрабатывают, а питаются мясом овец и рыбою, образ жизни ведут кочевой и скифский»[191]. По словам Страбона, все эти народы имеют одинаковый образ жизни; их погребальные обряды, нравы и весь житейский обиход сходен между собою, они воинственны, но в сношении с другими простодушны и правдивы[192].

Сведения древнейших источников позволяют классифицировать массагетские народы по типу хозяйственного уклада, выражающегося в земледельческом, бахчеводческом, садоводческом, огородническом, ремесленном производстве, торговле и, связанной в соответствии с

этим, оседлой жизни, скотоводстве, рыболовстве и других отраслях хозяйства, и, связанного с этим, кочевого образа жизни.

Другим крупным племенем, впоследствии племенным объединением Междуречья, Ташкентского оазиса и прилегающих к ним областей и в то же время главным родственным ответвлением сако-массагетских этнических единиц, были племена кангуй, или кангли.

Античные авторы не упоминают об этих племенах. Мы не находим этого названия и в повествованиях о событиях в Средней Азии Геродота, Полибия, Страбона, Помпея Трога и других авторов. Памятники персидской клинописи также не упоминают о кангха Авесты. И только китайский путешественник Чжан-Цян после сведений Авесты впервые сообщил о существовании на территории Междуречья в Узбекистане племени Кангуй, о котором мы ничего не нашли у античных авторов. Возможно, что греческие и римские историки называли их по-другому. В «Шахнаме» Фердоуси часто река Сыр-Дарья зовется то Канга, то Гульзариюн. Ученые Юсти, В. В. Бартольд, Г. В. Птицин и другие говорят, что в древнейшие времена местное название р. Сыр-Дарьи было Канга.

Первые, более ранние сведения об этом племени дают нам некоторые письменные источники древности и наиболее ранний из них Зенд-Авеста. В нем есть следующие строки: «Воин страны Туса молит Ардвисуру Анахиту о даровании ему помощи против враждебных могучих сынов Басака (туранцев), в их замке Хшатро-сака, на вершине которого находится высокий и священный Кангхи (Кангха)». Кангха называли горную местность, где находились царские ворота, возможно те железные ворота, которые в 630 г. описал известный китайский путешественник Сюан-Цзян.

Отождествляя авестскую Кангху с китайским Кангуй, Рейно предполагает, что мифический Кангх — это китайское название Согда, Самарканда и Хорезма, а Маркварт и Тарн отождествляют Кангуй с областью Шаш (Ташкент). Вслед за ними В. В. Бартольд отмечает, что все стороны к северу от Аму-Дарьи, а именно Шахрисабз, Кушания — район Катта-Кургана, Ташкентская область, Бухара и северная часть Хорезма с Ургенчем были подчинены во II в. до н. э. Кангуйскому государству. По сведениям Авесты, Кангха находилась

вблизи города Урна, то есть Ургенча, который китайские источники именуют Юегань. Пехлевийские тексты связывают Кангха с Хорезмом. По сообщениям китайских источников кангуйцы образовали огромную конфедерацию, куда входили такие города как Бухара, Вардана, Кабудан, Ташкент, Маймург, Кушания, Кеш и Хорезм. По свидетельству китайской хроники, кангуйское царство охватило огромную территорию Средней Азии. В сочинении известного историка Табари «Тарихи Табари» сообщается о конфедерации среднеазиатских городов и о съездах царей этих городов вблизи Хорезма. С. П. Толстов предполагает, что в состав государства Кангуй входили также и Каракалпакия, и юго-западный Казахстан. Китайские источники помещают Кангуй к северо-западу от Ферганы[193].

Во II в. до н. э. Хорезм, Согд, Шаш (Ташкент) и другие области Узбекистана были объединены в государство Канга или Кангуй, которое достигло во II. в. до н. э. своего полного расцвета. Ведущим племенным союзом в составе Кангуйской конфедерации и впоследствии Кангуйского государства были сакараваки (сакарауки), которые имели кровнородственные связи с сако-массагетской этнической единицей и считались одним из ее ответвлений. Следовательно, племя сакараваков является одним из сако-массагетских народов, вокруг которого сложилась кангуйская конфедерация, впоследствии превратившись в мощное государство, игравшее активную роль в распаде греко-бактрийского царства. Принадлежность кангуйцев к среднеазиатским народам, в частности к предкам узбекского народа, как исконных жителей данной территории, подтверждается сообщениями многочисленных источников древности, все они помещают государство Кангуй в основном на территории Междуречья и прилегающих к ним обширных районов Средней Азии.

Китайский путешественник Чжан-Цян, говоря о кангуйских племенах, помещает их на территории Средней Азии, расположенной между землями юечжи, захвативших греко-бактрийское царство, на юге и усунов и гуннов или хуннов на востоке. Вот что рассказывает Чжан-Цян по этому поводу: «Кангуйцы находятся почти в 2000 ли (1000 км) от Давани на северо-запад... В обычаях совершенно сходны с юечжи, имеют 90 000 воинов. Кангуй смежен с Даванью и по малосилию признает над собой на юге власть юечжийцев, на востоке власть хуннов, а на севере Кангуй граничит с Аньси»[194].

Территория Кангуйского государства, указанная Чжан-Цяном, простиралась начиная от Ферганской долины, а на северо-востоке от Семиречья, то есть от части территории современных Киргизской и Казахской ССР, на востоке до Афганистана и Каракалпакской АССР на правом берегу Аму-Дарьи.

Граница между владениями Кангуй и Усун служила приблизительно границей между Сыр-Дарьей и Семиречьем. Совокупность сведений китайских источников сводится к тому, что во II в. до н. э., точнее в 175 г. до н. э. бассейны Зеравшана и Кашка-Дарьи, Хорезм, среднее и нижнее течение Сыр-Дарьи составляли единое государство Кангуй, расцвет которого совпадает со временем до юечжийского завоевания Бактрии в 140—130 гг. до н. э. и последующих гуннских походов на запад. Центр расселения кангуйского народа находился на землях от Ферганской долины до правого берега р. Аму-Дарьи, включая Ташкентскую область, нижнего течения Сыр-Дарьи и до Хорезма включительно. По сведениям китайских источников столица Кангуйского государства находилась в 2000 ли на северо-запад от столицы Ферганы—Гуйшана[195].

С. П. Толстов пишет, что «центр Кангуя, если базироваться на этих сведениях, может лежать только на нижней и средней Сыр-Дарье или в Хорезме»[196]. Это подтверждается еще и тем, что Чжан-Цян, посол Китая, бежавший от хуннов или гуннов во II в. до н. э. в Даван (Фергану), просил даванского правителя, чтобы его люди проводили его в Кангуй, а из Кангуя он был препровожден к большому юечжи, которые к тому времени уже покорили Дахя (Парфию) и остались жить здесь[197].

Далее С. П. Толстов пишет: «В топонимике мы встречаем название Кангха, как имя городища, в западной части долины Ангрена, в 9 км от впадения его в Сыр-Дарью, обследованное в 1896 г. Е. Т. Смирновым и в 1934 г. М. Е. Массоном. По данным последнего, это городище восходит к домусульманскому времени... не исключено, что имя данное окружающим населением, восходит к речи древних соседий канга — кангуй, обозначивших так одну из пограничных крепостей последнего[198].

М. Н. Галкин, перечисляя города, расположенные между Мангышлаком и Хивой, упоминает название нескольких колодцев, среди которых колодец «Канга» и местность «Канга». Он и С. Е. Малов, среди среднеазиатских племен, упоминают племя «кангли баш»[199]. Кроме того, термины кангха или кангуй сохранились в средние века в именах жителей Хорезма, в том числе в именах племенного происхождения правящих кругов хорезмского государства при хорезмшахах XII в. и в именовании племени канглы, живших в Мавераннахре, в частности племенах канглы, живших на севере и на северо-востоке от Хорезма, в нижнем течении Сыр-Дарьи.

П. Голубовский конга сближает с канглы[200]. Плано Карпини сообщает о соседстве канглы (кангит) с хорезмами и указывает, что они примыкают друг к другу с северо-запада: «из земли кангитов мы выехали в землю биссерманов»[201]. Н. А. Аристов[202] и Бранников[203], также, сопоставляя кангха Авесты с канглы, считают, что кангха или кангуй есть средневековые племена канглы. Они утверждают, что кангха по Авесте, кангуй по-китайски сходны с канглы и корень один и тот же — канг, принадлежит тюркам. Они помещают эти народы и государство по берегам Сыр-Дарьи от ее нижнего течения до Хорезма, включая Хорезм.

С. П. Толстов считает, что «канглы» является поздним переоформленным тюркским суффиксом более древнего «кангхар» и как «кангхар» и так «канглы» обозначает людей кангхы, то есть название средневекового племенного союза[204].

В. В. Григорьев, говоря о племени кангуй, подчеркивает, что оно находилось по течению Сыр-Дарьи, начиная от Восточного Туркестана и охватывая середину Сыр-Дарьи, ныне Ташкентскую область, южную часть Казахстана, по низовьям Сыр-Дарьи и оттуда до Хорезма включительно[205], европейский ученый Юсти помещает кангхи в районе Ташкента[206], В. В. Бартольд — на средней Сыр-Дарье[207]. Во время Чжан-Цяна племя кангуй продолжает играть в политической жизни Средней Азии важную роль, ибо по даным Чжан-Цяна «кангуй имеет до 90 000 натягивающих лук», а Цян-Ханшу увеличивает эту цифру до 120 000 человек, при 600 000 душ населения. Такая численность кангуйского народа для того времени является огромной. Китайские источники, из-

влеченные из истории династии Пихан, сообщают, что «Шы — эта прежняя кангуйская земля, а владения Цао (без воды) — древние кангуйские земли, владение это на западе доходило до Каспийского моря»[208]. По свидетельству китайских источников: «Хэ, иначе Куйшуанна́ или Гуйшуанна — это древний город Фумо, принадлежавший малому кангуйскому владетелю. Владение хюсюнь, иначе холюсими и боли лежит на южной стороне реки Уху»[209]. «На юго-западе граничит с Босы, на северо-западе простираются до Дулгатского поколения Госа. Эта древняя земля города Юегань, принадлежавшего малому кангуйскому владетелю. Владетель имеет местопребывание только в городе Узтдобэйчже. Из всех тюркских владений только здесь есть волы с телегами. Гешуанна лежит на южной стороне реки Думо. Это древние земли города Сухэ, принадлежавшие малому кангуйскому владетелю. Есть храм, в котором при каждом жертвоприношении закалывают до тысячи баранов»[210].

Приведенные выше примеры подтверждают существование обширного государства Кангуй, главным образом на территории Узбекистана и в других районах Средней Азии, занимавшего огромную территорию. С. П. Толстов констатирует, что «согласно Тань-Шу среднеазиатское царство Кангуй составляло конфедерацию под именем области Кань, в которую входили Бухара, Вардана, Ташкент, Маймург, Кушания, Кеш, Хорезм, то есть вся область древнего Кангуя»[211].

О существовании такой же конфедерации упоминает и Табари, о чем мы уже говорили. Очевидно, Кань когда-то в древнейшие времена считалась областью и племенным объединением и впоследствии из основной области кангуйской страны превратилась в провинцию. Возможно, что Кань в самые древние времена — это крупное кангуйское племя Междуречья, занимавшее указанную область. Согласно сведениям китайских источников: «Владетельный дом Кань есть отрасль Кангуйского дома»[212]. По утверждению С. П. Толстова: «согласно пехлевийской традиции и «Шахнаме» Кандиз является ареной деятельности божественного героя Сиявуша, являющегося в хорезмийских преданиях родоначальником хорезмийской династии сиявушидов-афригитов, правивших в Хорезме, по аль Бируни, с XIII в. до. н. э.

до конца X в. н. э. И далее: «Свидетельство аль Бируни о непрерывной династической преемственности правящего дома Хорезма по крайней мере на протяжении всего тысячелетия нашей эры подтверждается нумизматическими данными»[213].

История китайской династии Тан-памятник, датируемый одновременно с ранними арабскими источниками VII—VIII вв. сообщает о стране Кань, включающей в свой состав 9 княжеств: Кан—Самкан (Самарканд), Ань (Бухара), Цао (Кабудан), Шаш (Ташкент), Ми (Маймург), Хо (Кушань), Вардана, Ше (Кеш), Хесюнь (Хорезм). Правители «девяти семей» принадлежали к одной династии.

Китайские источники считали Самарканд центром этой обширной конфедерации, присваивая ей общее имя Кань. По их утверждению, в том числе по сведениям истории династии Тан, о принадлежности населения перечисленных владений страны к одной семье и династии со всей убедительностью свидетельствуют о кровнородственном единстве этих народов и принадлежности их к одной общей этнической единице. Термин «кан» наводит нас на мысль, что, возможно, термин «Самарканд» имеет отношение к термину «кан». Слово Самарканд или Маракан, как его тогда называли, могло возникнуть от слова кан. Маракан состоит из двух частей «мар» или «мара» и «кан». В данном случае «мар» является приставкой, а «кан»— корнем данного термина, означающего обширную населенную территорию.

Именно поэтому источники помещают одну из главных областей Кан-Кангх или Кангуй в бассейн р. Зеравшана, в район Согда. Сведения китайской хроники о том, что династия, управлявшая всей территорией царства Кан была общего происхождения, и что она генеологически связана с великой кушанской династией, подчинившей себе Среднюю Азию, подтвердились анализом нового археологического материала, полученного в последние годы, в частности в 1937—1938 гг. в результате открытия древнехорезмийских нумизматических материалов[214].

В позднейших китайских хрониках содержатся данные, что владетельный дом кан — есть отрасль кангуйского дома или «канский владетель — есть потомок кангуйского дома». С другой стороны, сведения китайских

источников ценны тем, что они убедительно указывают на принадлежность населения Двухречья и других районов Средней Азии к тюркоязычным народам, особо отметив принадлежность кангуйцев к тюркоязычным народам. В источнике записано: «Древняя земля города Юегянь, принадлежавшего малому Кангуйскому владетелю, владетель которого имеет местопребывание только в городе Узтдобэйчже»[215]. Возможно, что термин «Узтдобэйжче»— искаженное «Узкент», упоминаемый средневековыми источниками IX—XI вв., в частности Махмудом Кашгарским. Если это так, то термин «Узкент» имеет для нашего исследования огромную научную ценность. Очевидно, это средневековое название города Узкента. Факты, сообщаемые китайскими источниками о принадлежности кангуй к тюркоязычным народам, подтверждаются тем, что все средневековые источники подчеркивали: кангли — тюрки. Кангуй, кангх есть разновидность средневекового кангли. Средневековые восточносреднеазиатские источники происхождение термина кангли или кангха, кангуй связывают с телегами, о чем будет сказано ниже. В этих источниках мы находим описание одного из обычаев кангуйского народа: «При каждом жертвоприношении закалывают до тысячи баранов». Жертвоприношение барана характерно для народов Средней Азии, в частности узбекского народа, на всех этапах его исторического развития. Этот обычай еще раз подтверждает принадлежность кангуйского народа к предкам узбеков и других народов Средней Азии. Наличие в источнике термина «Узтодобэйчже» имеет прямое отношение к средневековым терминам «узбак» или «узбек» (XI—XII вв.).

Таким образом, приведенные исторические факты свидетельствуют о принадлежности указанных племен к предкам узбекского народа, как одних из первых серьезных его элементов.

Чжан-Цян и «История старшей династии Хан», упоминают пять малых кангуйских владений: Сусе, Фуму, Юни, Ги и Юечянь, расположенных в земледельческих и кочевых районах страны, в том числе в районах Ташкента, Ургенча, Хорезмских областях, Кушании на Зеравшане, в районе Катта-Кургана, Бухары и Кеш на Кашка-Дарье, в районе Шахрисабза и Китаба и на северо-западе Ферганской долины[216]. Именно

поэтому ферганцы грозили китайским колонизаторам в 101 г. до н. э. во время осады китайцами главного города Ферганы — Ирши, призвать на помощь кангуйцев.

Когда китайские колонизаторы в 1 в. до н. э. захватили значительную часть территории Средней Азии, в частности районы Чачской (Шашской)[217] области и Ферганской долины, то кангуйский народ вел освободительную борьбу против них. В 36 г. до н. э. Кангуй вместе с западными хуннскими или гуннскими племенами чжи-чжи ожесточенно сопротивлялся китайским колонизаторам, вторгшимся на земли Кангуя.

Кангуйцы вели освободительную борьбу не только против китайских колонизаторов, но и против гуннских завоевателей. Как сообщает китайский историк Цзянхань-шу, гунны совершили на Кангуй набег через реку Иртыш и многие из них погибли, не дойдя до Кангуя, за исключением трех тысяч человек во главе с Чжи-Чжи, некоторые впоследствии были разбиты, а сам Чжи-Чжи убит. Иногда военные действия происходили на собственной территории кангха или кангуй, но этот мужественный народ отстаивал свою независимость и правитель Кангуя продолжал держать себя по отношению к Китаю как независимый государь.

По этому поводу китайский наместник Чо-Шун в своем донесении ко двору императора пишет: «Кангуй — город дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками. Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усунских послов»[218].

В. В. Радлов пишет, что: «Канглы с древних времен осели гораздо дальше на запад, то есть в Мавераннахре и издревле у китайцев они именовались Кань, или Кангуй, а в эпоху монгольского господства — Кань-Ли, или Канг-Ли[219]. Термин «кангли» впервые упоминается в восточносреднеазиатских историко-географических источниках IX—X вв., а именно: в произведении Табари «Тарих-и-Табари». Масуди «Муружуэ захаб», Ибн Хурдозба, аль-Бируни «Осорул Бокиа».

В этих произведениях рассказывается, как и от чего происходил термин «кангли». Около III—II в. до н. э. мифический Огуз-хан вел борьбу против своего отца Карахана.

Огуз-хан вышел победителем и «взял ту область от

Таласа и Сайрама до Бухары и другие области, которые покорились ему». Когда Огуз-хан сражался с отцом и опустошал страну, племена, которые отстали от родичей, присоединились к нему, нагружали богатую добычу на «четвероногие» изобретенные ими телеги. Телегу тюрки называют «канглы» и «прозвали те племена именем канглы и все ветви канглы из рода их».

Историки XII—XV вв., в том числе Рашидиддин, Низамиддин Шами, Шарафиддин Али Езди, Хафизи Обру, Мирхонд и другие, также связывают происхождение термина «канглы» и под этим наименованием племена, с именем Огуз-хана. Они считают, что канглы являются самым древним тюркским племенем. Еще яснее пишут авторы XI—XII вв. аль Макдиси и Якут Хамави, что «среди войска Огуз-хана нашелся искусный человек, который сделал телегу, чтоб было легче укладывать добычу, захваченную на войне. Телеги они называли «канг», потому что при езде производила звук —«канг-канг». Поэтому это племя, из которого нашлись люди, устроившие телеги назвали канглами, весь народ канглы происходит от этого человека»[220].

В. В. Григорьев подчеркивает, что «под канка следует разуметь обитателей страны, которые в Бундегеше зовутся кань, а в «Шахнаме» канг, или ганч, страны, несомненно находившейся в пределах Туркестана»[221]. Юсти полагает, что Генг в «Шахнаме» соответствует нынешнему Ташкенту Фердоуси, рассказывая о борьбе народов Турана и Ирана, пишет: «Афросияб готовится к новым битвам, но приближенным удается уговорить его вернуться домой, в Шаш и дать войску отдохнуть и собраться с силами. Афросияб соглашается, переходит реку Гульзариюн[222] и удаляется в свою столицу Ганг. Кайхосров перешел Джайхун, направился в Согд, где он узнал, что Афросияб находится в Ганге. Кайхосров, собрав в Согде и Кашане войско, выступил в поход против Афросияба. Кайхосров, разбив войска Афросияба, овладел сначала крепостью Ганги бихишт, затем и самым Гангом — столицей Афросияба».

Канг в «Шахнаме» расположен по ту сторону реки Гульзариюна в районе Шаша[223] и Исфиджаба[224]. В нем говорится, что Афросияб, заключив мир с Сиявушем, удалился в Канг, включающий в себя Бухару, Согд, Самарканд, Шаш и Исфиджаб.

Многие востоковеды, в том числе Томашек, отождествляют Канг с областью Кангха-Авесты, лежавшей в среднем течении Сыр-Дарьи. В. В. Бартольд также сопоставляет Канг «Шахнаме» с Кангуем китайских источников [225].

Таковы данные древнейших источников о кангуйском народе, одном из многочисленных коренных народов Междуречья и Ташкентского оазиса и других обширных районов Средней Азии. Кангуйский народ, несомненно, имел кровнородственные связи между остальными жителями древнейшего Узбекистана, в том числе сако-массагетским населением Хорезма, Согда, Ферганы и Ташкента и принадлежал к сако-массагетской и хорезмийско-согдийской, ферганской, ташкентской общей этническо-языковой единице народов страны. Большая часть их и часть кангуя входили также в этнический состав казахских, киргизских и каракалпакских народов и являлись предками узбекского народа.

Следует отметить некоторые характерные черты обычаев кангуйского народа. Одеяния из сшитых шелковых тканей и белого полотна. Женщины складывают волосы на голове и покрывают черным покрывалом. Мужчины стригут волосы. Далее источник, говоря о развитии искусства, сообщает, что у них есть большие и малые бубны, гитары, пятиструнные гусли, флейта[226]. Китайские источники, отличая народы Средней Азии, в том числе и народы Междуречья, Ферганской долины и Ташкентского оазиса, от других тюркских народов, отмечают, что население Куча «у родившегося мальчика деревом придавливают голову, стригут волосы, чтобы выравнить макушку»[227]. Далее пишется, что: «Сулэ, Кашгар... младенцам мужского пола так же сдавливают голову, чтоб сделать ее плоской...»[228]. Эти сообщения интересны еще и тем, что в сведениях восточносреднеазиатских историко-географических источников и преданиях узбекского народа говорится, что население Восточного Туркестана, в том числе дунганы, или тунганы и китайцы, по обычаю своему, младенцам мужского пола сдавливают голову и ногу. Эти два предания удивительно совпадают друг с другом и являются ценнейшим доказательством того, что большинство коренных тюркских народов Междуречья, Ферганской долины и Ташкентского оазиса, в том числе и кангуйцы, по обычаям того времени и другим признакам, не принадлежали к иранским народам и что они отличались от других тюркских народов, в том числе от населения Восточного Туркестана. В этом отношении характерным является свидетельство китайского источника, описывающего обычаи населения Восточного Туркестана: «Брачные обряды несколько сходствуют с китайскими. Умерших сжигают, а потом хоронят»[229]. Такого обычая, когда умерших сжигают, а потом хоронят, у народов Междуречья, Ферганской долины и Ташкентского оазиса, в том числе у кангуйцев, мы не встречаем. Китайские источники также сообщают, что «от Усунья на северо-запад находится один из аймаков, прежде принадлежавший северному Хунну и прогнанный китайским полководцем Дэу-Хянь»... Они в обыкновениях и языке одинаковы с кангуйскими, но более опрятны. По обычаю тюркистанцев (тюрков) обстригают волосы и подравнивают брови. Ежедневно (и) каждый раз по три раза моются, а потом принимаются за пищу»[230]. По-видимому, упомянутое племя аймак принадлежало кангуйским ветвям и их обычай характерен не только для них, но для всего кангуйского народа и народов древнего Узбекистана.

Приведенные факты показывают, что обычай «ежедневно и каждый раз по три раза» мыть лицо и руки, появился в длительном процессе исторического развития узбекского народа, еще задолго до проникновения арабов и ислама в Среднюю Азию.

Раздел 2. МЕСТО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО УЗБЕКИСТАНА, ВХОДИВШЕГО В ЭТНИЧЕСКО-ЯЗЫКОВЫЙ СОСТАВ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА (VIII—II ВВ. ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

Предками узбекского народа были древние жители Хорезма — хорезмийско-кангуйские населения, по-видимому, когда-то состоящие из массагетов, кангуйцев, даев и других. Жители древнего Хорезма имели непосредственное отношение к возникновению и формированию первоначальных элементов предков узбекского, каракалпакского и частично туркменского народов, так как составляли основное ядро общего этнического объедине-

ния сако-массагетских и массагетско-кангуйских хорезмийских населений.

Существование населения древнейших времен на территории узбекской земли, в частности Хорезма, доказывается результатами советских научно-исследовательских и археологических раскопок, о чем мы скажем ниже. Одним из источников являются археологические памятники, найденные на территории Хорезма и относящиеся к IV—III тысячелетиям до н. э.

На территории древнего Хорезма и в других частях древнего Узбекистана коренное население жило с незапамятных времен. В результате исследования и анализа письменных источников и археологических памятников установлено существование таких древнейших городов, как Қырк Қыз-кала, Базар-кала и Тупрок-кала, Урву (Авеста), Ургенч (Ю-чань китайский)[1]. Это были небольшие квадратные в плане городки со сторонами, равными в среднем полукилометру. К югу от устья Сыр-Дарьи лежал город Янгикент, что значит в переводе новое селение, недалеко от Янгикента—города Хуварга и Джент, где в древнейшие времена был основной центр расселения сако-массагетских племен[2], упорных противников иранских завоевателей Кира и Дария и впоследствии, во II в. до н. э. сыгравших решающую роль в ликвидации власти греко-македонских завоевателей и образовании великой среднеазиатской империи Кушанов. Следовательно, по нижнему и среднему течению Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи издавна селились коренные жители тюрки — узбеки в своих городищах. Об этом свидетельствуют развалины городских центров и поселения в бассейне среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, которые и до сих пор сохранили названия в почти неизмененном, или легко узнаваемом виде. Из них можно упомянуть, например: Янгикент — Джанкент-кала, Судран-Саурана, Сугнок. Джент полностью забыт и единственным памятником нижней Сыр-Дарьи созвучным с Джентом является Джан-кала.

Первыми наиболее ранними письменными памятниками о Хорезме являются сведения Зенд-Авесты. Вслед за Авестой о Хорезме сообщают персидские письменные и клинические памятники, а затем античные греческо-римские и китайские источники, но эти сведения очень лаконичны и ограничиваются только упоминанием о Хорезме.

Более подробные сведения содержатся в средневековых восточносреднеазиатских историко-географических и лингвистических источниках, начиная с IX—X вв. н. э. Из них прежде всего следует упомянуть известных авторов Табари — «Тарих-и Табари», Масуди — «Муруджуз Захаб», Ибн Хурдазба, Наршахи —«Тарихи Бухара», Аль Бируни «Осорул Бокиа», «Худудул алам» неизвестного автора, Аль Макдиси, или Мукаддаси — «Ахсанут такасим фи Маруфатул акалим», Гардизи- «Зайнуль ахбор» и другие.

Об этногенезе узбеков Хорезма сообщает известный арабский географ аль Макдиси в своей книге «Ахсанут такасим фи Маруфатул акалим». По сведениям этого автора Хорезмская область расположена на обеих берегах р. Джайхуна[3]. О происхождении хорезмийцев Макдиси рассказывает следующее: «В древности царь разгневался на 400 человек и велел отвести их в место, отдаленное от населенных пунктов на 100 фарсахов[4]. Так они оказались в том месте, где теперь город Қас. После долгого времени туда были посланы люди, чтобы узнать и сообщить о них. Те люди пришли к ним и узнали, что они живы, построили себе шалаши, ловят рыбу и питаются ею. Там много дров. Они вернулись к царю и сообщили ему обо всем этом. Царь спросил, как они называют мясо, очевидно рыбное мясо, те ответили «хор» или «хвар». Затем царь спросил, как они зовут дрова, они отвеили «разм». Тогда он сказал: «Так я утверждаю за ними эту местность и даю этим людям название «хорезм» или «хваразм». Затем по велению царя к ним были отведены 400 девушек-тюрчанок и до сих пор у них осталось сходство с тюрками»[5]. Из сообщения данного автора становится ясным, что хорезмийцы жили на своей родной земле с древнейших времен, что этнический состав хорезмского народа был смешанным, в частности исконные жители Хорезма — тюрки были смешаны с людьми нетюркского происхождения, в данном случае, по словам автора — персами, а в действительности с отюреченными персами, с таджиками. Сообщение о том, что хорезмийцы раньше жили в шалашах и питались рыбой, сходится с многочисленными сведениями источников древности о том же в отношении массагетов. Этот факт полностью подтверждает наше мнение о происхождении жителей Хорезма из сако-массагетской и кангуй-

ской среды. Страбон, говоря об этом, утверждает, что «хорезмийцы — суть тоже из народов массагетских и сакских племен»[6]. Именно поэтому Хорезм поставлен непосредственно перед саками в Суэцкой иероглифической надписи. С. П. Толстов, сопоставляя и анализируя все имеющиеся в его распоряжении документы, приходит к выводу, что: «Конгха и Хорезм являются синонимами, причем, первый термин... получил значение политического термина, употребляющегося для наименования всей совокупности подчиненных Хорезму областей и правящей ими династии»[7].

Источники IX—X вв. часто вспоминают о древних хорезмийцах, как рыболовах, обитавших в шалашах и их смешанном происхождении, в частности об участии в этногенезе хорезмийского народа, главным образом двух различных этнических элементов — хорезмийско-тюркского и иранского. Сведения иного характера сообщает известный хорезмийский ученый X—XI вв. аль Бируни. Он утверждает, что тюрки были первоначальным населением Хорезма, что хорезмийский народ произошел из тюрков, своих хорезмийских предков он считает тюрками, а персов (иранцев) во главе с Сиявушем, сыном Кай Ковуса, называет первыми поработителями страны.

Следует отметить, что все источники древности и средневековые восточносреднеазиатские источники, сообщая о городах Средней Азии, в том числе Самарканде, Кеше, Ургенче, Хорезме, Фергане, Ташкенте и др., о жителях этих городов говорят лишь в общих чертах, но не дают сведений о крупных или мелких племенах или племенных объединений, живших в городах Средней Азии, в том числе и в Хорезме. Очевидно, это объясняется тем, что в городах население состояло из разных этнических групп людей, прибывших из различных местностей страны, тем более в городах древнего Хорезма и Согда кроме местных жителей проживали иранские колонизаторы, переселенцы... Поэтому у историков отсутствуют подробные сведения о населении городов. Возможна и другая причина. Вероятно, в древности среди жителей городов Узбекистана еще до появления сведений письменных источников, уже почти завершился процесс возникновения или формирования первоначальных элементов этнических групп или этническо-родственного объединения племен. Поэтому источники нам не могут

сообщить про городские племена, так как они уже вошли в один общий этнический состав, скрещиваясь друг с другом и составляли народ или элементы народности.

В таком случае хорезмийцев (хорезми) нельзя считать племенем, они являлись уже результатом слияния различных массагетских, сако-кангуйских, в том числе сакаравакских племен, втянутых в систему хорезмийской государственности. Мы уже говорили о происхождении самого термина «хорезм». Остановимся на этом подробнее. Происхождение слова «хорезм» интересовало многих ученых-востоковедов и многие ученые, исследуя данный вопрос, истолковывали его по-разному. Западноевропейские, русские и советские востоковеды пока еще не пришли к единому мнению. На хорезмийских монетах пишется xwaizm, средневековые восточносреднеазиатские письменные источники, в том числе аль Бируни, аль Макдиси, Гардизи пишут xwarzm и они же придают народной этимологии этого имени значение «мясо-дрова». Все новейшие исследователи сходятся на том, чтобы во второй части слова zm следует видеть основу zem — земля или страна. Что же касается первого элемента, первой части термина xwari то оно означает мясо, рыбное мясо. Следовательно, название Хорезм означает «земля рыбного мяса», «страна рыбного мяса», страна рыболовов, питающихся рыбным мясом. Это объяснение происхождения названия Хорезма соответствует объективной реальности жизни хорезмского народа того времени и подтверждается всеми древними, античными и средневековыми источниками, а также археологическими данными.

Характерно, что передача всеми источниками названия Хорезм однообразна. Например: по восточносреднеазиатскому средневековому источнику — xwarzm, древнеперсидскому, в том числе по Зенд-Авесте — hvarazmis, вавилонскому — huwarizma, греческому — xarrxrnra, римскому — charosmia.

Таковы имеющиеся сведения источников о древнехорезмийском народе. Существовавший в древнейшие времена термин «хорезм», сохранился и дошел до нас. До настоящего времени область Узбекской ССР носит это название.

В этногенезе хорезмийского народа играли важную роль сако-массагетские племена, в том числе сакарава-

ки, кангуйские племена, которые составили хорезмийские кровнородственные этнические группы, входившие в общий этнический состав сако-массагетской и кангуйской этнической единицы, смешиваясь друг с другом в длительном историческом процессе общественно-экономического, культурного и этническо-языкового развития. Густое земледельческое население было расположено на огромной территории Хорезма, для чего хорезмийский оазис имел благоприятные условия, так как в то время многоводная Аму-Дарья, впадавшая в Каспийское море в районе современного города Красноводска, орошала обширную область.

Хорезм был одним из древнейших центров культуры, страной с высокоразвитым земледелием (садоводство, бахчеводство, виноградарство, огородничество и др). С незапамятных времен велось искусственное орошение земель. Хозяйственная жизнь хорезмийского народа в то время представляла, как и в других частях Средней Азии, пеструю картину. Оседлое население Хорезма, в том числе кангуйцы, массагеты, даи и др. жили в селениях и городах оазиса, занимались главным образом ремесленным производством, торговлей, земледелием. Другая часть населения, которая жила в степных, гористых и речных долинах оазиса, продолжала оставаться кочевниками, занимаясь главным образом скотоводством, частично торговлей, рыболовством. Следовательно, подавляющее большинство населения хорезмийского оазиса, прочно осевшее в селениях и городах и имевшее высокую сельско-городскую и земледельческую культуру, прошло стадию развития племенно-родовой социально-общественной жизни. У населения Хорезма в результате завершения указанного процесса исторического развития и многовекового смешения внутри племен, а также между племенами, в ходе общественно-трудовой жизни складывались и образовались первоначальные твердые этнические элементы народности, как одной из неотъемлемых частей или элементов общей этнической единицы первоначальных предков узбекского народа. Очевидно, этим и объясняется отсутствие сведений в древних письменных источниках о племенном составе населения хорезмийского оазиса, о чем мы говорили выше.

Наряду с древнейшими хорезмийскими народами, в возникновении кровнородственных этнических групп и

в создании общей этнической единицы предков узбекского народа большую роль играли народы Согдианы, то есть население Бухары, Самарканда, Кеша и других областей бассейна Зеравшана, Сурхан-Дарьи и Кашка-Дарьи. Население Согдианы имело одно из решающих значений в образовании первоначальных этнических элементов предков узбекского и таджикского народов, ибо оно принадлежало к этническим группам общей этнической единицы сако-массагетского, кангуйско-хорезмийского этнического и языкового объединения. Население Согдианы, будучи по своему этническо-языковому составу неоднообразным, имело общее кровнородственное отношение с указанными племенами древнего Узбекистана, то есть имело непосредственное отношение к предкам узбекского и таджикского народов.

В те времена население бассейна рек Зеравшана и Кашка-Дарьи называлось согдийцами, а населенные ими территории — Согдианой. Геродот, Аристобул, Страбон, Арриан и Квин Курций, считая Политимет рекою Согдианы и подчеркивая ее оросительное значение, отмечают, что она протекает по стране, орошает ее и теряется в песках пустынной местности. По словам Квин Курция «жители зовут ее (реку) Политиметом», греки Аму-Дарью называли Оксом, а местные жители — Вахшем.

Самые ранние сведения о Согде сообщает Зенд-Авеста. В начале священной книги зороастрийцев Авесты в первом Фаргарде Венидада, где верховное божество Ирана — Ормузд перечисляя якобы созданные им страны, вслед за Аррианом Ваэджо упоминает «Гау в земле сугда» и в другой части Авесты (Яшт, X, 14), где также перечисляются страны с многочисленными войсками и мужественными вождями, упоминаются Моуру, Хорева, Гау, Сугда и Каиризао. Как пишет Геродот, «они (эллины) также владели Согдианой, лежащей выше Бактрианы к востоку, между рекою Оксом, отделяющей Бактриану от Согдианы и Яксартом, последний служит границею между согдианами и номадами. В древности согдианы и бактрианы мало отличались от номадов[8] по образу жизни и по нравам»[9]. Из сообщения Геродота видно, что когда-то согдийцы были кочевниками. Очевидно, в процессе исторического развития они прошли путь от кочевой жизни к оседлой и во втором тысячелетии до нашей эры большая часть согдийцев жили в поселениях

и уже давно стали оседлыми жителями огромной плодородной части страны. Таким образом, в Согдиане, как и в других районах древнего Узбекистана, население в основном состояло из оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. Говоря об этом, К. Маркс указывает, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[10].

Меньшая часть согдийцев в первом тысячелетии все еще продолжала вести кочевую жизнь, как это мы встречаем у даев, массагетско-кангуйского племени, у хорезмийцев в Фергане и Ташкентском оазисе. Несомненно, что согдийские кочевники были даи, мелкие сако-массагетские племена (о чем мы расскажем ниже), кровнородственно связанные с оседлыми жителями данной области.

В селениях Согдианы жили местные жители, принадлежавшие, как мы говорили выше, к хорезмийско-кангуйской, сако-массагетской этнической группе народов. О принадлежности жителей согдийского поселения к коренному населению древнего Узбекистана свидетельствуют сообщения археологических раскопок, найденных на территории Узбекистана, в частности памятники Тешик-Таша (Сурхандарьинской обл.), Аман Кутана, Тали Барзу (Самаркандской обл.), Каунчи Тепа (Ташкентской обл.) и другие древнейшие и античные китайские и особенно восточносреднеазиатские источники.

Население Согдианы было неоднородным и разделялось в основном на две этнические группы. Большинство жителей принадлежало к предкам узбекского народа. Остальная часть населения, хотя и была из других этнических групп, в длительном историческом развитии смешивались не только в Согдиане, но и по всей территории древнего Узбекистана. Это различие особенно проявилось в средние века. И в данное время население Самарканда и Самаркандской области, резко разделяется на две этнические группы — узбеков и таджиков. Причем, в окрестностях Самарканда живут в основном тюрки-узбеки, а в городах, в том числе в Самарканде и Бухаре живут таджики, в районах их мало. Как мы видим, сложение двух этнических групп в Самаркандской, Бухарской областях возникло еще в древней Согдиане. Нужно

подчеркнуть, что ныне таджики сложились на своей родной земле (на территории нынешнего Таджикистана), в длительном историческом развитии, хотя в самые отдаленные времена принадлежали к иранской этнической группе народов, а затем в результате смешения в Согдиане образовались нынешние таджики.

Советский востоковед Г. И. Савицкий пишет: «В племенном отношении население Согдианы не было однородным, хотя античные авторы обозначают его общим названием согдиан, согдийцев»...[11] Еще более определеннее говорит В. В. Бартольд: «согдийцы приняли персидский язык и сделались таджиками»[12]. Следовательно, известная часть согдийцев когда-то не была иранцами и говорила не на персидском, а на древнем тюркском языке. Об этом было сказано выше.

Иранские (персидские) этнические группы на территории Согдианы появились еще в начале первого тысячелетия до н. э. не как коренные жители области, а как завоеватели. На земле Согдианы насильно поселились прежде всего администраторы, богачи, купцы, которые так и остались там, господствуя над местным населением. Переселение иранцев в Согдиану и другие районы Узбекистана особенно усилилось в период господства мидян и Ахеменидской династии. После захвата Средней Азии, она была разделена на несколько сатрапов[13]. Местные жители были лишены всяких человеческих прав, они не могли говорить и писать на своем родном языке. Персидский язык в Средней Азии стал литературным и государственным языком. Очевидно, этим объясняется, что названия ряда местностей, рек, гор и т. д. были переделаны на язык колонизаторов. Ассиро-вавилонские, мидийско-иранские, греческо-селевкидские, китайские и арабские колонизаторы действительно переделывали на свой лад местные туземные названия. Персы назвали Сыр-Дарью Яксартом, арабы Согдиану — Мавераннахром, Зеравшан был назван Политиметом, реку Маргелана Птоломей называет Демоз, а реку Boskatisa рекою Сох. Последняя и сейчас называется Сох, иногда Сух. Недалеко от Яйпане (Коканд) есть селение Нур Сух, или Нур Сох. Мы имеем много таких убедительных примеров. Но несмотря на стремление колонизаторов ликвидировать язык коренного народа, местный язык оставался языком широких слоев населения.

Население Согдианы было настолько сильным, что некоторая часть иностранных переселенцев была вынуждена приспособиться к местным условиям: принять обычаи, язык согдийцев. В длительном историческом развитии, воспринимая местные условия, пришельцы смешивались и ассимилировались с местным населением. Однако большая часть колонизаторов, в частности персов, оставалась здесь не войдя в этнический состав местного населения, оставаясь чуждыми к местной кровнородственной этнической группе народов, например: персы, греки, китайцы, арабы, ряд других.

О местных жителях Согдианы, о чем мы говорили выше, мы узнаем из древних письменных источников, в том числе Зенд-Авесты, от Геродота и других персидских клинописных надписей, античных китайских и средневековых восточносреднеазиатских источников.

Птоломей упоминает в качестве известных согдийских племен племена оксидранки, расположенные за согдийскими горами, оксиана в соседстве с хорезмийцами, ариак, или ариак[14] и другие. В другой части своего произведения Птоломей сообщает о нескольких согдийских племенах и об их географическом расположении. Он, перечисляя согдийские племена, обозначает месторасположение каждого из них: у подножья оксийских гор обитают паски, или пасиаки, на севере Согдианы вдоль границы по Яксарту разместились latioi, Tachoroi и несколько южнее последних Avgoloi, что соответствует упоминаниям Геродота — Aigloi[15], который помещает их на запад от Ферганской долины. По-видимому в состав названного крупного племени входили мелкие согдийские племена, известные под общим именем авгали — большого племенного объединения. Вдоль северного склона согдийских гор разместились с запада на восток Oxydrom-kai, Drybaktai, Kandaroi[16], последние идентичны Гандарои (Gandari). По свидетельству Плиния, вдоль южного склона согдийских гор обитали Marduanoi и Drepsionoi. На крайнем востоке Согдианы между Оксом и Яксартом помещает он Aniseisi и Kirradoi[17].

Характерные черты согдийского населения отмечались древними и античными авторами. По свидетельству Геродота и Кв. Курция[18], согдийцы выступали в поход в таком же снаряжении, как и парфяне и бактрийцы, а Арриан подчеркивает, что согдийцы были воинственным

народом[19]. Говоря об этом, Г. И. Савицкий делает вывод, что «население Согдианы отличалось воинственностью»[20]. Сообщения античных авторов о героизме, мужестве, честности согдийского народа были характерны и для сакомассагетских народов страны. Это еще раз свидетельствует об их кровнородственной связи.

Фердоуси в «Шахнаме» сообщает некоторые сведения о Согде. Рассказывая о борьбе народов Турана и Ирана, он пишет, что Афросияб разделил свое войско на две части. Одну из них под начальством своего старшего сына Карахана отправил в Бухару, другую — в пустыню Аму-Дарьи. В этом рассказе следует интересный перечень народностей Междуречья, составлявших войско Афросияба, в котором упоминаются древние жители Средней Азии: турки, чигли (чжигли), всадники Тараза, гузы, карлюки, кангли.

В «Шахнаме» упоминается ряд городов и населенных пунктов древнего Узбекистана, в частности Согдианы, таких, как Васагирд город Вашгирд, который находился в среднем течении Аму-Дарьи между Вахшем и Кафирниганом. «И даже те,— пишет Фердоуси,— которые за степями Амуя, постоянно идущие вместе с Хатланом (Хутталаном), как Шикнан (Шигнан), и как Термез и Висагирд». Одним из согдийских городов был Маймург. Самым крупным городом и в то же время столицей Согдианы был Самарканд, называвшийся тогда Мараканд. Восточносреднеазиатские источники, в том числе Махмуд Кашгарский (XI в.), относят существование Самарканда и его наименование к древнейшему периоду, называя по-тюркски «Семизкенд»[21], что означает в переводе на русский язык «тучный» или «жирный», то есть крупный или богатый город. Аль Бируни также этот город называет «Семизкенд».

Столица Согдианы — Мараканд[22] был крупным городским центром с обширным рынком еще в VII—VI вв. до н. э. Между кочевым и оседлым населением Согдианы постоянно велась торговля. Согдийцы имели также и тесные торгово-экономические и культурные связи прежде всего с жителями соседнего района, с населением обширных областей Узбекистана, а также с зарубежными странами — Индией и Китаем. В Согдиане было развито ремесленное производство, текстильное, стеклянное, гончарное, оружейное и ряд других. Что касается обычаев,

быта, внешнего облика согдийцев, то следует отметить, что их общий быт, внешний вид и обычаи были сходны с сако-массагетскими и кангуйско-хорезмийскими, как это подобало родственному народу, принадлежавшему к одной общей этнической группе. Например, волосы у мужчин прямые, зачесаны назад и свободно падают прядями, закручивающимися на концах. На женщинах, низенькая круглая шапочка, из-под нее падают длинные волосы, заплетенные в многочисленные косы, завивающиеся на концах. Прическа с локонами и с многочисленными своеобразными косами, очень напоминает прически современных узбекских женщин. Следует сказать, что в обычаях, быту, во внешнем виде и других особенностях мы видим у согдийского населения присущие им, характерные черты, но не исключающие общие характерные особенности народов древнего Узбекистана.

Таковы сведения источников о согдийском народе. Несмотря на отрывочность этих сведений, сопоставляя и анализируя их, мы пришли к выводу, что основное население Согдианы по своему кровнородственному этническому составу было неоднородным. Коренные жители бассейна Зеравшана, Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи и других районов Согдианы жили здесь с незапамятных времен, о чем свидетельствуют археологические материалы Тешик-Таша, Аман Кутана, Тали Барзу. Большинство согдианцев проживали во втором тысячелетии до н. э. в древних городах, таких как Мараканд (Самарканд), Кеш, Неса, Кирополь, Газ и более мелких селениях. В степных и горных районах, по берегам речных долин жили скотоводы — кочевое население Согдианы. Оседлые и кочевники были кровнородственными друг другу и принадлежали к одной этнической группе. Античные авторы, персидские клинописные надписи и другие источники не делают резкого племенного этнического различия между таким оседлым населением древнего Узбекистана, как хорезмийцы, согдийцы, жители Ферганской долины и Шаш или Чачской (Ташкентской) области и кочевым населением.

Жители Согдианы, как кочевники, так и оседлые в кровнородственном отношении были тесно связаны с сакско-массагетскими, дайско-кангуйскими племенами, хорезмийско-ферганским населением и населением Ташкентского оазиса. Известная часть согдийцев принадлежала к сако-массагетской этнической единице или группе. Согдийцы в основном говорили на старинном тюркском и таджикском языках и являлись предками узбекского и таджикского народов. Однако, часть населения Согдианы — таджики в этническом отношении принадлежала к так называемой восточноиранской этнической группе.

Здесь проживали и иранские племена, которые появились в районах Согдианы и других частях древнего Узбекистана позже, в конце второго и первого тысячелетий до н. э. в период господства ассиро-вавилонских и сирийских колонизаторов. Массовое переселение их в Согдиану относится к периоду господства мидийских и ахеменидских завоевателей, превративших Среднюю Азию, в том числе Согдиану и другие районы Узбекистана, в относительно прочную колонию.

Необходимо отметить, что в Самарканде и других районах страны известная часть согдов иранского происхождения в течение длительного исторического развития смешивалась и ассимилировалась с местными тюркоязычными жителями и постепенно формировалась в таджикский народ.

Наряду с древнейшим населением Согдианы в возникновении и развитии кровнородственных этнических групп и создании общей этнической единицы предков узбекского и в некоторой степени киргизского народов, более решающую роль играло население Ферганской долины: Ферганы, Эрши, Коканда, Намангана, Касана, Маргелана, Андижана, Оша и других областей Ферганской долины.

Первыми и самыми ранними сведениями о древнем населении Ферганской долины, являются материалы раскопок, произведенных советскими археологами.

Из ранних письменных источников о Фергане являются сведения античных авторов. Однако Авеста, персидские клинописные надписи, Геродот, за исключением некоторых древнегреческих авторов, не дают сведений о Фергане и ее населении.

Фергана впервые упоминается греками еще в IV в. до н. э. Название Ферганы весьма созвучно греческому pharant, означающему долину. Первоначальным коренным населением Ферганской долины были саки хаумаварга, что подтверждается данными археологических рас-

копок и сведения Птоломея, который сообщает о народе «варана», отождествляемого с населением Ферганы — страны саков-хаумаварга. Некоторые ученые связывают наименование Ферганы с термином «феркана» или «партавой». По поводу происхождения термина «Фергана» очень любопытные сведения дают нам предания народов Ферганской долины.

В 1959 г. в Коканде во время поисков этнографических материалов я услышал народное предание, суть которого в следующем: когда-то в древнейшие времена иранский царь после завоевания края заселил в район Ферганы людей из других частей долины, и впоследствии по повелению царя каждый из этих людей строил себе отдельный дом и заселял его. Затем это место было названо Хархана, что означает в переводе на русский язык отдельные жилища или дома. Так же рассказывается о происхождении названия Касан.

Район нынешнего Касана (по Касан-саю) при каком-то иранском царе был заселен людьми в очень древние времена. Отсюда возникло название касон. Оно состоит из двух частей: кас и он. Кас в переводе означает человек, а он — они, и отсюда возникло слово касон, которое в переводе с персидского на русский означает люди. Следовательно, касон означает заселенную людьми местность.

Более достоверные и подробные сведения о Ферганской долине, ее населении, занятиях людей, ее населяющих и других фактах сообщают, начиная со II в. до н. э., китайские источники. Богатые сведения мы черпаем у известного китайского посла Чжан-Цяна, посланного китайским императором в 126 г. до н. э. в Фергану и Согдиану для переговоров с юечжийцами о заключении союза против гуннов.

Сообщения Чжан-Цяна и данные археологических раскопок в Фергане показывают, что высококультурное население Ферганской долины с богатой землевладельческой оседлой культурой существовало еще с самых древнейших времен. Независимо от того, что античные авторы и персидские клинописные надписи почти не дают нам сведений о существовании населения в Ферганской долине в VI—V вв. до н. э., несомненно, люди жили там еще значительно раньше, так как развитое человеческое общество с высокой оседлой земледельческой культурой

не могло внезапно возникнуть там во время пребывания упомянутого китайского посла.

Таким образом, древнейшее население Ферганской долины появилось в те же времена, что и население Ташкентской области, Согдианы и Хорезма.

Как мы уже говорили, единственным письменным материалом является рассказ Чжан-Цяна о посещении им Ферганы в 126 г. до н. э. «Даван», включенный в «Ши-Ки» Сыма-Цзяна. В событиях, предшествовавших посещению Ферганы Чжан-Цяном, по утверждению Тарна, местные жители — саки захватили власть в Фергане в 159 г. до н. э., когда Евкратид и Гелиокл были заняты походом в Индию, и гражданской войной в Бактрии и не могли уделить внимание Фергане. В это время сакское население Ферганы, ведшее освободительную борьбу против греческих колонизаторов, сбросило с себя греческое владычество.

Отсутствие сведений о Фергане в персидских клинописных надписях, в Авесте и у античных авторов можно объяснить и тем, что персидским и греческо-античным авторам отдаленность Ферганы не позволила изучить население Ферганской долины, за исключением некоторых ее районов (Ходжента и др.). Они могли довольствоваться и тем, что писали о саках вообще и поэтому считали нецелесообразным еще раз сообщать о ферганских саках.

Китайские источники, хотя и дают подробные сведения о жителях Ферганы, городах, селах, об оседлой земледельческой и кочевой жизни людей долины, о племенах, о их наименованиях и о племенном этническом составе, о крупных племенных объединениях, почти ничего не сообщают. Это объясняется тем, что уже в те времена городские жители Ферганской долины, прочно осевшие там с древнейших времен, перешли от мелкого племенного этнического раздельного существования племен к общей этнической группе, поэтому в городах уже почти не существовало племенного деления. Такие данные источников характерны не только для Ферганской долины, Ташкентского оазиса, но и для всех городов древнего Узбекистана.

Аристобул, сопровождающий Александра Македонского, отмечает, что асии, ассиканы, тохары и сакаравлы пришли с того берега Яксарта после саков и согдийцев[23].

Значит асии, пасиканы, тохары и сакаравлы жили к востоку от Сыр-Дарьи, считавшись частью сакской этнической группы, жили, несомненно, в Ферганской долине и в Ташкентском оазисе. Китайские источники, в том числе Чжан-Цян, говоря про усунов, сообщают, что владения Усунь на западе доходят до Давана и в прошедшие времена в этой стране, то есть в Семиречье, жили саки под названием Сэ (по-китайской передаче) и под давлением большого юечжи сакский властитель перешел на юг за висячий переход, а большой юечжи удалился на запад и покорил Дахя[24]. Во время своего движения на запад юечжийцы вытеснили из Семиречья народ Сэ, который отождествляется с народом саков, часто упоминаемым в греческих и персидских источниках Средней Азии. Если часть саков жила на территории Семиреченской области, то ясно, что приведенный факт еще раз подтверждает о безусловном пребывании саков и в Ферганской долине, так основная часть их жила на территории Междуречья.

Говоря об этом, А. Н. Бернштам утверждает, что племена саков были расположены у Илийского междуречья и в других районах Семиречья, на территории нынешнего Киргизстана и Ферганы.

Этническая общность жителей Семиречья (Киргизстана), прилегающего к Ферганской области и Ферганской долине, подтверждается сведениями античных авторов, в том числе Геродота, об исседонах и других племенах и о их родственном отношении.

Этническая общность племен Ферганы, Киргизстана и других районов Семиречья выступала не только в инвентаре, керамике и типах изображений козлов, но и тотемах общих для Нарына, Южной Ферганы. Племена Южной Ферганы простирались до Памирских гор, центром которых был Чон Алай. Китайские историки совершенно правильно причисляли эти племена к единому этническому кругу. Можно думать, что все эти сакоидные племена, несомненно, являются ни чем иным как результатом распадения сако-массагетского пласта, саков хаумаварга. Последних А. Н. Бернштам также справедливо помещает в Фергану. Нужно отметить, что первые сведения о городе Уше, или Оше относятся ко II в. до н. э., ибо в тексте «Ши-Ки» донесения китайского посла Чжан-Цяна мы встречаем слова «уш» или «уши», означающие в переводе на русский язык усадьба или поселение вроде

городища. Именно таким был тогда город Ош. По свидетельству Чжан-Цяна, в политическом устройстве, обычаях, языке даван[25], да-са, кангуй и др. были близки между собой. Китайские источники, характеризуя внешний облик даванцев, сообщают, что «жители (Ферганы) имеют впалые глаза и густые бороды»[26]. Чжан-Цян пишет: «От Давани (Ферганы) на запад до государства Аньси, хотя есть небольшая разность в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга, жители имеют впалые глаза, густые брови, искусны в торговле, соперничают в выгодах. Уважают женский пол и что женщина скажет мужчина не смеет перечить»[27].

Эти фактические сведения китайского источника характерны в том отношении, что они полностью совпадают с сообщением известного автора X в. аль Масуди, который в своем произведении «Муружуз Захаб», говоря о внешнем виде и физическом складе населения нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи и Ферганы, точно так же описывает его (как Чжан-Цян). Дополнительно он подчеркивает круглое лицо, черные глаза и другие присущие черты узбекского народа.

В результате археологических исследований, проведенных А. Н. Бернштамом в 1946 г. в предгорных районах Ферганы, особенно в районе города Ош, четко выявилось наличие оседло-земледельческой культуры IV в. до н. э. и культуры пастушеских племен, основные центры которых были расположены в горных и речных долинах Ферганы. Характерно, что Махмуд Кашгарский рассказывает о крепости Шу, построенной тюркским царем, современником Александра Македонского вблизи Баласагуна. Последний, по словам В. В. Бартольда, был расположен в долине реки Чу[28].

Техника наскального изображения у селения Араван в 25 км к северо-западу от города Ош Киргизской ССР дает все основания связывать его с сакским кругом памятников этого района, прежде всего с изображением козлов скифского типа на котле, найденном в 1940 г. во время строительства Большого Ферганского канала[29].

Чжан-Цян сообщает, что в Давани находится до 10 больших и малых городов, население которых достигает нескольких сот тысяч. Отмеченное Чжан-Цяном наличие многочисленных поселений, в частности 10 больших и малых городов, доказывает нам то, что Фергана была древ-

нейшей областью с древнейшими поселениями. Кроме того, этот факт доказывает, что у даванцев существовало два типа поселений, «укрепленное обширное поселение Чэн-го», который означал город для того времени (возражения А. Н. Бернштама по этому вопросу — напрасны). Интересные сведения по этому поводу мы находим в тексте Чжан-Цяна «Ши-Ки», переведенном Сыма-Цяном, затем И. Бичуриным. Термин «чэн-го уши» в переводе на русский язык означает буквально «городище, предместье, усадьбы и дома»[30]. Другой тип поселения — одиночные усадьбы «уши»[31]. Во время династии Тан, в Ферганской долине существовало еще 6 городов и около 100 мелких селений. Следовательно, основной тип расселения по всей Фергане составляли отдельные укрепленные дома, городища и селения.

Эти факты подтверждают наши мысли о том, что население Ферганской долины принадлежало к самым древнейшим народам древнего Узбекистана, ибо существование высокой земледельческо-хозяйственной и городской культуры, повторяю, сложилось не сразу во II в. до н. э. во время прибытия Чжан-Цяна, а гораздо раньше.

Об этом также свидетельствует наличие таких наиболее известных крупных городов, сообщаемых китайскими источниками, как Гуйшуан, Эрши[32]. Последний многие ученые помещают недалеко от Коканда, к востоку от него. Следовательно, в древнейшие времена в Фергане существовали такие города, как Эрши, большой город Руйшат (возможно Касан), или по-китайски Ю-Чен. Чжан-Цяна поразило наличие в Фергане 70 больших и малых городов[33] и селений с высокой городской и земледельческой культурой. Главным городом Ферганы был тогда Гуйшан (Касан) в ее северной части. Население области достигало по китайским сведениям 300 000 человек.

Большинство населения, живущее в плодородных равнинных местах Ферганской долины занималось земледелием, садоводством, бахчеводством, ремеслами, изготовлением украшений из золота, серебра и производством оружия из железа. Жители вели торговлю, занимались разработкой горнорудных богатств. Меньшая часть населения Ферганской долины, жившая в горных и степных районах, занималась в основном скотоводством, частично ремеслом и торговлей.

Чжан-Цянь, говоря о земледельческой культуре даванцев, отмечает, что «даванцы ведут оседлый образ жизни, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу... Есть у них виноградное вино, которое хранилось без порчи несколько десятков лет»[34]. Китайцы впервые познакомились с виноградарством и культурой люцерны в Фергане. Земледельцы Ферганы занимались разведением ячменя, пшеницы, риса, люцерны, винограда, хлопка, яблок, сливы, айвы, черешни, урюка, груш и др.

Китайские историки связывают также с именем Чжан-Цяна появление в Китае культур граната, огурца, ореха, тутового дерева, которые выращивались в Фергане задолго до прибытия Чжан-Цяна в Среднюю Азию. Китайского посла поразила особая ферганская порода коней, якобы «потевших кровью» и получивших в Китае название «небесных»[35]. Желая получить образцы этой замечательной породы лошадей, китайские захватчики совершали неоднократные походы в Фергану (осада города Эрши в 101 г. до н. э.).

В Фергане и других областях страны разводились не только «небесные», но и другие породы лошадей: тулуп, тулпар, карабаир, аргамак, жийран и многие другие, которыми гордились предки узбекского народа. По словам А. Н. Бернштама «Фергана, в целом является местом разведения этой высокоценной породы, и первые сведения о ней нам сообщают китайцы»[36].

По свидетельству Чжан-Цяна, в Даванах «много шаньмо — добрых лошадей (аргамаков). Они имеют кровавый пот и происходят от породы тяньмо — «небесных лошадей». В другом месте его работы подчеркивается, что даванцы разводят траву мусу (люцерну), которую любят лошади Давана. Место происхождения этих лошадей китайские источники связывают с городом Эрши, как с городом, больше всего прославившемся в Фергане своими лошадьми, так как Чжан-Цян говорит, что «сообщено было (китайскому императору), что (да) Юань имеет шаньмо, находящихся в городе Эрши (но), скрывая, не дают их ханскому (китайскому) послу»[37].

Таковы сведения источников о Ферганской долине. Несмотря на скупость и отрывочность сведений ранних источников письменности, на основе их сопоставления с другими документами и археологическими материалами,

мы пришли к выводу, что основными и самыми ранними жителями Ферганской долины были саки.

Наряду с населением Ферганской долины в возникновении родственной этнической группы и в формировании общей этнической единицы, как корня предков узбекского и частично казахского народов, важную роль играло население Ташкентского оазиса, в том числе Пскента, Алмалыка, Ангрена, Бостандыка, Чимкента, Сайрама, Туркестана и прилегающих к ним районов.

Племена, населяющие Ташкентский оазис, имели и в древние, и в средние века между собой довольно тесные торгово-экономические и политико-культурные связи — один из самых решающих факторов в создании единых первоначальных этнических элементов. Предки узбекского и казахского народов, жившие в Ташкентском оазисе принадлежали к общей этнической группе сако-массагетского, кангуйско-хорезмийского этническо-языкового объединения, составляя главную его часть. Население обширных районов Ташкентского оазиса по своим этническо-языковым признакам и по этническо-языковому составу имело более тесные кровнородственные отношения с сако-массагетскими, дайско-кангуйскими племенами и являлось наряду с хорезмийцами и согдийцами самым древним этническо-языковым предком узбеков в стране. Первыми, самыми ранними сведениями, доказывающими древность населения Ташкентского оазиса, являются материалы археологических раскопок, произведенных дореволюционными и советскими археологами, в том числе В. В. Григорьевым, геологом Р. В. Смирновым и другими ранними письменными источниками о Ташкентском оазисе считаются сведения китайских историков. Но так как некоторые исследователи, в том числе В. В. Бартольд, В. В. Григорьев и другие помещают племя конгха, сообщаемое Зенд-Авестой и антично-греческо-римскими авторами, в среднем течении Сыр-Дарьи, в районе Ташкентского оазиса, то первые письменные сведения о Ташкентском оазисе относятся к более древнему периоду, к V — IV вв. до н. э., ко времени появления греческо-римских античных источников. Однако ни в Зенд-Авесте, ни в персидских клинописных надписях, ни у антично-греческо-римских авторов мы не находим данных о Ташкентском оазисе и его населении.

Китайские источники, в том числе Чжан-Цян отмечают, что на западе, точнее на северо-западе, усуни граничат с кангуями. Как известно, все ученые помещают усуней на обширной территории нынешнего Казахстана и Киргизстана. Если кангуйцы жили на западе и северо-западе указанной территории и граничили с усунами, то следует искать их границы у Ташкентского оазиса. В районах Ташкентского оазиса находится селение Кагни в Чапаната, недалеко от Ташкента, наличие которого также дает основание разместить часть кангуев в районах Ташкентского оазиса. В «Шахнаме» Сыр-Дарья называется рекой Канга.

Из приведенного и других фактов видно, что на территории Ташкентского оазиса жили главным образом многочисленные ответвления сакских племен, входившие в сакское племенное объединение оазиса и вместе с кангуйскими племенами составлявшие основную массу населения оазиса. Наличие существования саков здесь подтверждается данными археологических раскопок, найденных в Ташкентском оазисе, в том числе недалеко от Ташкента в Каунчитепе (в Янгиюле), на Чирчике и других районах. В 1887 г. около Ташкента при раскопках были обнаружены, по-видимому, очень давние сакские курганы, содержавшие коллективные захоронения в катакомбах. Археологические раскопки, произведенные Г. В. Григорьевым весной 1934 г. в долине нижнего Чирчика, подтверждают наличие там с древнейших времен сакского земледельческого оседлого населения и их, довольно крупных, оседлых поселений[38].

Б. Г. Гафуров так же отмечает, что «археологические данные памятников бронзового века в Ташкентском оазисе позволяют определить рубеж, где начинается переход саков от скотоводства к земледелию — в районах от Ферганы до Хорезма»[39].

Таким образом, саки были оседлым и кочевым населением Ташкентского оазиса. По Птоломею страна саков занята кочевниками и оседлым населением, а Страбон причисляет их к оседлым и кочевым народам. Птоломей сообщает о «каменной башне», построенной саками. По мнению многих ученых, в том числе В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, Рено[40] название Ташкент отождествляется с каменной башней Птоломея. В. В. Григорьев пишет «Таш» по-тюркски означает «камень», а «кент»[41]

город и отсюда появилось название Ташкента, упоминаемое Птоломеем как «каменная башня». Поздние китайские источники называют Ташкент «Чоч», а по-арабским источникам — Шош. Об этом так же говорит западноевропейский ученый Рене. В «Шахнаме» Фердоуси часто упоминается Ташкент под именем Шоли, реки Чирчик как Терек, или Тарак, а Сыр-Дарья — Гульзариюн.

Археологическими документами, свидетельствующими о существовании в древнейшие времена населения в Ташкентском оазисе, являются материалы раскопок Каунчитепе около Ташкента, произведенной в 1935 г. В нижних слоях городища было обнаружено древнее поселение, представлявшее собой открытую стоянку на берегу реки.

Судя по находкам, население Ташкентского оазиса, состояло из оседло-земледельческого с большими и малыми поселениями, как это мы встречали в Хорезмийском оазисе, Согдиане и Ферганской долине. Находки в Каунчитепе показывают, что основным занятием населения были мотыжное земледелие, скотоводство, садоводство, бахчеводство, виноградарство, занимались также ремеслами, торговлей и горным делом.

Были обнаружены предметы из кости, среди которых мотыга, наконечники, копья и стрелы, рукоятки орудий и т .д. Кроме того, найдены куски поделочного рога оленя и горного козла. Из металлических предметов встречались лишь отдельные мелкие обломки из бронзы. Датировку этого древнего поселения археологи относят к концу второго или же началу первого тысячелетия до н. э.

Недалеко от Ташкента на р. Пскем геологом Р. В. Смирновым было найдено типичное мустьерское скребло, сделанное из камня, напоминающее по форме и способу выделки подобные орудия из пещерного жилища Тешик-Тоша»[42].

Л. А. Мацулевич центральную часть Хорезма и пограничные районы Кангуя помещает в районы Ташкентского оазиса, говоря, что «в пограничных областях Кангуя — Сыр-Дарьинском заречье — древняя ирригационная система обеспечивала занятие земледелием и местным ремеслом, известные нам по раскопкам городища Каунчитепе и по находкам в могильниках»[43].

Последующими источниками, сообщающие некоторые сведения, являются китайские и восточносреднеазиатские, в том числе арабско-персидские историко-географические источники. Но эти сведения очень смутны и отрывочны и почти ничего не говорят о племенах, племенно-этническом составе населения данного оазиса, о нравах, обычаях, культуре, экономике и др. его жителей. Никаких сообщений мы не имеем в отношении городов Ташкентского оазиса, и это, очевидно, объясняется тем, что уже в то время население городов и крупных поселков, прочно осевшее там с древнейших времен, успевшее кровно-этнически смешаться, перешло от мелкого племенного раздельного существования (как это имело место в городах Хорезмского оазиса, Согдиане и Ферганской долине), к общей этнической единице и поэтому в городах могли почти отсутствовать родоплеменные деления.

С большим трудом, сопоставлением и анализом сведений других источников, в том числе сведений археологических памятников, приходится восстановить этот пробел. Следует предполагать, что население Ташкентского оазиса существовало одновременно с населением Ферганской долины, Согдианы и Хорезма. Племена Ташкентского оазиса, в том числе Пскента, Ангрена, Алмалыка, Карамазара, Бостандыкского района, Чимкента, Сайрама и прилегающих к ним селений до Таласа, имели в VII — VI вв. до н. э. не только тесные торгово-экономические и политические, культурные, но и кровнородственные этнические связи и вместе составляли единую сакскую этническую группу в данном оазисе.

О торгово-экономической и культурной связи населения названных районов свидетельствует наличие торгового пути «Великий шелковый путь», который проходил из Передней Азии и Ирана через территорию Мавераннахра, в том числе через Амул (Чарджоу), Бухару, Самарканд, Ташкент, Чимкент, Сайрам (Иофиджаб), Тароз, или Талос в Монголию и Китай. Этот путь вовлекал местное население в активное участие в торгово-экономической жизни внутри страны и внешние международные торгово-экономические связи.

Одними из древнейших жителей Ташкентского оазиса, по-видимому, были жители Сайрама, принадлежавшие к сакско-кангуйской ветви племен. Впервые сведения о Сайраме и под этим именем населении данного района, сообщает нам Зенд-Авеста. В Авесте говорится о «мужеправедных Сайрама» и «жен праведных Сайрама»[44].

По-видимому, «Сайрам», или «Сайрим» непосредственно имеет связь с нынешним Сайрамом, в котором некоторые исследователи, в том числе Л. А. Мацулевич видят название племени сарматов, или савраматов.

Как пишет Л. А. Мацулевич, Авеста только в одном гимне упоминает народ «Сайрама», но не дает его географического места. По-видимому, «Сайраму», или «Сайриму» Зен-Авесты следует считать к востоку от Аральского моря, в районе нынешнего Сайрама и гор. Туркестана, население которых имело связи с населением Ташкентского оазиса, а не в Европейской части России, в районе р. Дона, как это делают некоторые исследователи.

Термин «сайрам» встречается в этнонимике и топонимике Ташкентского оазиса (современный Сайрам). Почти все средневековые восточносреднеазиатские, в том числе арабские, письменные источники считают Сайрам одним из древнейших населенных пунктов в Средней Азии. Поэтому в защиту указанного мнения казалось бы правильным выдвинуть название «Сайрама», или «Сайрима», упоминаемое в Авесте. Если это так, то первые сведения о Ташкентском оазисе, в том числе о Сайраме и его населении, относятся к более древнему периоду, то есть ко времени сведений Авесты.

Поздние китайские источники также упоминают Сайрам и дают сравнительно подробные сведения о нем. В «Дивони лугаты тюрк» Махмуда Кашгарского[45], Сайрам называется Исфинджаб, или Исфиджаб, как крупный и богатый населенный пункт, и как город с окрестными селениями, имеющими, кровнородственные этнические и торгово-экономические, культурно-политические связи с населением остальной части Ташкентского оазиса.

Древнейшими жителями Ташкентского оазиса, по-видимому, были также чигуи, или чигли. Первые сведения о них сообщают китайские источники. «Местопребывание владетеля усун — город Чигу»[46]. Чигу и существование под этим термином города и его населения наводит нас на мысль, что, очевидно, город Чигу тот же город в Семиречье около р. Таласа, о котором сообщает Махмуд Кашгарский в «Дивони лугати тюрк», и который в X в. вошел в состав государства Караханидов. Если это так, то чигли, несомненно, были предками узбекских и казахских народов и впоследствии, племена чигли вместе с племенами карлюков, ягмы, тухси и другими составляли

одно из ядер узбекского и казахского народов Ташкентского оазиса.

Античные и китайские источники и вслед за ними многие исследователи, в том числе В. В. Григорьев, В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам и другие, отмечают, что в Семиречье, а значит и на территории Казахстана и Киргизстана, жили саки Сэ и усуни. Последних А. Н. Бериштам считает ответвлением саков. Если это так, то ясно, что племена чигли, как ответвления племени усун, принадлежали к сакской этнической группе Ташкентского оазиса. Это доказывает принадлежность саков Ташкентского оазиса и Семиречья к тюркскому народу.

Если обратить внимание на происхождение и созвучие слова «чигил», или «чигу», становится ясным, что оно звучит по-тюркски и принадлежит к тюркскому наречию. Европейские ученые Джон Бимз и Хартман также считают среднеазиатских саков тюрками. По их утверждениям, эти «саки были из тюркского происхождения»[47].

Исторические записки Сыма-Цяна «История старшего и младшего дома Хань» и «История дома Цзинь» сообщают, что около IV в. жили на территории, простиравшейся от гор. Саноса на востоке до долины р. Таласа включительно на западе. Соседями усуней на севере были Кангуй[48]. В Н. Ачунин усуней считал тюрками: «многократно указывается на родственную связь усуней и их родичей с народом Сэ, или Сие («саки»)[49]. Он пишет: «Сэ (саки) и усуни обитали в соседстве в одном районе в верховьях Хуана, в юго-восточном углу Таримской долины, но потом они ушли на запад»[50], «столицей (усуней) был Чигу, или Чугу (Чу), где в 107 г. до н. э. был построен дворец»[51].

В. Н. Ачунин подчеркивает, что — усуни и саки были сближены не только территориальным соседством, но и этническим родством и единством культуры» и приходит к выводу, что: «усуни составляли один из родов саков»[52].

Н. А. Аристов и В. Н. Ачунин считают усуней тюрками, «предками каракиргизов», «киргизами»[53], а Н. Н. Харузнин в результате своих исследований пришел к выводу, что в III в. до н. э. здесь обитала ветвь киргизского племени[54].

Живя по соседству с усунами, обитатели Семиречья смешались с ними и вместе вошли в состав каракиргизов.

Характерно, что некоторые исследователи, в том числе В. В. Григорьев, к тому времени относят существование и другого тюркского племени — чув, или чуд. Однако мы не встречаем сведений об этом племени ни в персидских клинописных надписях, ни в античных источниках. В. В. Григорьев пишет, что: «кунеологи доказывали о том, что существовали в древнейшие времена чудские племена, которые говорили на чудском языке, близком к тюркскому и на этом языке говорили также (среднеазиатские *М. Э.*) скифы в период Ахеменидов, и что клинопись второй системы содержит в себе чудский язык»[55]. Далее у В. В. Григорьева читаем: «к сожалению также кунеологи связывают эту чуд, называя ее туранцами (среднеазиатскими *М. Э.*) скифами, считая тех и других за единоплеменников» [56]. Таковы сведения источников о народах Ташкентского оазиса.

На основании сопоставления и анализа этих материалов с археологическими и другими данными мы пришли к выводу, что первоначальным населением Ташкентского оазиса были саки и кангуй, входившие в сакскую этническую племенную конфедерацию народов сайрам, чигу, или чигли. По-видимому, в конфедерацию входили также асии, пасиканы и др. Эти коренные жители Ташкентского оазиса обитали здесь с древнейших времен, о чем свидетельствуют археологические памятники, а также сообщения китайских и восточносреднеазиатских, в том числе персидско-арабских и тюркских письменных источников.

Наряду с образованием начальных этнических элементов предков узбеков, как тюркоязычной народности, складывался первоначальный этнический элемент и предков казахов и киргизов, главным образом из исседов и из усуней, а также частично из населения, проживавшего на территории древнего Узбекистана и других районов Средней Азии и принадлежавшего к другой этнической группе тюркоязычных народов.

В результате длительного исторического развития первобытно-рабовладельческого общества и дальнейшего складывания этнических элементов в результате ассимиляции народов, постепенно началось формирование предков узбеков в узбекскую народность, так как подавляющее большинство населения древнего Узбекистана состояло из сельских и городских жителей с довольно высокой оседло-земледельческой и городской культурой.

Об общественном укладе населения древнего Узбекистана конца IV в. до н. э. мы узнаем из основных источников — античных исторических трактатов, посвященных завоеваниям Александра Македонского «Анабасиса» Арриана, труда Квинта Курция и в некоторой степени биографии Александра Македонского, составленной Плутархом. В их сообщениях встречаются ряд деталей общественной жизни населения древнего Узбекистана.

В это время общество оседлых сельско-городских районов страны в общинах выступает расчлененным на два общественных слоя: народную массу и аристократию. Последнюю Курций называет «всадниками» (eguites), которые тождественны авестийским «колесничим». О формах эксплуатации, на которых базировалось хозяйство аристократов, в античных источниках мы не находим сведений. Но последующее развитие позволяет сказать, что рабство имело достаточно широкое распространение в хозяйстве аристократов. Античные авторы наряду с всадниками в составе населения Средней Азии упоминают ипархов. Ипархами в Македонии назывались областные и племенные вожди, в которых можно видеть уже знакомых нам денхупайти.

Денхупайти, или ипархи иногда собирались на съезды, в последующий период их положение все больше укреплялось. В этом отношении очень важно упоминание всех источников о значительных городах, во главе которых стояли денхупайти (ипархи). К числу таких больших городов античные источники относят столицу Согдианы Мараканд (Самарканд). Античные авторы называют многочисленные укрепленные селения в Согдиане, Хорезмском оазисе и других районах Узбекистана. Об этих селениях сообщают достоверные сведения археологические памятники, найденные в районах Согдианы, Хорезмского оазиса, Ферганской долины и Ташкентского оазиса, о чем мы говорили выше. Большая часть из них являлась знакомыми нам укрепленными поселками, ставшими основным типом поселений оседлого земледельческого населения древнего Узбекистана.

Археологические памятники, исследованные в Хорезме, Каракалпакии, С. П. Толстовым, в Ферганской долине—А. Н. Бернштамом, в Самаркандской и Сурхандарьинской областях и в Ташкентском оазисе, в бассейне Чирчика, свидетельствуют о сохранении основных черт

оседло-земледельческого хозяйства и бытового уклада населения. Особый интерес в этом отношении представляют результаты работы раскопок, проводившихся в 1934 г. в долине р. Чирчик. Исследованные экспедицией «тепе»— холмы, состоявшие из напластований, накопленных в течение многих веков, показали культуру примитивных земледельцев и скотоводов, живших в укрепленных деревнях, в глинобитных, позднее из сырцового кирпича, постройках, возделывавших ячмень и пшеницу и разводивших баранов, лошадей, вербюдов. Мы получили из этих материалов данные, позволяющие обогатить и наполнить новым содержанием сведения, которые можно почерпнуть из письменных источников.

Сведения о городах и селениях древнейшего Узбекистана и об исключительной многочисленности их во второй половине первого тысячелетия до н. э. дают нам античные авторы и китайские источники II в. до н. э. Можно привести сообщения Помпея Трога (III в. до н. э.) о «тысяче бактрийских городов» и о «семидесяти больших и малых городов» Ферганской долины, китайские хроники Сыма-Цяна (II в. до н. э.) об укрепленных поселениях земледельческих общин. Они близки по своему характеру к тому типу поселений оседлого земледельческого населения общины, о которых писали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Общий облик материальной культуры оседло-земледельческого населения древнего Узбекистана вообще очень близок друг другу и характерным для нее является оросительное земледелие, укрепленные родовые поселения с прямоугольными жилищами из сырцового кирпича. Цитадели в городах свидетельствуют о существовании классовой борьбы, так как обычно служили не только против внешних врагов, но и против собственных сограждан, протестующих против невыносимо тяжелых условий жизни. Наличие такого типа сельских и городских поселений явилось базой для формирования первичных элементов предков будущей узбекской народности.

* *
*

О языке и наречиях древнейших народов Узбекистана мы почти не располагаем достоверными сведениями.

Известная часть языковых сведений встречается в древнейших письменных источниках в виде названий племен, местностей, рек, гор и т. д.

Тюркоязычные предки узбекского народа имели свой самостоятельный диалект, который по своему происхождению не имеет отношения к ираноперсидскому языку. Мы не согласны с мнением некоторой части буржуазных востоковедов, считающих древний язык, наречия и говоры смешанного тюркоязычного народа страны, в том числе Согдианы и Хорезмского оазиса только иранским языком или иранской частью речи. Древние тюркоязычные племена и народы представляли обособленную группу, расчлененную на ряд различных племен и говорили на самостоятельном и особом для них общем языке и диалекте, распадавшимся на различные наречия и говоры.

Корень и сам язык для них — общий. Как отмечает Чжан-Цян: «От Давани на запад до государства Аньси, хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга». Иакинф Бичурин по поводу этого замечает, что «у тех были разные наречия тюрского языка»[57]. Несмотря на общий корень языка у большей части населения Согдианы и Хорезмского оазиса с языком населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса, соединить воедино оба диалекта и говора непозволительно, хотя их отличия небольшие. Следует признать, что некоторые отступления диалекта и языка тюркоязычного населения Согдианы и Хорезмского оазиса от общей тюркоязычной формы языка населения древнего Узбекистана, особенно Ферганской долины и Ташкентского оазиса, вызваны влиянием Согда и Ирана. Влияние иранского языка объясняется тем, что древний Узбекистан, особенно Согдиана и Хорезм, в течение многих веков находились под колониальным господством иранских завоевателей, и персидский язык стал и на долгое время государственным языком. Это влияние могло проникнуть и в результате относительно тесного торгово-культурного общения.

Непосредственно дополняющими сведениями древнейших источников являются историко-географические и лингвистические источники восточносреднеазиатских авторов, в том числе Аль Бируни, Ибн Хурдозба, Масуди, Табари, Якути, Фердоуси и других. В их трудах имеют-

ся древнейшие термины, названия племен, рек, гор и т. п. на тюркском языке.

Каждая из ветвей тюркоязычных племен и народа уже с незапамятных времен говорила на особом, свойственном ей наречии, по своему происхождению не имеющем отношения к иранскому языку, но в некоторой степени смешанном с согдийскими и ирано-персидскими наречиями.

Древнейшие диалекты языка тюркоязычной (будущей узбекской) народности в основном можно разделить на четыре наречия: Ташкентского оазиса, Ферганской долины, Хорезмского оазиса и наречие Согдианы. Некоторые особенности элементов, разделяющие эти старинные наречия были и в средние века и все еще продолжают жить в современной устной речи. Нет никакого сомнения в том, что в наречиях населения Ташкентского оазиса, Ферганской долины, Хорезмского оазиса и Согдианы продолжают жить следы древнеузбекского языка, хотя их языки подвергались сильному смешению в процессе исторического развития. Смешения и скрещивания древнейшего узбекского языка, главным образом, происходили с языками казахского, киргизского, туркменского, каракалпакского и таджикского народов. Кроме того, узбекский язык смешивался в определенной степени с языками сирийских, ирано-персидских, греко-македонских, затем и арабских народов.

Что касается словарного фонда или состава и грамматических особенностей, то ниже приводятся некоторые убедительные примеры, утверждающие существование древнейшего тюркоязычного языка коренного народа, имеющего словарный фонд и грамматику. В процессе эволюционного развития древнейший язык тюркоязычного народа постепенно изменял свои старинные формы, в известной степени созревал и превращался в новый язык, явившийся одной из главных предпосылок для формирования языка узбекской народности.

По-видимому, поэтому не дошли до нашего времени, да и не могли дойти в полном составе древнейшие языки предков узбекского народа. Проведение точных границ изменения старейшего узбекского языка должно быть представлено специальному исследованию лингвистов.

Так называемый «чистый» древнейший язык тюркоязычного населения страны, по-видимому, был только в

тех областях древнего Узбекистана, в которых жили исключительно тюркоязычные народы. Такими областями были Ташкентский оазис и Ферганская долина. В Согдиане и Хорезмском оазисе, как уже было сказано, язык тюркоязычного населения был смешан с согдийско-иранско-персидскими языками, и говорило оно на обеих языках. Кроме указанных языков, местные наречия еще раньше были смешаны с сумирскими языками тех сумирийцев, которые распространили свое колониальное господство над Междуречьем. Именно к тому времени относится распространение ассирийско-сирийского алфавита в Согдиану и Хорезмийский оазис. В. В. Бартольд, С. П. Толстов, У. Н. Пигулевская и другие исследователи согдийско-хорезмийского алфавита считают его очень близким к древнему ассирийско-сирийскому алфавиту, широко распространившемуся по всей территории Ахеменидской империи, в том числе в Согдиане и Хорезмском оазисе.

С. П. Толстов, стремясь указать связи в лексике и морфологии тюркского языка с сумирским, приводит примеры из древнейшего словарного состава алтайской группы тюрков, которые непосредственно относятся не только к их словарному фонду, но и тюркоязычному народу Ташкентского оазиса, Ферганской долины и других областей древнего Узбекистана, которые звучат так: *«тангри»* — в переводе на русский язык означает бог, небо; *«ой»*—луна, месяц; *«дош», «тош»*—камень; *«даг», «тог»*—гора; *«уч»* — три и т. д. Если обратить внимание на название населенных пунктов, сел, городов, гор, рек, на наименование родов, племен или народа и др., то нетрудно заметить их созвучие с языком тюркоязычного народа. Характерными из них являются следующие:

Аймак — название одного из племен кангуй, означающий племенной союз и община.

Аргамак, или Аргимак — название ферганских «небесных» лошадей, скакунов, упоминаемое китайскими источниками.

Аркон — веревка, упоминаемая римским источником I в. до н. э. Помпением Мелы в связи с описанием воинского умения сакско-массагетских женщин.

Богистон — название местности, находящейся в Туркмении, упоминается Геродотом и греческими историками при описании ими похода Александра Македонского в Среднюю Азию.

Газ, или *Гоз* — название города, находящегося на берегу Сыр-Дарьи, упоминаемое Страбоном при описании им похода Александра Македонского.

Даван, или *Довон* — название перевала, который и сейчас в быту узбекского народа. Упоминается слово китайским послом Чжан-Цяном, который так называет Ферганскую долину.

Кангха (по Авесте) — *Кангуй* (по-китайски) — *Кангли* (по восточносреднеазиатским историко-географическим источникам) — название крупного союза племен или народа.

Суяб — по-китайски суйше, или суй-йе, название населенного пункта, находящегося к югу от реки Чу.

Сайрам — название города и народа, упоминаемых в Авесте, находящихся в Ташкентском оазисе.

Сейкент, или *Сайкент* — название города, находящегося на берегу Сыр-Дарьи, около Арыси.

Шош — *Чач* (по китайски), название Ташкента (II в. до н. э.).

Чу — название реки в Ташкентском оазисе, а ныне — в Казахстане.

Чуд — название племени, населявшего Ташкентский оазис, на нынешней территории Казахстана.

Чигу, или *Чигли* — название города и племен, находившихся в Ташкентском оазисе, на нынешней территории Казахстана, упоминаемые китайскими источниками в III—II вв. до н. э.

Узтобэйчже — название города, принадлежавшее малому кангуйскому владению (возможно, Узкент или Узбой — неправильно произнесенный китайским источником).

Эрши — название города, находившегося в Фергане.

Ош, или *Уш* — название города или большого села, находившихся в Ферганской долине.

Гулзориюн — древнейшее местное название Сыр-Дарьи, упоминаемое Фердоуси в «Шахнаме». В «Шахнаме» также встречается и другое название Сыр-Дарьи — Канга.

Туран — название страны тюрков, по сведениям восточносреднеазиатских источников, в том числе по «Шахнаме» Фердоуси, которые указывают границы Турана от восточного берега Аму-Дарьи до Кашгарии.

Кроме приведенных слов и терминов, на языке тюркоязычных народов Средней Азии, в том числе у населения Ташкентского оазиса и прилегающих к ним районов Казахстана, встречаются и другие тюркские имена, слова и термины. Из них можно привести следующие, которые употреблялись усунскими племенами, как не только присущие усунам, но и другим, родственным им частям тюркоязычных народов древнего Узбекистана: *файван, лоли*; *куч*, или *кучи*; *аксу*; *яни*, возможно *янги*; *кюйли*; *бюгур*; *билу*, или *блув* (название владения, упоминаемое Махмудом Кашгарским), *юлишим*, или *йолишим* (название области или правления); *баркюл*, или

баркол, баргул (название области); *токра тог* — название города; *мамакен*, или *намакен* (название племен, живших еще в IV в. до н. э. недалеко от берегов Сыр-Дарьи).

Следует отметить, что названия некоторых населенных пунктов, сел, гор, рек, имен, родов, племен и т. п. в древнем Узбекистане не имеют никакого значения в языках тюрков, иранцев и других народов и не поддаются расшифровке. Это, по-видимому, слова и термины, которые сохранились от первобытно-общинного строя. Некоторые из этих слов и терминов дошли до нас и мы встречаемся с архаическими формами в устной речи, особенно у населения отдаленных районов Узбекистана. Вот некоторые из слов, терминов, имен, которые встречаются в источниках: *Уш* или *Ош, Самарканд* или *Мараканд, Навтак, Гуй-шуан, Руй-шат, Сак, Дай Мамакен, Массагет, согд* или *сугд, юечжи* и др.

Известные лингвисты, в частности иранисты, в том числе Э. Бенвенист, автор II тома «Согдийской грамматики»[58] и ряда других работ по иранскому языковедению, советский специалист по иранскому языку А. А. Фрейман в своих работах «Артикль в Хорезмийском языке»[59], «Согда — хорезмийские диалектологические отношения»[60], изучая документы письменных и других памятников, приходят к выводу, что народы, населявшие Среднюю Азию, в частности Хорезмский оазис, Согдиану, население Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, были иранского происхождения и говорили на иранском языке.

Для доказательства они приводят примеры из источников, написанных на языке иранских и других колонизаторов — на государственном языке, почти не отражавшем язык коренных народных масс страны.

Нужно сказать, что население Хорезмского оазиса, Согдианы и центра сако-массагетских районов говорило фактически на трех языках—на согдийском и иранском— близких друг к другу и на тюркском,— на котором говорила большая часть населения Хорезмского оазиса и Согдианы и основная часть сако-массагетского населения, которая жила и оставалась жить на территории древнего Узбекистана, Каракалпакии, прошедших необходимую стадию своего развития, характеризующуюся в основном различной степенью исторического процесса упрощения,

скрещивания и складывания элементов тюркоязычных народов этих областей, в том числе и основной части сако-массагетского населения. Однако процессы развития языка тюркоязычных народов древнего Узбекистана, в том числе узбекского языка, еще почти не изучены.

Между тем, языки населения древнего Узбекистана типологически сходны в родственных звуках, оттенках и корнях, иллюстрирующих тесную связь единого процесса в языках этих народов. Помимо этого, они проливают свет на историю народов. Сравнение языков, наречий, диалектов народных масс Хорезмского оазиса, Согдианы, Ферганской долины и Ташкентского оазиса с сако-массагетскими, кангуйскими, массагетско-юечжийскими языками представляется особо ценным. Несмотря на почти полное отсутствие материалов, они дают некоторые основания установить связь языков и наречий у тюркоязычных народов.

Многовековые этническо-языковые, экономическо-торговые и культурные связи между собой не могли не сказаться на близости народов и их языков, что явилось решающей предпосылкой образования узбекской народности и формирования языка этой же народности, который являлся продуктом исторических процессов развития. Связь их устанавливается только исторически, так как она является продуктом длительного развития данного языка.

Многие западноевропейские, русские лингвисты, в том числе Даннер, О. И. Смирнов, М. М. Явич, В. В. Бартольд, С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский, занимались изучением алфавита и письменности древнейших народов нашей страны.

Как пишет М. М. Явич: «Монеты шахов древнего Хорезма, древнехорезмийский алфавит и другие также доказывают, что согдийские и хорезмийские монеты были совсем иных типов—местных, имели легенды согдийским и хорезмским курсовым письмом». Этот алфавит, имевший такое длительное и широкое распространение и существовавший одновременно с согдийским и хорезмским письмом, употреблялся для самостоятельного языка населения согдийских и хорезмийских диалектов, а также для всего населения Согдианы и Хорезмского оазиса. По словам М. М. Явича «эта культура, хотя и была тесно

связана со всем среднеазиатским комплексом, в то же время, несомненно, имела свои местные особенности и свой самостоятельный путь развития».

Хорезмийский алфавит впервые стал более известным благодаря работам археологической экспедиции С. П. Толстова, который считает данный алфавит очень близким к древнеассирийско-сирийскому алфавиту и письму, широко распространившемуся по всей территории Ахеменидской империи[61]. Это письмо, как обычное для канцелярий иранского государства, считавшись письмом иранского государственного языка, обслуживалось сирийскими писцами, а персидская клинопись употреблялась лишь для торжественных надписей[62]. От сирийского письма ведут свою родословную разнообразные алфавиты многих народов, в том числе иранские и среднеазиатские алфавиты. Об этом же говорят в своих работах В. В. Бартольд[63], У. Н. Пигулевская[64] и другие.

Алфавит жителей Хорезмского оазиса и Согдианы, в том числе согдийский алфавит, является самостоятельной ветвью, восходящей непосредственно к ассирийско-сирийской, ахеменидской эпохе[65]. Народы древнего Узбекистана в те времена имели самостоятельные надписи. Согдийско-хорезмийский алфавит, которым они писались впоследствии, народом был забыт, основными причинами чего были социально-экономическая и культурная эволюция в развитии общественной жизни народов и насильственное разрушение местных культурных традиций завоевателями и колонизаторами.

Для этногенеза тех времен характерным является окончательный переход большей части населения древнего Узбекистана от кочевого образа жизни к оседлости, его сращивание и смешение с различными племенами и народами однообразной этническо-языковой группы и племенами и народами других этническо-языковых групп. Народы древнего Узбекистана явились сочетанием тех и других языково-этнических групп, но в большинстве их единая этническая группа состояла из тюркоязычных народов и племен. Следует считать очень ценным высказывание А. Ю. Якубовского по данному вопросу, который совершенно правильно упрекает автора «Истории таджикского народа» Б. Г. Гафурова, говоря, что «в вопросах этногенеза мы поставили бы автору только один упрек. Тюркский элемент он усматривает в

Средней Азии только с VI в. До этого времени в Среднеазиатском Междуречье, по его мнению, жили только племена и народности ираноязычной системы. Так ли это? Автор забыл простую истину, что народы старше имени, которое они носят.

Наша историческая наука, особенно археология, располагает сейчас фактами, которые дают право утверждать, что и до VI в. н. э. в Согде имелось тюркоязычное население»[66].

Какое общее заключение можно сделать из всего сказанного выше?

Судьбы народов Средней Азии, особенно узбеков и таджиков, были переплетены. Характерно, что у узбеков, говорящих на языке так называемом тюркской системы, и таджиков, говорящих на языке так называемой иранской системы, в прошлом культура, быт, социально-экономическая и общественно-политическая жизнь были более сближены, чем у других народов Средней Азии, принадлежавших к различной этнической языковой группе и живущих на одной территории.

Это объясняется тем, что в этногенезе узбеков и таджиков имеется много общих элементов, явившихся характерной чертой при их складывании и впоследствии формировании в народность. Если учесть, что часть территории Узбекистана в древности была населена хорезмийцами, согдианами и другими многими различными этническими группами, ирано- и тюркоязычными и иностранными этническими элементами, то станет понятным, что они вошли в состав не только узбекского, но и таджикского народов.

Как известно, живущие вместе узбеки и таджики Самарканда, Бухары и других районов Узбекистана представляют собой сложное этническое образование. Известная часть узбекского народа в некоторых городах Ферганской долины, Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Бухары, Самарканда представляет отюреченных в языковом смысле таджиков, которые еще в X—XII вв. говорили на таджикском и узбекском языках.

Согласно учению марксизма-ленинизма народы представляют собой не расовые, а исторически образовавшиеся общности людей. Такая общность явилась весьма сложным этническим комплексом наличия согдийско-таджикских элементов в узбекском народе.

Кроме того, слагаемыми элементами таджикского народа были не только древние согдийцы, бактрийцы и другие, но и тюрки или тюркоязычные народы, которые в некоторых районах древнего Узбекистана растворились среди массы оседлых таджиков, потеряв свой язык. Отюречение согдийцев происходило больше всего в Самарканде, Бухаре и других районах страны. Известно, что в течение долгих веков события и культурно-экономическая жизнь этих двух братских народов разворачивались совместно на одной территории. Такова была в прошлом историческая действительность и игнорировать ее нельзя. Историческая общность узбеков и таджиков сближала их: в процессе формирования большую роль сыграло скрещивание тюркоязычных с ираноязычными народами страны. «Этот процесс сопровождается сближением этих племен и народностей с древним населением Средней Азии. Совместные действия тюрков с согдийцами характерны для борьбы народов Средней Азии с иноземными захватчиками.

В течение веков совершается переход, прежде всего, малоимущих слоев тюркских кочевников к оседлости и земледелию. Усиливается смешение тюркских народностей с согдийцами и хорезмийцами, с сако-массагетскими племенами, причем у складывающейся таким образом народности преобладающей оказалась тюркоязычная речь. На этой основе и формируется узбекский народ, вобравший в себя культурное наследие древних ее обитателей»[67].

Б. Г. Гафуров утверждает, что до VI в. в среднеазиатском Междуречье жили только племена и народности ираноязычной системы, что вызвало серьезные возражения в том числе и А. Ю. Якубовского, который пишет: «Наша историческая наука, особенно археология располагает сейчас фактами, которые дают право утверждать, что и до VI в. н. э. в Согде имелось тюркоязычное население.

Надо полагать, что в новом издании книги автор согласится с правильностью этой точки зрения и внесет соответствующие изменения в текст»[68].

Следовательно, Узбекистан и прилегавшие области Средней Азии в древнейшие времена в этническо-этнографическом и в лингвистическом отношениях представляли пеструю картину. Здесь обитали различные этни-

ческие элементы и группы, как и поныне, но каждая этническая группа племен тяготела к отдельной территории Средней Азии, как например, предки узбеков — к территории древнего Узбекистана и прилегающим к нему районов, туркмены — к территории Туркменистана, каракалпаки — к районам Каракалпакии, казахи и киргизы — соответственно к Казахстану и Киргизстану, таджики — к районам нынешнего Таджикистана и прилегающей к ним тогда части Согдианы.

Итак, к исконно-коренному населению принадлежат и узбеки, сформировавшиеся в длительном историческом процессе лишь на своей территории и прилегающих к ней областям.

Этногенез узбекского и таджикского народов и связанные с ним общественно-экономические и языковые явления, касающиеся обширной территории бассейна Зарафшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи, нельзя рассматривать раздельно, они были тесно переплетены между собой. Этому способствовали социально-экономические и политические события, происходившие главным образом на указанной территории Согдианы и связанные с многовековым господством ассиро-вавилонских, мидийско-персидских и иранских завоевателей. При колониальном господстве чужеземных завоевателей происходило переселение огромной массы людей, состоявших из семей сатрапов, администраторов, чиновников, военачальников, эмигрантов и т. п., которые прочно осели на территории Согдианы и беспощадно угнетали местные ираноязычные согдийские и тюркоязычные народы.

Появление иранского населения в районах Согдианы и других частях древнего Узбекистана отмечалось еще около второго тысячелетия, а также в первом тысячелетии до н. э. в период господства в Междуречье ассировавилонских и сирийских колонизаторов.

Есть данные источников местных, как называемых бухарских евреев, говорящие о том, что именно в то время они появились здесь в качестве переселенцев. Второй приток бухарских евреев в Согдиану и другие районы Средней Азии произошел в период господства арабских колонизаторов, которые сразу после покорения Мавераннахра многих евреев переселили сначала на территорию Согдианы, после чего они распространились по другим городам Средней Азии.

Возвращаясь к вопросу о переселении иранцев, следует отметить, что массовое переселение их в Согдиану относится к периоду господства мидийских и особенно ахеменидских захватчиков, превративших Среднюю Азию в относительно прочную колонию. Значительная часть городского населения Самарканда, Ура-Тюбе, Ходжента, Бухары и др. состояла из иранцев. По-видимому, это объясняется стремлением колонизаторов первыми поселиться в городах, культурно-политических центрах страны. В результате, значительная часть ираноязычного населения ассимилировалась с местным тюрко-язычным населением и впоследствии постепенно стала формироваться в узбекскую и таджикскую народности.

Население Ташкентского оазиса, Ферганской долины, Хорезмского оазиса и большая часть населения Согдианы принадлежала к тюркоязычному народу. Известно, историко-географические произведения восточносреднеазиатских авторов называют их туранцами, считая территорию, расположенную к востоку от Аму-Дарьи, Тураном, то есть страной тюрков, а его население называли тюрками, причем термин Туран применяется только касательно древнейшего и древнего периода истории Средней Азии, а в средние века ученые применяют другой, местный термин, Туркестан, означавший то же — страна тюрков.

* * *

Наряду с указанным первоначальным коренным населением древнего Узбекистана, о котором мы подробно говорили, в скрещивании, развитии и складывании этнической группы и затем формировании эволюционным путем общей этническо-языковой единицы, как необходимой последующей предпосылки для формирования узбекской народности, огромную роль играли племена и народы юечжи, эфталиты и другие, как новое дополнение к существовавшим к этому времени первоначальным этническим элементам, так как огромная часть их в свою очередь принадлежала к этнической группе тех племен и народов, о которых мы упоминали, составляла главную часть их объединения и вошла в состав предков узбекского народа.

ГЛАВА II

ДАЛЬНЕЙШИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД
(II в. до нашей эры — VII в. нашей эры)

Раздел 1. ЭТНОГЕНЕЗ ПЛЕМЕН ЮЕЧЖИ-КУШАНОВ И ДРУГИХ НАРОДОВ, ВХОДИВШИХ В ЭТНИЧЕСКО-ЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА; ВТОРОЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА
(II в. до нашей эры — VI в. нашей эры)

Начиная со II в. до н. э., в этногенезе древних предков узбекского и других народов Средней Азии, начинается новый период — период пополнения прежнего этническо-языкового состава, сложившегося первоначального элемента предков узбекского народа. Начинается второй этап в этническо-языковом процессе, формировании и развитии племен и народов в народность, связанными с новым притоком многочисленных тюркоязычных племен, в том числе юечжи, продолжавшемся вплоть до IV в. н. э.

Этническо-языковой процесс был связан с ассимиляцией этих кровнородственных племен с прежним коренным населением, с развитием социально-общественной, экономической и культурно-политической жизни народов Средней Азии. Уже ко II в. до н. э. в общественной жизни предков узбекского народа произошли большие социально-общественные и экономическо-культурные изменения, которые обусловили сложение и развитие рабовладельческого и позже феодального общества, прочное существование оседло-земледельческой общины. В этот период происходит расширение и усиление общины, связанное с переходом кочевых племен древнего Узбекистана к оседлой сельско-городской жизни.

Большая часть юечжийско-эфталитских племен, которые впоследствии расселились по оазисам древнего Узбекистана, независимо от того, имели ли они кровнородственные энтические связи с сако-массагетами, или своей основной частью принадлежали к тюркоязычному

и ираноязычному народам, или имели кровнородственные этнические связи среднеазиатско-сако-массагетскими народами, перешли от кочевого образа жизни к оседлому, дополняя и расширяя состав прежней общины. Известная часть их создала новые самостоятельные общины. На территории древнего Узбекистана после временной ликвидации иранского и греческого господства, происходит усиление тюркоязычных народов, причем и этот процесс также, в известной степени, связан с притоком сюда тюркоязычных народов — юечжи, эфталитов и других. Именно этим объясняется то, что, начиная с указанного времени, мы находим исторические факты в древних источниках, многочисленные высказывания дореволюционных западноевропейских, русских и советских исследователей, имена, географические названия и термины, которые свидетельствуют о принадлежности подавляющего большинства древнего населения Узбекистана, в том числе юечжи, эфталитов и других к тюрко-язычному народу.

Однако по вопросу о принадлежности юечжи, эфталитов и, связанных с ними, других племен и народов среди ученых имелись различные толкования и велась острая идеологическая научная борьба. Одни из ученых утверждали, что юечжи, эфталиты и другие племена принадлежали к тюркоязычной этнической группе племен или народов, другие утверждали, что они принадлежали к ираноязычному народу. Оба противоположных взгляда дореволюционных исследователей по данному вопросу продолжают оставаться и среди части советских ученых.

Представителями востоковедов, которые относят основную массу юечжи, эфталитов и других к тюркоязычному народу и связывают их в кровнородственном этническом отношении с сако-массагетскими народами, являются известные советские ученые А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и др. Однако они ограничивались исследованием отдельных сторон этого вопроса и проблемы сако-массагетских и хорезмийско-согдианских народов. Этногенез указанных народов освещался лишь попутно, рассматривались происхождение, место географического расселения, обычаи, быт и язык изолированно друг от друга. При освещении истории сако-массагетских, кангуйских и хорезмийско-согдиан-

ских народов, очень мало уделялось внимания вопросу кровнородственной этнической связи между племенами древнего Узбекистана. Ученые, ограничиваясь лишь только упоминанием сведений отдельных источников, не задавались целью раскрыть специфические особенности этнического состава этих народов. Мало уделялось внимания смешению, ассимиляции, складыванию и слиянию отдельных этнических групп и постепенному сложению их в узбекскую народность.

Поэтому до сих пор мы не имеем обобщающего труда об этногенезе и образовании узбекского народа, начиная с древних времен и до полного завершения его формирования.

Как мы уже говорили, что проблема этногенеза древнейших и древних народов Узбекистана, в частности проблема этногенеза юечжи, эфталитов и других народов того времени, до сего времени относится к числу почти неразрешенных вопросов в исторической науке, особенно неясна роль юечжи, эфталитов и других в этногенезе и формировании узбекского народа. Исследования, произведенные в этом направлении, во многом противоречивы. Но, несмотря на это, труды западноевропейских, русских и советских востоковедов оказали большую помощь автору настоящей работы.

Проблема юечжи и эфталитов в исследовании этногенеза и формирования узбекского народа занимает очень важное место, так как большинство юечжийско-эфталитских народов, входивших в состав будущей узбекской народности, по своим этническо-языковым признакам и этническо-языковому составу имели тесные кровнородственные связи с древнейшими жителями Узбекистана, в том числе со среднеазиатскими сако-массагетскими и кангуйскими народами, составлявшими первые элементы узбекской народности. Юечжийцы, эфталиты и другие народы, поселившиеся на территории Узбекистана, остались жить здесь независимо от того, что они являлись родственными среднеазиатским сако-массагетам. Часть их по различным обстоятельствам жила в Семиречье и других отдаленных районах нынешних Казахстана и Киргизстана и, возвратившись на землю древнего Узбекистана, явились новым пополнением прежних этническо-языковых объединений, уже складывавшегося к тому времени первоначального элемента

местного тюркоязычного народа. Юечжи-юеши по китайскому произношению это то же, что и куши, или кушаны. Юечжийцы назывались также тохарами. Термин «куши», или «кушаны» имел более политический оттенок, чем «тохары». Как уже установлено исследователями, термин «кушан» является названием господствующего рода племени юечжи-тохаров[1]. Этим именем в начале VII в. назывались области как на юге Узбекистана, так и в северном Афганистане. Тохары, или «toxri» — собирательное название племен Средней Азии, которых античные авторы называли тохарами, а китайские — юечжими. Они были вытеснены хуннами или гунами и смешаны с усунами Семиречья и с населением, жившим вблизи Ташкентского оазиса.

Ю. Клапрот[2] доказывает, что даюечжи тождественны массагетам, античных авторов. Это мнение Ю. Клапрота подтверждается А. Ю. Якубовским, С. П. Толстовым[3] и другими. Попав под власть усуней на Тянь-Шане и в Семиречье еще во II в. до н. э. и будучи вытеснены из своих восточных пределов гуннами, тохары приняли власть племен усуней, которых они называли, согласно своему произношению, кушанами. Сохранение ими этническо-языковых и культурных связей со старыми своими территориями древнего Узбекистана и Казахстана, их теснейшие кровнородственные связи с коренным тюркоязычным населением этой территории и возобновление старых связей под эгидой Кушанской династии объясняют единство языка, культуры, обычаев. Не случайно, что кушанские правители носили титул «ябгу», который был присущ титулам правителей тюркоязычных племен и народов. Титул «ябгу» (о чем еще скажем ниже) известен усунам еще в I в н. э., он фигурирует в документах IV—V вв. н. э. и у среднеазиатских карлюков, кангли, встречается в VII в. Титул сохранился у тюркоязычных народов вплоть до XIX в. В «Шахнаме» Фердоуси его именует как «кашон», или «кашони» и указывает на определенную географическую территорию его, кушанскую землю и кушанцев: «Предводитель тюрков пребывал в Пайкенте, вокруг него было много родичей и соплеменников. Все славные Чин-Мочина сидели у границ кушанской земли».

Как видно, Пайкент являлся границей, пределом Кушанской земли. Фердоуси, отличая кушанцев от согдий-

цев, пишет, что: «собирались кушанцы и согдийцы». В другом месте: «Кай хосров пробыл в Согде месяц, а затем собрал войско в Согде и Кушанской земле». Кушанцами именуются и многие из богатырей Афросияба. В этом смысле интересен эпизод о могучем туранском рыцаре Камусе — кушанце, Ашкабуса и Сове, гибнувших от руки Рустама. При известии о смерти Камуса,— говорится в «Шахнаме»,— печаль охватила «кушанцев».

А. Н. Бернштам, разбирая работу Мэнчена Хэлфэна (The juch chih problem ke-exanined, апрель-июнь 1945) пишет, что статья его является кратким обзором состояния юечжийской проблемы[4].

Ссылаясь на Мэнчена Хэлфэна, А. Н. Бернштам вместе с ним выступает против бактрийского происхождения кушан и утверждает, что саки и кушаны-сходны (они носили одинаковые одежды и пользовались схожим вооружением)[5].

М. Хэлфэн посвятил раздел своей работы кушанам. Автор приводит здесь известные ему формы «куша» в китайских транскрипциях, в переводных буддийских сочинениях, в сирийской книге об Александре Македонском и приходит к выводу, что основные формы «куша» и «кушан» часто выступают иногда как прилагательное, а иногда как винительный падеж[6]. Мэнчен Хэлфэн отмечает, что кушаны дали свое имя многим городам страны, в том числе в Согдиане — Киш и Кеш (современный Шахрисабз), Кош, или Кос (современный Касон), Гушай, или Куйшай[7]. Далее автор приходит к выводу, что: kufsu kushih, и kac-chaus ((kchau) были известны китайцам уже в период древнейших хонь. Он пишет, что tochar древних — это были юечжи китайцев. Из этого следует, что kucha населяли страну юечжи.

По свидетельству С. П. Толстова, массагеты — это юечжи, а последние были этническим субстратом кушанского государства. Так или иначе потомки массагетов были включены в состав Кушанской державы в период ее расцвета. Не исключена возможность переноса кушанами на массагетов этнических имен.

А. Н. Бернштам подчеркивает, что термин юечжи является этническим, а кушан — политическим термином[8]. С. П. Толстов, отождествляя массагетов с юечжийцами, говорит, что по китайским источникам народы, уничтожившие греко-бактрийское царство, выступают

под именем «больших юечжи». Это имя в ханское время звучавшее как «гоетгси» или «гоатси», уже давно и основательно отождествлено Абель Ремюзом, Ю. Клапротом и В. В. Григорьевым с именем массагетов —«великих гетов» греческих авторов.

Различные гипотезы последующих авторов не смогли поколебать эту бесспорную идентификацию. В греколатинских источниках народы, завоевавшие Бактрию, фигурируют не под общим названием, а под отдельными племенными наименованиями асиев, пасиаков (апасиаков), то есть в составе «больших юечжи» китайских авторов выступают уже знакомые нам основные племена сако-массагетской конфедерации[9].

Анализ текстов Птоломея (IV, 12, IV, 14), Плиния (III, 42), Полибия (X, 48), в которых дается перечень народов сако-яксарского Междуречья, приводит к выводу, что бассейн Куван-Дарьи составлял область расселения тохаров, локализующих Птоломеем «в северном отрезке Яксарта» рядом с пасиаками (апасиаками) Аральского моря и ятиями-асиями, исионами, или иссидонами, усунами правобережья Сыр-Дарьи и более восточных районов древнего Узбекистана, именно в Ташкентском оазисе и Ферганской долине.

Таким образом, приведенные этнонимы племен и народов Средней Азии, в частности древнего Узбекистана, сводятся к следующим этническим группам: по китайским источникам — даюечжи, сэ и усуни, по античным источникам — сако-массагеты, иссидоны и асии, по древнеиранским источникам этого времени — тохары или кушаны. Как отмечает Л. Д. Баженов: «скифские племена юечжи и усуни у античных авторов получили название тохар»[10].

По А. Н. Бернштаму иссидоны — это название восточной ветви массагетов, ибо античные авторы вместо иссидон употребляют термин ассии[11], а китайские источники — сэ, то есть сако-массагеты. Когда тохары пришли в глубь древней территории Узбекистана и других районов Средней Азии, то сведения античных авторов стали более правильными, и они дали более близкие к истине наименования племен и народов, в том числе тохар, иссидон, асиев и других.

Часть тохаров стала южной этническо-языковой группой среднеазиатских народов, но большая часть

юечжи-тохаров-кушан смешались со своими родичами, ассимилировались с прежним коренным населением древнего Узбекистана и прочно вошли в его этнический состав, как новый этническо-языковой элемент тюркоязычных народов.

С. П. Толстов отмечает, что «в этих тохарах надо видеть основное ядро оккупировавшей Бактрию отрасли массагетов юечжи»[12]. В. В. Григорьев приводит мнение европейских ученых Лассены, Клапрота и других о тождественности гот, или гет и приходит к выводу, что «юети самая точная по свойству писем и языка китайцев транскрипция имени готов. К тому же тех юети, которые выселились на запад, китайские историки не называют иначе, как да-юети, «великие юети», то есть «великие геты... Китайское да-юети является переводным именем массагетов. Именно, что в деле разрушения греко-бактрийского царства массагетами, наряду с саками им принадлежала весьма видная роль»[13].

Очень характерным является вывод В. В. Григорьева. Он, подводя итоги использованных им источников, признавая кровнородственные связи сако-массагетских народов с юечжийцами, пишет, что «родственные юечжи по китайским источникам тождественны с массагетами, которые, как видели мы, отождествляются с саками или по крайней мере относятся к последним, как к роду».

Это же мнение высказывается и В. Н. Ачуниным, который говорит, что «в области озера Куку-нара, верховьях Желтой реки обитали юечжи, с родичами и остатки, давно ушедших на запад саков, на которых обрушились гунны»[14].

Западноевропейские, русские дореволюционные и советские ученые не только не признают, но и прямо утверждают кровнородственные отношения сако-массагетов с юечжи и юечжийско-эфталитскими народами, считая большую часть их принадлежавшими тюркоязычному народу. Более ранние сведения о народах юечжи дают нам китайские источники, начиная с известного китайского посольства к юечжийцам во главе с Чжан-Цяном. Согласно историческим запискам Сыма-Цяна, Яньюна и «Истории старших ханей» Баньгу, юечжи кочевали в III в. до н. э. на пространстве от Дунь-хуна до Тянь-Шаня. Вследствие притеснений хуннов, они отсюда ушли на запад, но путь их откочевания неизвестен, а Яньюн говорит, что «перешли они из Даваня на запад»[15].

Западноевропейские ученые Дегуне, Малья, Клапрот, Карл Риттер[16], Вивьен Сен Мартен, Лассен и другие, говоря об этом, утверждают, что в начале II в. до н. э. жил в нынешнем Тангете народ под именем юечжи, в составе других народов, под именем усун. Затем около 162 в. до н. э. хунны, жившие к северу от юечжийцев, напали на последних, вследствие чего юечжийцы откочевали оттуда в период времени от 160 до 128 гг. до н. э. Усуны, также вытесненные хуннами, вынуждены были оставить свои кочевья, двинулись по следам юечжийцев и впоследствии заняли кочевья сейцев-саков.

В III в. до н. э. над кочевыми племенами Монголии господствовал племенной союз «больших юечжи», кочевья которых были распространены между Дуньхуаном и горным хребтом Цилянь-Шань в провинции Ганьсу. Подъем государства Хунну в Монголии, центр которого был локализован к востоку, на север и запад от Хуанхе, связанный с именем основателя этого государства Модэ (206—174 г. до н. э.), обусловил падение могущества юечжийского народа. Модэ, реорганизуя и перевооружая хуннское войско, между 206—204 годом до н. э. наносит юечжи первый удар с востока. В 176 г. Модэ совершил второй поход[17] на запад против юечжи и в бассейн Тарима и Семиречья против подданных юечжи—усуней[18].

Модэ и его преемник были в союзе с Евтидемом (бактрийским царем). «Хунны во главе с Ляошаном вновь выступают против юечжи. Царь последних был убит в бою. Остаток восточных массагетов отбрасывается на запад, за Тянь-Шань»[19].

Отступившие за Тянь-Шань юечжийцы прибыли к своим родственникам сако-массагетам и поселились в районе Ташкентского оазиса, в среднем течении Сыр-Дарьи, Согдиане и цветущих оазисах Кангхи-Хорезма. Здесь юечжи смешались с местным, коренным, родственным себе населением.

По свидетельству Л. Д. Баженова, «скифские племена юечжи и усуни были к концу II в. до н. э. отброшены передвижением гуннов в пределы Согдианы и Бактрианы. Юечжи совместно с саками занимают Согдиану, смешиваясь с местным населением, а в начале I в. до н. э.

захватывают и остальные области греко-бактрии вплоть до среднего течения реки Инда»[20].

Следовательно, из сообщений китайских источников видно, что часть юечжи, жившая в пределах между Духуаном и Циляньван, очевидно, попала туда еще во времена господства сако-массагетских народов. Разбитые хуннами юечжийцы, удаляясь на запад, заняли владения усунов, которые раньше принадлежали народу сэ-сакам. На западе юечжи, разбив и выгнав саков, сами заняли их местожительство в Семиречье и затем, отступив отсюда на запад, прошли через Ташкентский оазис, Давань в Согдиану и Хорезм. Подавляющее большинство юечжийцев, прочно осев в районах Ташкентского оазиса, Согдианы и Хорезма, установили прежние родственные связи с равным себе населением указанных оазисов, а некоторая часть их после покорения Бактрии, Дахии перешли туда и остались жить там.

Как свидетельствует известный востоковед Ахмед Али Кох-заде, после завоевания Ташкентского оазиса, Согдианы и Бактрии юечжи в течение многих веков жили на берегах Сыр-Дарьи, Зеравшана и Аму-Дарьи пятью отдельными племенами, из которых каждое имело своего владетеля и владение. При Кодфизе[21] все племена объединились в одно государство, а затем были покорены другими племенами. Юечжи-кушаны в течение 200 лет были господствующими племенами. Кушаны, или в более широком смысле — юечжи некоторое время жили в Центральной Азии, затем возвратились обратно на свою родную землю[22].

Как мы узнаем из «Истории младших ханей», через сто с небольшим лет Согдиана, Бактриана соединились «под рукою одного князя Гуйшуанского удела по имени Киоцзюкю, который, таким образом, сделавшись сильным человеком, начал воевать с Аньси (парфянами), покорил Гауфу (Кабул), уничтожил афганцев и Гибины, овладел землями их»[23]. Так как вторжение юечжийцев из-за Сыр-Дарьи относится приблизительно к 130 г. до н. э., то усиление Киоцзюкю Гуйшуанского за счет удельных князей юечжийцев должно было последовать около 30 г. до н. э. Его титул был назван «ябгу», и завоевание им стран к югу от Гиндукуша происходило в продолжении двух последних десятилетий до н. э., ибо «История младших ханей» дает Киоцзюкю долгую

жизнь—«более 80 лет». После Киоцзюкю правил страной его сын Яньчаочжень, который к владениям отца присоединил еще и Индию[24].

По свидетельству китайских источников (Чжан-Цянь), границы юечжийцев были расположены так: «Большой юечжи лежит от Давана на запад, от реки Гуй-Шуй на севере. От него на юг лежит Дахи, на (его) западе Аньси, на севере Кангуй... (они) перешли от Давана на запад... ударили на Дахе и покорили ее владения. Утвердился на северной стороне реки Гуй-Шуй, и оставшуюся незначительную часть в южных горах юечжийцев назвали малым юечжи... от Шандун на север лежат владения большой юечжи»[25].

Далее он рассказывает, что столица большого юечжийского государства находится в городе Гяньши. Владетель не зависит от наместника. Население состоит из 100 тыс. Юечжийцы столицу своего государства основали на северном берегу Гуй-Шуй. Они разделились на пять княжеских домов, которые на китайском языке назывались Хихэу[26]: Хюми — столицей княжеского дома и владения был гор. Хомо; Шуань-Ми — столица находилась в гор. Шауньми; Гуйшуан — столица в гор. Хаузо; Хэйтун или Боисэ — столица в гор. Бомо; Думи — в другой версии Гаофу и Гафу.

Все указанные ветви юечжи находились в зависимости от «большого юечжи», и они, как ответвление данного народа, расположившись и прочно осев в основном на древней территории Узбекистана, начали осуществлять свои завоевательные планы, покорив владения Греко-Бактерийского и Парфянского царства, затем и Индию. Востоковеды, отождествляя массагетов с юечжи, считают, что народы, уничтожившие Греко-Бактрийское царство, выступают под именем «больших юечжи». В античных источниках народы, завоевавшие Греко-Бактрийское царство, фигурируют не под общим названием, а под отдельными племенными именами: асиев, пасиаков (апасиаков), тохаров и сакаравлов, или сакараваков, то есть тех племен и народов, которые по китайским источникам выступают в составе «больших юечжи», уже знакомых нам основных племен сако-массагетской конфедерации.

Птоломей, Плиний, Полибий и другие, перечисляя народы Амударьинско-Сырдарьинского Междуречья,

указывают, что бассейн Куван-Дарьи составлял область расселения тохаров, локализуемых Птоломеем «в северном отрезке Яксарта», рядом с племенами пасианов апасиаков Аральского моря, с одной стороны и ятиями-асиями, исианами или иссидонами, усунами правобережья Сыр-Дарьи и более восточных районов древнего Узбекистана — с другой.

Если это так, то ясно, что перечисленные племена и народы входили в этническо-языковой состав прежнего населения страны, как новые этнические пополнения и тем самым расширили, упрочили и постепенно усовершенствовали первоначальный этническо-языковый состав будущей узбекской народности. В этом отношении очень характерно встречаемое в источниках деление массагетской конфедерации на пять племен, кангуйской конфедерации также на пять подразделений, конфедерации больших юечжи — на пять ябгу[27]. Это также свидетельствует о тождестве или кровнородственном отношении юечжи к массагетско-кангуйским народам древнего Узбекистана.

С. П. Толстов, относя тохаров к составу массагетских народов, отмечает проникновение массагетской культуры в глубь на восток еще в III в. до н. э. Правый фланг юечжийского движения составляли сакараваки и апасиаки, продвинувшиеся (по Арриану) в Бактрию и Сеистан, где они столкнулись со своими недавними союзниками — парфянами. Часть притяньшаньских племен саков составила левый фланг, пройдя через Памир, вторглась в долину Кабула.

Первоначально столица юечжи находилась в долине Зеравшана, недалеко от Катта-Кургана. По-видимому, это было еще до прихода Чжан-Цяна к юечжи (126 г. до н. э.) и после завоевания ими Бактрии. В период образования мощного юечжийского государства кушанов, столица была перенесена и находилась на юге страны. История «старших хан» кушанов, живших на Зеравшане и в Согдиане, относит к «малым кушанским владениям». Они получили имя «кушан» от одного юечжийского рода гуйшуан. От слова гуйшуан произошло наименование кушан и династии правителей Кушанской империи I—III вв. н. э.,— период наибольшего политического могущества государства кушанов-саков-массагетов, расцвета социально-экономической и культурной жизни народов

Средней Азии и роста социально-классовой борьбы угнетенных народов страны.

В различных районах Средней Азии вплоть до Ташкента на севере, в Афганистане на юге и северной Индии найдено немало монет, вошедших в нумизматическую литературу под именем «монет Герея» или «монет Миная»[28]. Монеты Герея, датируемые I в. н. э. почти одновременные с монетой из Тупрак-кала, являются самыми ранними из монет, на которых мы встречаем имя кушанов. Герей чеканил монеты как вассал кангуйского царя, центром владения которого был город Кушания на Зеравшане. Начало чеканки монет в Хорезме относится к тому же раннему сако-кушанскому периоду, может быть, к I в. до н. э. Прототипом этих монет являются монеты раннекушанских ябгу Хорезма, правящая династия которого оставила нам монеты с тамгою[29]. Этим объясняется близость монеты одного из кушанских ябгу — Герея с монетами синхраничных царей саков[30].

В начале I в. н. э. происходит новый процесс политической и этническо-языковой консолидации народов древнего Узбекистана. Во главе их стоял кушанский предводитель (ябгу) Вим Кадфи, или Кадфиз, который объединил Согдиану и, покорив часть владений Греко-Бактрийского царства, подчинил Кашмир, бассейн Кабул-Дарьи, расширил границы Кушанского царства от Согдианы до верхнего Инда, от Памира до границ Парфии.

Население древнего Узбекистана в подавляющей массе принадлежало к тюркоязычному народу, почти все древние источники резко отличают его как от иранского и ираноязычных народов, так и от других, в том числе от китайско-тибетских и восточнотюркских. Тюркоязычные народы древнего Узбекистана, как и другие народы, имели свои специфические этническо-языковые, культурно-бытовые, экономические особенности, отличающие их от других народов, но при своем складывании прошли процесс смешения с населением соседних районов Средней Азии.

Древнейшие сведения и первые упоминания термина «тюрк» в Средней Азии находим у Клавдия Птоломея[31]. Птоломей и Дионисий Ливиец, жившие в I в. н. э., называют тюрков уйгурами, указывая, что они жили и живут позади прикаспийских скифов, прилегавших к

Аральскому морю, то есть как раз в тех частях Турана, где, по показаниям китайцев, жили сако-массагетские народы. Большинство исследователей приходит к выводу о том, что юечжи-кушаны и связанные с ними племена принадлежали к тюркоязычному народу и считают их кровнородственными с сако-массагетскими и другими народами в этническо-языковом отношении, подтверждая свой вывод рядом примеров. Одним из противников теории арийского (иранского) происхождения юечжийцев и связанных с ними народов и племен был западноевропейский ученый Вивьен Сен Мартен. В своем исследовании об эфталитах он резко отличает юечжийцев от арийцев и, приводя многочисленные факты, относит их к тюркскому, тюркоязычному народу. Другой европейский ученый Джон-Бимз, доказывая, что юечжи были тюркского происхождения, описывает их характерные черты: толстые губы, высокий и средний рост, широкие плечи, большая и круглая голова, тело крепкого сложения, черные глаза, черные волосы и брови[32]. О принадлежности юечжийцев к тюркоязычному народу свидетельствует сообщаемый китайскими и другими источниками, термин «ябгу» — титул пяти предводителей юечжийцев. Этот термин по звучанию говорит о его тюркском происхождении. Термин «ябгу» засвидетельствован, кроме греческих и латинских и армянским источником. Он сообщает, что Джебу Хакан вел войну со своим сыном Шатом, который в разговоре с католикосом сказал: «Я поклянусь тебе жизнью отца моего Джебу Хакана»[33]. В этих собственных именах встречаются два известных тюркских титула —«ябгу» и «шат».

Наличие термина «ябгу» у юечжийцев также свидетельство того, что юечжийцы принадлежали к самым древним ветвям тюркоязычных народов. Форма «джебу» указывает на детальный аффрикат в слове «ябгу», в армянском источнике дана диалектическая разновидность термина «ябгу». Это слово встречается неоднократно в «истории Авгана», греческо-латинском, персидском, китайском, арабском языках в той же характерной форме или в известных отклонениях. Отклонение мы видим в различной передаче начального аффриката. Например, «ябгу», «явгу», «джабгу», «джебу» и т. д. Термин «ябгу» нередко встречается в источниках на тюркском, персидском и арабском языках. В источниках на

арабском языке и в самих арабских источниках дается форма «ябгу» не только для тохаристанских тюрков, но и для других тюркоязычных народов, в том числе карлюкских и других правителей и ханов, правивших на территории Узбекистана, Каракалпакии, Казахстана. На древней и средневековой территории Узбекистана и прилегавших к ним районов Средней Азии существовали «джикающие» наречия, что можно встретить в рассказе средневекового автора Гардизи «Зайнул ахбар» о карлюках, где фигурирует опять термин «ябгу».

В. В. Бартольд отмечает, что титул карлюкских ханов у арабских географов Джабгус и у Гардизи также «дажбгус». В его рассказе титул «ябгу»— производное от глагола «япмак», или «ёпмак», что в переводе на русский язык означает «покрывать», который употребляло тюркоязычное население древнего Узбекистана до недавнего времени. Этот термин может быть употреблен также в смысле управления, возглавления, быть покровителем племени или народа.

Древнейшие языки тюркоязычных народов Узбекистана, в том числе сако-массагетов и связанных с ними племен, их диалекты получили дальнейшее развитие в эпоху юечжи путем пополнения прежнего языкового состава новыми наречиями, диалектами юечжийско-кушанских племен и народов. Процесс ассимиляции старого этнического состава сако-массагетских, кангуйских и других народов и племен с новыми родственными им народами юечжи-кушанов происходил одновременно с изменением и развитием прежнего языкового состава путем смешения языкового процесса этих народов и расширения прежнего словарного фонда, наречий, диалектов.

В результате изменения языкового процесса происходит процесс развития языка и языкового состава тюркоязычных народов, который проявился с особой силой во время расцвета независимого государства кушанов в I—III вв. н. э. Это впоследствии послужило одной из главных предпосылок к образованию и формированию узбекского языка.

Указанная стадия развития характеризуется в основном упрощением древнего языка, как языка тюркской системы, диалекта, наречия, морфологии, глагольных образований и т. д. Постепенное усиление аналогичных

тенденций является главным направлением развития языка тюркоязычного населения древнего Узбекистана. Она с особой силой обнаруживается в произведениях Ахмада Югнаки, Замахшари, Ахмада Яссави и многих других, как следствие упрочения языка формировавшейся узбекской народности. В нем типологически сходны способы выражения в звуках, оттенках, корнях и иллюстрируют тесную связь единого процесса, на основе которого формировался в средние века единый язык узбекской народности.

Историко-генетическое сравнение древнейших, древних и средневековых языков иногда дает возможность проникнуть в их структуру. Сравнение хорезмийско-кангуйского, согдианского, сако-массагетского и юечжийско-эфталитского языков в этом отношении особо ценно и имеет большое значение для исследования развития языка древнего населения Узбекистана. Несмотря на ограниченность сведений источников, некоторые указанные основания дают нам право установить связи древних языков тюркоязычных народов. Многовековое соседство, кровнородственные отношения населения древнего Узбекистана, в том числе таких племен и народов, как саки, массагеты, даи, кангуйцы, согдианцы, хорезмийцы, юечжи-кушаны и эфталиты, их постоянные торгово-экономические, социально-политические и культурные связи между собой, не могли не сказаться на корне языков населения, который впоследствии обусловил создание нынешнего узбекского языка.

Китайские источники, желая подчеркнуть единый корень языка тюркоязычных народов, отмечают, что «от Даваны (Ферганы) на запад до государства Аньси, хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга».

К тюркоязычному наречию местного населения страны в период расцвета Кушанского государства относятся многочисленные тюркские слова, которые появились благодаря расцвету государства Кушанов, в создании которого активно участвовало коренное население сако-массагетских, юечжи-кушанских и других народов древней территории Узбекистана. Именно этим объясняется то, что в источниках стало больше встречаться терминов на языке тех народов, которые явились создателями языка. Так, например, в источниках встречаем следующие

тюркские слова: *чигли* — название племени, *беда* — люцерна, *ябгу,* или *джабгу* — покрывало (в данном случае титул массагетско-юечжийских предводителей), *ёвуз* — враг, *сог* — здоровый, *даск,* или *даш-дашт* — степь, *нун* (согдийский), *нон*—хлеб, *тухум*—семя, *евда-совда*—торговля, *абаз-овоз* — голос, *коса-каса* — чашка, *говгав* — ограда, *каш-кош* — брови, *суг-сув* — вода, *тездтез* — быстрый, *горав-гарав* — заложник, *одам-одам* — человек и многие другие.

Приведенные примеры являются архаическими формами языка тюркоязычного населения страны. Следы древнего языка даже и теперь встречают в таких узбекских словах, как *мома, тангри, жижи, жажжи, супра, таппак, гулдур, гулдурос, калидир, калдирос, богат, гувала* и многие другие. Со времени расцвета кушанов язык тюркских народов постепенно стал вытеснять ирано-персидский язык, получил дальнейшее эволюционное развитие при эфталитах, открыв себе дорогу на историческую арену в VI—VII вв., однако развитие его было временно замедлено арабскими колонизаторами.

И, наконец, кратко об алфавите древних тюркоязычных народов Узбекистана в эпоху Кушанского царства.

По свидетельству востоковеда М. М. Явича в легенде Наршахи, автора «Тарахи наршахи» или «Тарахи Бухара», «кап» тождественен с «кан» на монетах бухархудатов, относящихся к V в. н. э. Эти термины рассматриваются нами как варианты династического имени правителей Бухарского оазиса.

«Кап» по Наршахи, и «каш», или «кашон» по Фердоуси звучат как древние слова, относящиеся к периоду кушанов и являются разновидностью употребления того же термина юечжи-кушанами.

М. М. Явич справедливо объединяет по характеру алфавит бухархудатов и туранские монеты в одну кушанскую группу. Согласно его утверждениям, данная группа состоит из собственных алфавитов, которые он называет «согдийским» — монеты бухархудатов, «хорезмийским»— туранские моменты и высказывает мнение, что монеты «туранского типа» чеканились кушанскими царями. Находка монет с легендами, написанными этим алфавитом в районах Бухарского оазиса дает нам право предположить, что именно там и был преимуще-

ственно распространен этот алфавит. Алфавит этот во всяком случае уже существовал в II—III вв. н. э., то есть к тому времени, к которому относятся наиболее ранние туранские монеты.

Китайские источники свидетельствуют, что население Аньси (Парфии) пишет на пергаменте, «поперечные строки составляют письмо». Эти же китайские источники, повествуя о населении владения Гао-Чана в Восточном Туркестане, отмечают: «письма их одинаковы с китайскими, но вместе с тем употребляют и тюркское письмо, которое писалось на пергаменте поперечными строками». Следовательно, письмо на пергаменте и поперечное написание характерно не только для населения Бактрии, Парфии и других, но и для тюркоязычных народов Восточного Туркестана и Средней Азии.

С. П. Толстов, говоря о надписях хорезмийского происхождения, указывает на медные монеты тамга, окруженные несколькими знаками хорезмийской надписи, которые приобретают здесь ряд местных особенностей. Дешифровка титулов дала пять знаков древнехорезмийского алфавита, например таких, как буквы «М», «Р», «К» и «Н». Хорезмийский шрифт с IV в. до н. э. вплоть до VII в. н. э., сохранил свою крайнюю архаическую форму или облик. С. П. Толстов сближает хорезмийские письменные знаки со знаками согдийского алфавита.

Таковы сведения историко-лингвистических источников об алфавите древних тюркоязычных народов Узбекистана в эпоху Кушанского царства и состояние самого алфавита. Если первый этап истории этногенеза и формирования предков узбекского народа связан со складыванием и созданием прочного первоначального элемента из коренных жителей древнего Узбекистана в результате ассимиляции тюркоязычных и ирано-язычных родов и племен Средней Азии, то второй этап истории этногенеза и формирования предков узбекского народа относится к существованию могущественного Кушанского государства и связан с пополнением и расширением этническо-языкового состава бывшего первоначального элемента в результате сильного смешения родственных или тюркоязычных народов — юечжи, упоминаемых источниками в качестве новых родов и племен. Второй период характеризуется усилением, углублением и упрочением этническо-языкового состава тюркоязычных предков узбекского народа на территории Узбекистана и прилегающих к нему областей Средней Азии.

Раздел 2. ЭТНОГЕНЕЗ ЭФТАЛИТСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ, ВХОДИВШИХ В ЭТНИЧЕСКО-ЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА. ТРЕТИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА (IV—VI вв.)

Третий этап формирования предков узбекского народа относится к периоду существования на древней территории Узбекистана государства эфталитов и притока сюда с востока в V—VI вв. различных тюркоязычных родов и племен, упоминаемых историческо-географическими и другими источниками под именем тюрков, а их государства под названием «Тюркский каганат». В этот период происходит дальнейшее развитие этническо-языкового состава тюркоязычных народов на территории Узбекистана и укрепление их экономическо-политического положения, что создало благоприятные исторические условия их дальнейшего объединения, ассимиляции с народами соседних областей Востока. Все эти исторические предпосылки в последующих веках обусловили первоначальный этап образования узбекской народности, относящийся к IX—X вв. Ранние сведения об эфталитах и других племенах мы находим в источниках на китайском, латинском (римско-византийском), армянском, персидско-арабском языках, а также из археологических, нумизматических и других данных. Проблема эфталитов в решении вопроса этногенеза и образования узбекского народа занимает одно из центральных мест.

Эфталиты по своим этническо-языковым признакам и этническо-языковому составу имели кровнородственные связи с древнейшими жителями Узбекистана, в том числе с сако-массагетами и кангуйско-юечжийскими народами, составлявшими один из основных элементов узбекской народности, являясь древними предками узбекского народа.

По С. П. Толстову, первоначальным очагом эфталитского объединения были северо-восточные районы Хо-

резма. Само название эфталитов, по-видимому, представляет собой искажение тюркизированной формы имени массагетов[1]. Это положение подтверждается данными археологических раскопок, произведенными советскими учеными, в том числе С. П. Толстовым. В 1946 г. было открыто несколько своеобразных городищ, расположенных на болотистом плоском треугольном полуострове, лежавшем к югу от Казалинска и ограниченном с севера Сыр-Дарьей, с запада — Аральским морем и с юго-востока — болотистыми камышовыми плавнями, в которые впадает остроречье Куван-Дарьи. Раскопки показали, что обитатели восточного Приаралья и Сыр-Дарьи по происхождению были тесно связаны с массагетскими этническо-языковыми группами, смешанными в IV—V вв. н. э. и позднее с восточными племенами тюркско-монгольского происхождения. Говоря об этническо-родственной связи массагетско-юечжийского народа с эфталитами, И. И. Умняков отмечает, что «в Бахман-Яште Авесты, наряду с тюрками упомянуты — эфталиты (heftar), и по китайским источникам V—VI вв. йе-та, или й-ета-лито (эфталиты) были родственны юечжи и вышли из среды оставшихся на востоке юечжи»[2]. И далее, что юечжи вместе с тохарами можно причислять к скифам, перевоплотившимся в иранцев, и только в таком случае можно говорить об иранизме эфталитов[3].

По китайским источникам около середины IV в. страна Янцай, локализуемая большинством исследователей в восточном Приаралье, была завоевана гуннами[4], правитель которых в 440 г. посылал посольство в Китай. Многие ученые, в том числе С. П. Толстов, утверждают, что «хуни» китайской хроники не что иное, как «кунгха» — царь среднеазиатских гуннов-кидаритов, который по византийским данным в 458 г. вел упорную войну с сасанидами и был разбит иранским шахом Перозом. Под именем кидаритов и хионитов впервые выступают на историческую арену эфталиты, причем первое из этих имен тесно связано с названием «Кидор» или «Мидер», которым еще в X в. и даже в XIII в. именуется восточное Приаралье и Сыр-Дарья. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что «болотные городища» Приаралья и Сыр-Дарьи являются памятниками именно эфталитской культуры. Китайские и другие источники считают, что эфталиты происходят от юечжи и тем самым

подтверждают кровнородственные и языковые связи эфталитов с юечжийцами. Как пишет Иакинф Бичурин, «владетельный дом Еда происходит от одного рода с большим юечжи. Другие сказывают, что Еда есть отрасль гаогюйского (тюркского) племени... Народ сильный, способный к сражениям. От едавского владетеля в западном крае зависят Кангюй, Хотан, Шалэ, Аньси и другие мелкие владения. Еда считается сильным государством[5]. В другом месте этот китайский источник также считал эфталитов родственными юечжийцам, отмечает, что «дом (идан) есть отрасль большого юечжи, известного еще при династии хан»[6].

По китайскому источнику «Дахя есть Тухоло, прозвание владетеля его было Еда. Потомки это прозвание превратили в название государства, а Еда превратился в идан, или идянь»[7]. Таким образом, ясно, что эфталиты, несомненно, по происхождению были одним из ответвлений массагетско-юечжийских народов и считались кровнородственными им; основная часть эфталитов принадлежала к этническо-языковой группе массагетско-юечжийских народов. Сообщаемые китайскими источниками эпохи хан и приведенные выше данные свидетельствуют о том, что эфталиты упоминались под различными названиями, в том числе под названием «идан», и что «еда» впоследствии стал называться «идан», или «идянь», ибо средневековые восточные и европейские исторические источники и исследователи средневековой истории Средней Азии часто упоминают про народ идан. Исторические источники разных стран по-разному называли эфталитов. Византийские источники называли их белыми гуннами, китайские — еда, источники, написанные на персидском, арабском и тюркском, в том числе на старо-узбекском языках — хайтал, или во множественном числе хаетила, как в частности называют авторы IX—X вв. аль Балозари, Табари, Масуди, аль Бируни, Фердоуси и многие другие. Происхождение термина «хайтал» «История Армении» Моисея Хоренского предполагает от слова «хайт-акн...— сложного слова от глагола «хайтал», что значит прыгать и «акн»— око; в буквальном смысле «имеющий прыгающие глаза», то есть живые, быстрые глаза — быстроокий — один из многих эпических эпитетов, которые так часто встречаются в первой книге «История Армении»[8].

«История северных дворов» Бэй-Ши Китая подтверждает, что эфталиты — одна из ветвей больших юечжи. «История» отмечает наличие многомужества у эфталитов, являющегося пережитком массагетско-юечжийского группового брака. «Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, то есть одномужняя, носит шляпу с одним углом, многомужняя ее умножает числом углов по числу братьев». У аристократии наоборот, налицо многоженство: «жены владетеля отдельно живут в 200 и 300 ли одна от другой, и он, объезжая их по порядку каждый месяц, посещает одно место, а во время зимних морозов три месяца не путешествует». Как видно, архаизм семейно-брачных норм сочетался с довольно резкой классовой дифференциацией, отразившейся, в частности, в наличии двух форм брака, построенных у эфталитов строго по классовому признаку, и двух форм погребений: «умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах». Китайская хроника характеризует эфталитов подобно сако-массагетам как «народ жестокий и смелый, способный к сражениям». Византийский историк Прокопий Кесарский подчеркивает оседлый и городской образ жизни «белых гуннов», правильное гражданское устройство, не уступающее византийскому. Говоря об оседлости эфталитских населений, С. П. Толстов отмечает, что «эфталиты занимались комплексным хозяйством, земледелием, скотоводством и отчасти рыболовством». Византийские источники в то же время подчеркивают наличие в эфталитском быту архаических черт, являвшихся пережитками прежних времен, в частности ими описывается, близко напоминающий, сако-массагетско-юечжийский обычай общественных институтов «соумирающих»: «эфталитский аристократ окружал себя людьми, которые являлись его сотоварищами по трапезам, в быту и в сражении, и которые после его смерти должны сопровождать его в загробный мир»[9]. Как видно, обычаи эфталитов были сходны с обычаями массагетско-юечжийских народов, что еще раз подтверждает их кровнородственность и этническую принадлежность одному народу и сако-массагетско-юечжийское происхождение эфталитов. В пользу этого мнения говорит нам связь хорезмийской и эфталитской чеканок — головной убор царей, способ деформации черепа, форма там-

ги представляет хорезмийский вариант, что доказывает этническое единство сако-массагетов и юечжи-эфталитов с тюрками.

С. П. Толстов склонен считать эфталитов гуннами, говоря, что эфталиты —«белые гунны» являются сородичами гуннов[10]. Клапрот был первым из западноевропейских историков, который высказывался против тождества гуннов с хуннами, подчеркивая, что гунны Аттелы и Авары были соплеменниками мадьяров и относились к финскому племени, а хунны китайских летописей были родоначальниками тюркских племен[11]. Вслед за Клапротом К. Риттер и другие также утверждают, что хунны, сообщаемые китайскими источниками, не имеют этническо-языковой тождественности с гуннами и считают их тюрками[12].

Персидско-арабские и тюркские источники IX—X вв. позволяют сделать вывод о том, что хунны были тюркскими народами, воплощали в себе и эфталитов под названием хайтал, или хаётала и что эфталиты были одним из ответвлений хуннско-тюркских народов. Карл Риттер говорит, что «белые хунны» — эфталиты византийских источников по исследованиям Вивьена де С. Мартена[13] оказались не гуннами, а юечжи[14].

Известно, что в 318 г. так называемые южные хунны даже завоевали Северный Китай, следовательно, они не имели ничего общего с европейскими и центрально-азиатскими гуннами. Эти «белые гунны», вернее «белые хунны» были эфталитами и названы европейскими источниками гуннами по ошибке. Название хайтал, или хаётала встречается во многих историко-географических источниках IX—X вв., написанных на персидском, арабском, тюркском и на староузбекском языках, в частности, в сочинениях аль Балозари, Масуди, Табари, аль Бируни, Наршахи, Фердоуси и других. Хайтал мы встречаем и в «Шахнаме» в эпизоде борьбы тюркского хакана и хакана Чина[15] с хайталами, то есть эфталитами.

В «Шахнаме» и ряде других исторических материалов, в том числе и китайских источниках, мы встречаем различные старинные географические, исторические и этнографические имена, термины и названия, которые свидетельствуют о древнейших и древних языках коренных жителей этих районов. Часть названий населенных пунктов и рек древнего Узбекистана и прилегающих к

нему областей Средней Азии известны нам из истории и из поздних источников, в частности источников IX—X вв. В этом отношении очень характерным является термин «ябгу», встречаемый у правителей эфталитов. Титул «ябгу» является термином кушанско-юечжийского происхождения, затем мы встречаем его у народов западной части так называемого тюркского каганата. Именно эта сторона вопроса представляет для нас особый интерес, ибо этот факт свидетельствует об исторической связи тюркоязычных народов так называемого западнотюркского каганата с юечжийско-эфталитскими народами, захватившие в VI в. территорию Средней Азии, впоследствии смешавшимися, воплотившись в общую этническо-языковую систему жителей страны, в том числе юечжи-эфталитов.

Эфталиты говорили не на полностью сложившемся тюркском языке, но во всяком случае их язык стоял весьма близко с старому тюркскому и может быть отнесен к палеотюркской группе, в частности к языку палеотюркоязычных предков узбекского народа. Следовательно, в языках эфталитов мы видим наречие тюркоязычного населения древнего Узбекистана.

Переводы текстов буддийских книг на санскрит[16] и тибетских документов[17], в том числе тибетской хроники, относящихся к VI в., найденных в Кучаре, Турфане и Кашгаре, особенно язык этих документов больше всего интересует современную науку.

В указанных документах были обнаружены тексты на языке тюркоязычных народов, в том числе на уйгурском, относящиеся к VIII—IX вв. Эти тексты в свою очередь являлись переводами с языка тохаров (toxri). Это были те же самые тохары, имя которых запечатлела и карабалгасунская надпись в Монголии[18]. По мнению А. Н. Бернштама «...когда согды стали ираноязычными хозяевами обоих склонов Тянь-Шаня, то тохары стали синонимом только южной группы иранских племен от Алтынтага до верховий Аму-Дарьи»[19].

Особенности тюркоязычных народов проявились также в широком распространении на этой территории не только общих элементов культуры, быта, языка и археологических комплексов, но и специфических этнических типов. В страну северных тохаров (Кучар, Карашар и Кашгарию) в середине VI в. проникают из

Средней Азии эфталиты, принесшие с собой и греческие элементы письменности, отмеченные только в Турфане[20]. Быть может, через Среднюю Азию с помощью сирийцев и манихейцев проник византийский антик Кучара, отмеченный и по северную сторону Тянь-Шаня[21]. Язык вышеприведенных документов ученые относят к языку различных тюркоязычных народов. Одни его считают эфталитским и тохарским[22], другие — кучарским[23], третьи — кашгарским[24], четвертые — языком сули[25] и пятые — турфанским[26]. Различия во взглядах на тексты документов показывают, что, относя их к лингвистическим документам тюркоязычных народов, текстами юечжи-кушано-эфталитского происхождения, вследствие того, что они были найдены на территории Восточного Туркестана, в том числе Турфана, Кашгарии и других районов, ученые толкуют и называют по-разному: текстом кашгарским на языке кашгар, турфанским на языке турфан, кучарским на языке кучар и т. д. Некоторые же ученые (вопреки действительности, вследствие склонности к иранизации почти всех народов Востока) относят тексты приведенных документов к тохарско-иранскому языку.

Мы связываем вышеприведенные тексты с эфталитско-кушанскими письменными языками, ибо эти документы могли распространяться только во время расцвета Кушанско-эфталитского государства, власть которого, как известно, распространилась и на Восточный Туркестан включительно, то есть до Китая. Народы Восточного Туркестана по своим экономическо-культурным, этнографическо-бытовым и этническо-языковым признакам принадлежали к тюркоязычной системе народов и стояли очень близко друг к другу. Эти связи расширились и углубились во времена правления кушанов и эфталитов. Очевидно, эти обстоятельства не учитывали те ученые, которые, как мы видели выше, допустили различное толкование текстов документов, язык которых мы отождествляем с языком кушанско-эфталитских народов. В его основе лежит местный язык и наречия коренного тюркоязычного народа. Он состоял из многочисленных наречий этих народов, отличавшихся от иноземных языков и языков колонизаторов, в том числе от иранского языка, от языка сирийского, арамейского и от их письма, равно как и от манихейских текстов.

Мы признаем смешанность языка и наречий, письменности местных жителей с иноземными языками, наречиями, письменностью, в том числе иранским, греческим, сирийским, отчасти индийским языками. Но иноземные языки, особенно иранский, впоследствии растворился в языке и наречиях местных тюркоязычных народов. В процессе этих явлений известная часть иранских слов и терминов воплотились в местный язык и тем самым в известной мере расширили и обогатили его состав и словарный фонд. В результате многовекового политико-экономического господства иранских колонизаторов и тесным торгово-культурным связям народов Средней Азии с Ираном иранский язык на протяжении почти всей истории имел значительное влияние на местные тюркские наречия и периодически считался на территории Средней Азии государственным и литературным языком. Но несмотря на это, язык и наречия местных тюркоязычных народов, не теряя свою основу, постепенно обогащали свой состав, воплощая слова и термины чужеземных наречий и тем самым пробили дорогу для дальнейшего развития. Не переселения племен и народов, не нашествия чужеземцев являются основным двигателем местной экономики, быта, культуры, этническо-языкового процесса. Решающую роль в этом процессе играли аборигены страны, люди труда, как создатели культуры, быта и языка своего народа.

Именно так шло развитие исторического процесса у народов, населявших территорию древнего Узбекистана. Следует отметить, что на той части Средней Азии—Самарканде, Бухаре, в районах нынешнего Таджикистана, где по соседству с тюркоязычным местным населением жили ираноязычные племена, в результате смешения на протяжении многих веков, из ираноязычных и тюркоязычных народов начал постепенно складываться таджикский народ. Следовательно, именно с эфталитским языком следует, видимо, связать язык кушан, ибо, как свидетельствуют вышеприведенные тексты, они (тексты) были переведены в Восточном Туркестане на уйгурский, иранский и другие языки.

Ф. В. Мюллер приводит отрывок из текста, свидетельствующий о существовании собственного языка тюркоязычных народов Средней Азии, в том числе слова, характерные для языка кушанско-эфталитских народов.

В текстах дан состав языка этих народов, в нем даются глаголы и глагольные формы и предложения, выражающие определенные законченные мысли, свидетельствующие о существовании сформировавшегося местного языка тюркоязычных народов, не только уйгурского языка в Восточном Туркестане, но и старинного языка тюркоязычных народов древнего Узбекистана, как дальнейшее развитие кушанского эфталитского языка. Вот как читаются отрывки из упомянутого текста:

«...idiyit nom bitig ögmögim kuisan (küsän) tilintin barcug tilinca avirdoc (ë)»[27].

Другой отрывок:

«Kuisan (üsän) tilintin toxri tilincä jaratmis... toxri tilintin türkca avirmis dsakrmabuda navtanamal nom bitig»[28].

В приведенных отрывках всего 22 слова, из них 8 слов, которые почти тождественны узбекским словам, 2 слова употреблены как название племени или народа, 8 слов повторяются в предложении и 4 слова на непонятном языке. Примерно 75 слов в приведенном Мюллером тексте по форме, стилю и построению являются тюркскими старо-узбекскими словами, а сам текст написан на старом языке тюркоязычных народов. Содержание текста очень интересно тем, что он был переведен сначала с кушанского на тюркский язык, затем с кушанского на тохарский язык и снова с тохарского на тюркский язык. Если тюркский язык упомянутого текста считать уйгурским, то кушанский язык, как свидетельствует этот текст, так или иначе был языком местного тюркоязычного народа древней территории Узбекистана, и этот факт подтверждает правильность нашего высказывания по данному вопросу.

Далее, в другой части текста говорится:

anätkäk tilintin toxri tilinca jaratmis... toxri tilinten türk tilinca avtarmis (avirmis) maitrisimit nom bitig[29].

По-видимому, кушанский язык считался литературным и классическим языком для II—V вв. Следует отметить, что для того времени термин kuisan (küsän)—кушан одновременно обозначил и страну, и народ и государственный язык, и язык народов страны. После падения Кушанского государства, эфталиты явились прямыми продолжателями Кушанской династии, главным образом, на древней территории Узбекистана. Однако, как говорили мы выше, некоторые ученые пытаются рас-

смотреть язык кушан как название языка кучи. Изученные французской археологической миссией памятники эфталитского времени также показывают, что термин «kuisan» обозначал страну, народ и язык государства, после падения которого эфталиты явились прямыми продолжателями Кушанской династии[30].

История юечжи-кушан, Кушанского государства и эфталитов в лингвистическом отношении связана не только с исследованием вышеназванных документов, но также и с изучением упомянутого нами письма Карашти на языке Хотани. Таковы данные о языках кушанско-эфталитских народов.

Говоря об алфавитах письменности кушанов-эфталитов, необходимо констатировать, что при чеканке монет кушанских правителей применялся греческий алфавит, но это делалось из подражания греческим монетам. Форма букв алфавита постепенно искажалась, и монеты конца периода кушанов совершенно нельзя было читать. Возникает вопрос, каков же был алфавит в период кушанов и эфталитов? Наряду с греческими, арамейскими и другими алфавитами существовал также местный туземный алфавит, созданный самим народом, применявшийся для письменности на языке сакомассагетов, а затем юечжи-кушанов-эфталитов[31]. Этот алфавит обычно упоминается под названием «хорушти», и по некоторым данным он был взят из арамейского алфавита.

Объясняется это тем, что еще во времена Ахеменидов иранские чиновники, может быть, занесли с собой в Среднюю Азию арамейскую письменность, которая у кушанов и эфталитов постепенно получила другой вид и форму. Еще до кушанов этот алфавит употреблялся в монетах греков Бактрии, пехлевинцев и других. Кушанский правитель Коцуло Кадфиз выбивал монеты на двух алфавитах—греческом и хорушти. Греческая же надпись, имевшаяся на лицевой стороне, такова: «Кусану Кацуло Кадфиз», то есть «Кушан Кацуло Кадфиз». На оборотной стороне монет надпись на языке саки-кушан и на алфавите хорушти следующего содержания: «Кацуло Каса Кушан Яву (ябгу) Косадо рати Каза», то есть «набожный глава Кушан Кацуло Кадфиз»[32].

Английский индолог Ф. В. Томас в своем исследовании находок Авреля Стейна разбирает текст рукописи,

добытый А. Стейном в Лоу-Лани. Письмо рукописи Стейн сопоставил с письмом на монетах эфталитов «больших гуннов» или «больших хуннов». Ф. В. Томас, опираясь на изучение кушанских монет, устанавливает транскрипцию эфталитского письма. Он считает, что отмеченный китайским автором Сюань-Цзяном алфавит Тухола из 25 букв, структура и манера писать слева направо связаны с греческим алфавитом[33].

Если на кушанских монетах обнаружены признаки транскрипции эфталитского письма и алфавит Тухало, то это соответствует манерам и структуре старых писем местных жителей, а также письмам тюркоязычных народов, написанных именно по этим правилам в произведении Махмуда Кашгарского «Лугати дивони тюрк». Возможно, что в некоторой степени они могли быть связаны с греческим алфавитом. Эта связь объясняется тем, что греки так же, как и арабы, после завоевания Средней Азии и превращения ее в колонию, насильно насаждали свою культуру и распространяли среди предков среднеазиатских народов не только свой алфавит, но и свой язык. Ф. В. Томас, судя по содержанию и стилю данной рукописи, считает, что она написана на литературном языке и является отрывком литературного произведения юечжи-кушанско-эфталитских народов. Ф. В. Томас сопоставил этот письменный документ с эфталитским письмом рукописи, хранящейся в Берлинском этнографическом музее.

Рукопись, найденная в Лоу-Лани, важна как исторический факт распространения эфталитского письма. Проникнуть это письмо могло через паломника или в результате распространения политической власти эфталитов на Восточный Туркестан. Таким образом, коренное население тюркоязычных народов имело свой собственный алфавит, независимо от того, что проник он из соседних стран и был принят в измененном виде, который отвечал жизненным интересам народа и требованиям общественно-политической и культурной жизни.

Ознакомившись с состоянием письменности древних народов, населявших территорию нынешнего Узбекистана, следует отметить, что государство эфталитов, созданное представителями массагетско-кушанско-эфталитских народов при активном участии широких слоев

местных народных масс, сыграло огромную роль не только в развитии экономики, культуры страны, но и в развитии языка и расширении этнического состава местных тюркоязычных народов и роста тюркоязычного населения.

С. П. Толстов относит образование государства эфталитов к IV в. и связывает его с распадом Кушанской империи. Распад Кушанского государства и нашествия ирано-сасанидских колонизаторов служили одной из основных причин нового объединения среднеазиатских народов и государств, в частности той их части, которая находилась главным образом на территории нынешнего Узбекистана и прилегавших к нему областей, под гегемонией жителей страны и под представительством массагетско-юечжийских народов, близких сородичей кушанов[34].

По-видимому, приход к власти эфталитов явился переворотом, совершенным вождями массагетско-юечжийских племен Междуречья, еще в некоторой степени сохранивших родоплеменную традицию. Суть переворота заключалась в том, что эфталитские вожди сменили кушанских правителей, потерявших к этому времени военную и политическую опору со стороны оседлых и кочевых жителей древнего Узбекистана.

Если рассматривать данный вопрос с этой точки зрения, то совершенно правы те ученые, которые утверждают, что образование эфталитского государства является прямым продолжением царства кушанов, своеобразным омоложением, происшедшим с переходом власти к эфталитским вождям.

Первое вторжение эфталитов на территорию Хорасана относится к 427 г. Против них вели ожесточенную борьбу Варахран V[35] и Иездигерд II[36]. Им удалось сдержать напор эфталитов и сохранить владения иранского государства Сасанидов в восточной части Хорасана и в Тохаристане. Однако после смерти Иездигерда II в 457 г. эфталиты во главе со своим царем Акшунвараном захватили Чиганиан, Балахшан, Балх, Тохаристан и Гарджистан. Выступление сасанидского правителя Пероза против эфталитов в 454 и 479 гг. было неудачным. В начале VI в. иранский правитель Ширван начал укреплять власть Сасанидов, чтобы преградить путь эфталитам, и эфталиты остались в Средней Азии.

К началу VI в. граница между государством эфталитов и Ираном установилась по линии р. Гюрген на северо-востоке и между Мервердудом и Талеканом на востоке. Балх, Тохаристан, Гарджистан, Бадгис, Герат, остальные территории Афганистана вошли в состав государства эфталитов. В середине V в. эфталиты начинают наступать на бассейн Инда и, подчинив владения кушанских правителей долины Кабула, несколько раз вторгались в глубь Индии. В конце V в. один из эфталитских правителей Тараман захватил область в центральной части Индии. Сын Тарамана, Михапакул, вступивший на престол эфталитов в 510 г., сделал своей столицей город Сакада в Пенджабе.

По данным китайских хроник государство эфталитов в начале VI в. расширило свои владения на восток. В его состав входили по этим данным Кашмир, Гандахор, Бахан, Согд, Бухара, Фергана, Шаш (Ташкент), Хорезм. Восточный Туркестан также вошел в состав государства эфталитов, включившего по тем же данным Кашгар, Хотан. Следовательно, на востоке эфталитам удалось продвинуться значительно дальше, чем кушанам в царствование Канишки. Однако эфталитская колония оказалась непрочной. Огромное государство их было слабо объединено. В результате борьбы местных индийских владетелей, Михапакул в 528 г. был вынужден покинуть Пенджаб и перевести свою столицу опять на территорию Средней Азии. Вскоре после смерти Михапакула, последовавшей в 540 г., между 563 и 567 гг. эфталитское государство пало под ударами с востока новых тюркоязычных народов, которых называли тюрки.

Раздел 3. ЭТНОГЕНЕЗ НОВЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ, ВХОДИВШИХ В ЭТНИЧЕСКО-ЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА. ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДКОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА (VI—VII вв.)

Прежде чем осветить процесс пополнения этническо-языкового состава тюркоязычных народов притоком многочисленных тюркоязычных племен и народов, прибывших из Казахстана, Киргизстана, Семиречья и дру-

гих районов сначала под общим именем «хунну», а затем под общим названием «тюрк», необходимо остановиться, по мере возможности, на истории этих народов.

С проникновением и усилением тюркоязычных народов начинается четвертый этап формирования предков узбекского народа, период создания самостоятельного, мощного государства тюрков, отчасти в результате притока с востока новых тюркоязычных племен, называемых историко-географическими, лингвистическими и другими источниками общим именем «тюрк», а их государство названием «Тюркский каганат» или по восточным историко-географическим источникам— «Хокони тюрк», Hokoni turk». Этот период характеризуется дальнейшим более быстрым скрещиванием, складыванием, расширением и упрочением этническо-языкового состава тюркоязычных народов на древней территории нынешнего Узбекистана и вытеснением иранских и других колонизаторов. Этим самым создались благоприятные исторические условия для ассимиляции, объединения и скрещивания с новыми потоками тюркоязычных племен и народов. Все эти предпосылки в последующие века обусловили необходимые условия для первого этапа образования узбекского народа, происходившего на грани IX—X вв.

Карл Риттер считает, что термин «тюрк» произошел от термина «тю-кюэ», или «ту-кюй», «ту-гю», «ду-цюэ». Кроме этой аналогии, К. Риттер свой вывод подкрепляет наименованием ту-кюэцев или тугюйцев, сохраненных китайскими летописями. Он приводит ряд языковых примеров из труда известного европейского ученого Клапрота[1]. Тождество терминов «тю-кюэ», или «ту-кюй» с тюрками-турками—основная часть теории Клапрота[2].

Первые ранние сведения о тюрках хунну и тю-кю, то есть о многочисленных тюркоязычных народах, объединенных затем под общим названием тюрков, поселившихся, главным образом, на территории древних Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и соседних с ними районов до Монголии, Китая и Тибета, дают нам китайские, римско-византийские и затем историко-географические, лингвистические источники на персидском, арабском и на языках тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Дополнительными источниками являются сведения археологических

раскопок, этнографических материалов и научно-исследовательских работ.

Китайские летописи повествуют с древнейших времен о борьбе с различными племенами и народами, которые впоследствии оказались принадлежавшими к тюркским племенам или тюркоязычным народам. Из китайских летописей явствует, что тюркоязычные племена и народы под общим названием тюрки жили на древней территории нынешнего Ташкентского оазиса, Ферганской долины, Казахстана и Киргизстана.

С усилением китайского государства эти же тюркские племена оттеснялись все далее на север и запад. Но еще в IV в. до н. э. часть их продолжала жить по левому берегу Желтой реки. В середине III в. до н. э. многочисленные племена тюркоязычных народов, населявшие современные территории Казахстана, Киргизстана, в том числе и Семиречья, частично территории нынешней Монгольской Народной Республики, объединились в одно могущественное государство, которое китайские источники называют государством хунну. Об этих хунну также упоминают среднеазиатские историко-географические источники X—XI вв. и отождествляют их с тюрками. Государство хунну достигло в правление Моте в 209—179 гг. до н. э. наибольшого расцвета и могущества. Однако, спустя некоторое время оно распалось, и часть хунну очевидно удалилась в области, лежавшие к западу от Селенги до истоков р. Енисея, в области к востоку от Алтая, заселенные чакасами, а в алтайских горах жили ответвления тюрков под названием ту-гю. Следовательно, известная часть тюркоязычных народов откочевала с востока на запад, большая часть их проникла в Восточный Туркестан и соединилась с местным тюркоязычным населением, жившим там еще раньше. Китайские источники дают нам возможность получить некоторые представления о географическом расселении этих тюркоязычных народов. В результате упадка государства хунну, оно распалось на две части. Одну из них среднеазиатские историко-географические источники, особенно источники позднего времени, называют государством восточных, другую— государством западных тюрков. Восточные тюрки включали уйгуров и многие тюркоязычные, а также и другие народы Востока.

Уйгуры, которых с самых ранних времен китайские источники называли «ху», жили первоначально в области между Тангу Ола и Желтой рекой и к югу от Тянь-Шаня до бассейна реки Тарима, включая Кашгар, Хотан и другие районы. В основном уйгуры группировались в районах Восточного Туркестанского каганата (впоследствии эти районы стали называться Восточным Туркестаном).

Вторая группа тюркоязычных народов сосредоточилась в основном к западу от так называемых восточных тюрков и была названа западным тюркским государством, или же западными тюрками, которые воплощали многочисленные тюркоязычные племена и народы. Западные тюрки, как коренные жители страны, жили с древнейших времен, главным образом, на территории нынешнего Казахстана, Киргизстана, Семиречья и прилегающих к ним областей, до берегов рек Кара-Дарьи и Нарына включительно, имея теснейшие торгово-экономические и этническо-лингвистические связи с тюркоязычными народами древней территории нынешнего Узбекистана. Птоломей, Дионисий Ливий, жившие в конце I в. н. э., указывают, что уйгуры—тюрки жили позади прикаспийских скифов, как раз в тех частях Турана, куда, по показаниям китайцев, выселились потомки указанных тюркоязычных народов.

Оба эти народа поддерживали и оказывали друг другу помощь в борьбе против чужеземных захватчиков, в том числе арабских завоевателей. Именно тюркоязычные племена и народы сыграли огромную роль в формировании узбекского, казахского и киргизского народов.

Некоторые тюркоязычные племена и народы попали под власть вновь образованного государства Жуань-Жуаней[3], или жужан, главным образом, на территории Монголии. Под давлением жужан, предводительствуемых ханом[4] Шелуном, тюркоязычные народы вынуждены были отступить, а некоторые покорились им. Однако наступление жужан в сторону Семиречья было остановлено местными племенами.

Китайский историк Бэй-Ши сообщает, что «от жужан на северо-запад находилось владение, принадлежавшее потомкам сюннов (хунну, или хуннов), довольно богатое. Жибагей, начальник этого племени, пошел на

Шелуна с оружием, вступил в упорное сражение с ним при реке Егинь (левый приток р. Селенги) и совершенно разбил его».

Владения жужан занимали территорию от Кашгара до Кореи, от северных пределов Шамо до Байкала, а главной территорией их была Монголия. Затем они покорили районы Алтая, и алтайские тюркские племена подчинились им. Жужаны долго воевали с гаогюйскими (уйгурскими) племенами. Значительная часть гаогюйцев-уйгуров в V в. н. э. под давлением жужан отступила еще дальше на запад. С этим отступлением следует связывать появление уйгуров в Средней Азии, в том числе на территории Казахстана, Киргизстана и древнего Узбекистана.

В V в. н. э. гаогюйцы[5] (уйгуры) были разбиты на две части. Большая часть их оставалась на родной территории—в Восточном Туркестане, другая, как мы говорили выше, направилась из Средней Азии и прочно осела на территории Казахстана, Киргизстана и Узбекистана, войдя в этнический состав предков казахского, киргизского и узбекского народов. Многочисленные тюркоязычные народы Казахстана, Киргизстана, Семиречья, Алтая и других районов Азии в исторических источниках и литературе, начиная с IV—V вв. н. э., особенно со времени образования тюркского каганата в VI в. становятся более известными под общим именем тюрки. Тюркский каганат[6] объединил ряд разноязычных, этнически разнородных племен восточной части древней территории нынешнего Узбекистана, Киргизстана, Казахстана, Семиречья, Алтая и других районов Азии до Китая, Монголии и Маньчжурии. Первоначальным ядром этого государства были племена, населявшие районы Алтайского горного узла. Затем, уже в 506 г., тюрки включили в свой состав племена теле, жившие к юго-западу от Алтая. Согласно летописи истории китайской династии Суй (581—619 гг.) племенной союз теле жил по соседству с тардушскими племенными союзами, находившимися к юго-востоку от Алтая у Хунганских гор. Расселение на столь обширном пространстве многочисленных племен и народов, естественно, не могло создать органически целого этнического образования. Подобно сакам и скифам, они не могли принадлежать к единому этническо-языковому образованию или груп-

пе. Но как народы, говорящие по одной языковой системе лишь с разными оттенками и наречиями, всей общностью этнического происхождения принадлежали к предкам будущих родственных народов, в том числе узбеков, уйгуров, казахов, киргизов и других.

Объединение тюркоязычных народов под общим именем тюрки составило ту живую силу, которая в 552 г. ликвидировала жужанское господство, а в 555 г. окончательно разбило жужан в Монголии. Первый правитель нового государства тюрков Тумынь, или как называют его восточносреднеазиатские источники Тумина хан, принял от жужанов титул «хан». В 552 г. Туминь хан принял титул «каган», или «хокан». Затем к титулу «каган» («хокон») присоединяется суффикс «иль»—китайская передача тюркского термина «эль»—народ, который является очень характерным для всех тюркоязычных народов. Следовательно, если написать рядом с титулом «хокон» слово «эль», то вместе получается «хокон эль», или «хокон эли», означающее каганский народ или каганская страна.

Начало существования тюркского каганата можно считать с 552 г. Ставка кагана и ядро каганата находились на берегу р. Орхон в Монголии. Район распространения власти и влияния тюрок был гораздо шире. Огромная территория подчинения тюркской империи показывает, что тюркский каганат этнически и по языку был далеко неоднородным, и население этого государства составляли различные роды, племена и народы, значительная часть которых была по своему составу чуждой друг к другу, о чем мы говорили выше.

Тюркский каганат имел много общего по своей структуре, этническому составу, этнографическо-языковым признакам с основными народами хунну. Подавляющая часть племен хунну являлась прямыми предками тех племен, которые вошли в состав тюркского каганата. Несмотря на то, что первоначальное ядро хуннского союза было связано с Монголией, подавляющее большинство населения каганата было тюркоязычным, а тюркский каганат первоначально базировался на приалтайских и затем на других тюркоязычных племенах.

Почти все поздние среднеазиатско-восточные источники и многие исследователи связывают племена хунну с тюрками. Наименование «тюрк» выступает в источниках не как этническое имя одного народа, а, подобно сакам и скифам, как название многочисленных племен и народов, говорящих на одной система языка, как политический термин, как наименование государства, включавшего различные племена, племенные союзы и народы.

Отчасти этот термин связан и с общностью этнических элементов у основной части тюркоязычных народов. В их объединении в тюркский каганат значительное место занимали племена: огузы, кипчаки, канглы, карлюки и затем халаджи, чигили, ягми, тюргеши и другие. Из огузов вышла правящая династия тюркских каганов. Туминь хан и его брат Истем, который был предводителем конфедерации десяти племен Семиречья, Қазахстана и Киргизстана, положили начало тюркскому каганату. В создании тюркского каганата особо решающую роль играли семиреченские племена дулу и нушеби. Хан Кигин, который правил государством в 553—572 гг. расширил его границы и подчинил на севере цигу[7], на западе племена ида — эфталитов, и в семидесятые годы VI в. довел границы своего государства в пределах Средней Азии до Аму-Дарьи, Темир-Қапыга[8] и до Азовского моря, на востоке до Қадыркинского хребта[9]. Именно в это время некоторые из перечисленных племен проникли в глубь территории древних Қазахстана, Киргизстана и Узбекистана до берегов Аму-Дарьи и прочно осели там. Из них следует прежде всего указать кангли и карлюков. Вождь последних, нося титул ябгу, подобно юечжийско-кушанским и эфталитским правителям, по сведениям историка X в. Табари, долго сражался на земле Хорасана с арабскими завоевателями. Кроме карлюков, в древний Узбекистан проникли халаджи, канглы и другие. На востоке Узбекистана и в пограничных районах Қазахстана и Киргизстана появились карлюки, халаджи, кангли, оставшиеся здесь жить. Затем проникли сюда тюргеши, чигили, ягма. Они стали вести оседлый и кочевой образ жизни, поддерживая с тюркоязычными народами на территории древнего Узбекистана тесные торгово-экономические, культурно-бытовые и этнические связи, еще более сроднились между собой через взаимные брачные отношения.

Что касается огузов и кипчаков, то они после своего проникновения в Сибирь, в районы Аральского моря и Волги стали жить там, ведя кочевой и частично оседлый образ жизни.

Однако огромная держава тюрков не имела достаточных внутренних предпосылок, экономической базы и условий для прочного и длительного существования. Этим объясняется последовавший за быстрым подъемом столь же быстрый распад тюркского каганата.

Основная масса народов тюркского каганата состояла из оседлых и кочевых племен. О культуре и быте тюрков интересные сведения дают китайские летописи, которые в частности гласят так: «(они) распускают волосы, левую полу наверху носят, живут в палатках и войлочных юртах... занимаются скотоводством и звериной ловлей, питаются мясом, пьют кумыс, носят меховое и шерстяное одеяние... из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши». В этих же летописях мы находим данные об оседлой жизни тюрков. Упоминается ряд городов, городищ под общим названием «балык» и под собственными наименованиями, главным образом, в западных владениях каганата, в особенности в Семиречье, Казахстане, Киргизстане, которые подтверждаются результатами археологических исследований. Здесь были обнаружены следы городищ, культурные слои, найдены зернотерки, жернова, орудия ремесленного производства. О наличии земледелия у народов каганата свидетельствуют китайские и поздние среднеазиатские историко-географические источники. В оседлых поселениях развивалось ремесленное производство, в котором использовался труд рабов. Известны тюркские ткани с характерным среднеазиатско-китайским орнаментом, части архитектурных украшений, созданные под влиянием среднеазиатского орнамента. То же можно сказать о керамике. В архитектуре этих народов имеются и собственно местные тюркские элементы. В искусстве их явно выступают черты самостоятельного творчества. Китайские летописи сохранили отрывки фольклора тюркоязычных народов, в которых описывается их героическая жизнь, а тексты надгробий являются достаточно оригинальными, чтобы без оговорок их можно назвать первой известной нам древнейшей «литературой» тюрков.

Различные влияния на материальную культуру тюрков объясняются тесными взаимоотношениями тюрков с рядом стран, особенно со Средней Азией и Китаем. Торговая связь со Средней Азией и Китаем была настолько широко развита, что появляются возникшие на этой базе, двуязычные тюрко-китайские монеты. Например, монеты, с надписью «Тюргеш Каган» найдены при раскопках древнего гор. Тараза (Джамбула) в Казахстане и в других районах Казахстана и Киргизстана. Некоторые вещи китайского ремесленного производства были найдены в погребениях тюркоязычных народов.

По поводу письменности у тюрков китайский историк указывает, что тюрки считают количество людей, лошадей, скот по зарубкам на дереве и употребляют стрелы с золотым наконечником и восчаной печатью. Далее историк упоминает о существовании у них собственного письма: «буквы письма их походят на буквы народа ху» в Средней Азии. По религии тюрки были шаманистами и, по сообщению китайского летописца, в жертву духам приносили лошадей и овец, головы жертвенных животных вывешивали на жердях, приставленных к дереву и, судя по енисейско-орханским тюркским надписям на камнях, из божеств наиболее популярным был «Кок тенгри»— дух синего неба.

О социальном строе тюркского каганата больше всего сведений дают нам сами тюркские тексты, которые рисуют социальную структуру его народов следующей: во главе государства стоял хан, или каган, власть которого была почти неограниченной. Но все же есть указания, что при кагане —«хоконе» существовал орган, вроде совета. В начале надписи на памятнике кагана Кюль тегина есть обращение к совету: «Речь вы мою до конца выслушайте, идущие за мной мои младшие родичи и воины-огланы, вы, мои соплеменники клиенты, и мой народ: вы, стоящие справа шадапыт-беги, вы, стоящие слева торкат-буюрук-беги».

Как видно из текста, среди перечисленных в первую очередь упоминаются кровные родичи кагана, затем клиенты, а потом следует племенная знать, получившая высокие должности в виде торханов, буйруков и т. п. Принцы «крови» носили титул тегин. Государство управлялось по удельному принципу. Во главе уделов стояли наместники из членов каганского рода, которые но-

сили титулы ябгу и шадов и были, как правило, тегинами. Создавались военные дружины хана, в которые входили его родичи, носившие титул огланов.

Каганский род вместе со знатью включенных племен назывался «эль», означавшее, о чем говорили мы выше, одновременно и государство, и племенной союз, и народ. Так называли племенной союз и народ тюркоязычные племена на территории Казахстана, Киргизстанана и в районах Ташкентского оазиса. В этом значении термин «эль» на территории древнего Узбекистана впервые стал употребляться в VI в. н. э. В IX—XI вв. он получил дальнейшее свое развитие и широкое употребление. С развитием классовых отношений под ним фактически подразумеваются каганский род и знать, примкнувших к каганату племен, состоявшая из предводителей племен, эльтеборов у уйгур, идикутов у киргизов, тараханов в Средней Азии и, главным образом, «бегов». Беги — это родоплеменная знать, значение и роль которой целиком основывались на богатствах, которыми они владели. Усиление значения бегов в первую очередь связано с классовым расслоением общины. Источниками такого расслоения служили богатства, получаемые во время грабительских походов и от использования в земледельческом и скотоводческом хозяйствах рабов. Упоминания о рабах неоднократно встречаются в древнетюркских и арабско-персидских текстах как «кул», «кюн», а иногда «киши»— буквально «человек», особенно когда этому термину сопутствует определение «приобретенный», «захваченный», что мы находим в киргизско-казахских и староузбекских источниках и надписях.

Существенное значение имело также владение стадами и пастбищами. Если номинально земля считалась собственностью рода и племени, то фактически она эксплуатировалась бегом, его стада и земли были наиболее многочисленными и обширными в данной общине. Основу общества тюркоязычных народов составляло свободное кочевое и земледельческое население, называемое «будун» и имевшее личную собственность. Термин «будун» часто сопровождается эпитетом «черный», то есть «кара будун», что значит, черный народ. Близко к простому народу стоит категория полузависимых людей, называвшихся «огуш»— клиент.

Остатки и сохранение родового строя прослеживаются и в чрезвычайно развитой терминологии семейно-родовых отношений. Семья — «аркаун», или «оила» объединяла в себе все потомство. Младшего брата называли в семье «ини», это название сохранилось на протяжении всей истории древнего Узбекистана, а старшего — «ога», главу семьи — «кан», женщину — «катун», или «хатун», сына —«огул», невестку —«келин», зятя — «кудаг» или «кудага», а затем стали называть «куев», клиента — «огуш», или «киши», раба — «кул». Семья находилась в системе рода «ок» или «урук» (уруг), который был связан в свою очередь с племенной организацией «будун», входящей, как сказано выше, в систему союза — государства «эль».

Таким образом, тюркский каганат использовал в качестве государственного костяка старые организационные формы родового строя. Классовое расслоение наполнило эти формы новым содержанием, придав им совершенно иное значение.

Следует отметить, что в это время культура тюркоязычных народов достигает значительного развития. У них возникает письменность, письмом служит руническая надпись, которая имела одинаковое значение по своему происхождению со среднеазиатской — массагетско-кушанской и эфталитской письменностью. На ней сильно сказались тамговые знаки, клейма, которые употреблялись для меток скота и имущества еще задолго до появления письма. В обеих частях тюркского государства, в восточной и западной, впервые появляются написанные руническим письмом на языке тюркоязычных народов надгробные стелы каганов, в которых подробно излагаются «заслуги» кагана. Стелы являются ценнейшими языковыми и письменными памятниками истории всего тюркоязычного народа, в том числе и предков казахских, киргизских и узбекских народов, представляя собой, по существу своеобразные летописи. Такие стелы, в частности, были найдены в Минусинском крае, в Семиречье.

Большое количество надписей было обнаружено и на предметах личного пользования, найденных в могилах. Анализ социально-экономического строя и культуры тюркоязычных народов показывает, что они стояли на сравнительно высоком уровне общественного раз-

вития применительно к народам западной части тюркского каганата, и этот уровень развития был не одинаков для различных частей государства. Следовательно, тюркский каганат, объединивший под своей властью многочисленные оседлые и кочевые племена на весьма большой территории от Алтая до Чирчика, а затем до Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, сыграл огромную роль в переходе отсталых тюркоязычных племен на более высокую ступень общественного развития. Включение среднеазиатских тюркоязычных народов, в том числе населения древнего Узбекистана, в состав могущественной тюркской державы, открыло новый этап в их историческом развитии.

Этот период явился также новым этапом в развитии и упрочении этническо-языкового состава тюркоязычных жителей древнего Узбекистана и тем самым открыл возможности для интенсивного процесса этнического формирования узбекского и других братских народов Средней Азии. Государства эфталитов и тюрков в еще большей степени, чем государство кушанов, создали мощную предпосылку для укрепления и роста материально-экономической и культурной базы тюркоязычных народов, обусловили предпосылки для их этнического и языкового формирования в народность. В результате пополнения языка новыми терминами, словами, углубился прежний этнический состав, обеспечивший в дальнейшем крепость единого этнического состава узбекской народности.

Тюркоязычные народы западной части тюркского государства имели тесные торгово-экономические и культурные связи с народами, населяющими древнюю территорию Узбекистана. Но и не только с ними. Наместник тюркского кагана в Семиречье и Средней Азии — ябгу Чуло-Хеун посылал посольства в Константинополь к византийскому императору Юстину II. Целью посольств было: установление торгово-экономических связей с Византией, в обход Сасанидов и заключение с Византией военного союза против сасанидского Ирана. В ответ на это прибыл ряд византийских послов к ябгу Чуло-Хеуну, которого Наршахи в своем произведении «Тарихи Бухара» называет Кара-Чурин, предводителем западных, то есть среднеазиатских тюрок. Первые византийские послы во главе с Земархом прибыли в Среднюю Азию в 568 г. При археологических раскопках города Тараза, в котором был принят посол Земарх, найдена золотая монета, подражающая восточноримскому, то есть византийскому солиду конца IV—начала V вв., которая свидетельствует о торговых связях тюркоязычных народов Средней Азии и Семиречья с Византией. Среднеазиатские народы имели торгово-экономические связи с Китаем, Индией и рядом других стран.

Особенно важную роль сыграли торгово-экономические и культурные взаимоотношения между племенами и народами внутри самого государства, в его западной части, между народами Семиречья, Казахстана, Киргизстана и Узбекистана. Они послужили дальнейшему интенсивному развитию этническо-языкового единства предков нынешнего узбекского народа. В этом процессе, в условиях более развитых социально-общественных и культурно-экономических отношений, связанных с развитием оседло-земледельческих и городских ремесленных производств, в древнем Узбекистане узбекский народ формировался в народность быстрее, чем казахский и киргизский народы, у которых еще не было тех условий, которые существовали в древнем Узбекистане.

80-е годы VI в. явились для тюркского каганата временем острого социально-экономического и политического кризиса.

В середине 80-х годов VI в. вспыхнуло крупное вооруженное восстание против тюркской знати, аристократии и тюркского кагана Шаболло. Во главе восстания стал сын рабыни Або[10]. Однако, потерпев поражение, восставшие отступили в западную часть владений каганата в Средней Азии, бежали в районы Зеравшана, в частности Бухары, где жили многочисленные тюркоязычные племена и народы.

Восставшие вели борьбу с местной аристократией и богатыми купцами, сторонниками власти кагана Шаболло. По сведениям Наршахи Абруй, в борьбе против них опирался на местных «бедняков и нищих». Около 586 г. войско каганского наместника в Средней Азии Чуло-Хеуна появилось под стенами резиденции Абруя — Пейкенда. Восстание было жестоко подавлено. Абруй взят в плен и подвергнут жестокой казни. По словам Наршахи «большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, отчего он и умер». После по-

давления восстания Чуло-Хеун, ставший к тому времени общетюркским каганом, опираясь на силы западной части каганата, в 588 г. в союзе с Византией и хозарами, совершил поход против Ирана и захватил Герат и Бадгис. Но скоро иранцы разбили войска тюрков, и сам каган Чуло-Хеун пал в бою. Иранские войска на некоторое время захватили бассейн р. Зеравшана.

Таким образом, к 588 г. можно отнести окончательный распад всего тюркского каганата на две части: восточную с центром в Монголии и западную с центром в Семиречье. Западная часть каганата, порвав связи с верховным каганом из-за особых экономическо-политических, культурных, этническо-языковых интересов народов Средней Азии и Восточного Туркестана, усилилась. В конце IV в. власть западных тюркоязычных народов признали эфталитские правители Тохаристана, Балха, Бадгиса, Герата и другие районы Афганистана.

Оседлое и кочевое население западной части каганата, в том числе Восточного Туркестана, где жили уйгуры, Семиречья, Казахстана, Киргизстана, где жили тюркоязычные племена, в этническо-языковом отношении стояли очень близко друг к другу, считались родичами и являлись предками уйгурского, казахского, киргизского и большей части узбекского народа, в особености живущих в Ферганской долине и Ташкентском оазисе, территория которого простиралась тогда до Оша, Узкента, Сугнака, Чимкента, Сайрама и до р. Таласа. Преобладающей частью населения были тюркоязычные племена и народы — предки узбеков и небольшая часть состояла из ираноязычных племен, сильно смешанных с тюрками и впоследствии названных таджиками.

Если все тюркоязычное население западной части каганата было связано между собой родственными лингвистическими и социально-торгово-экономическими и культурными узами, то в этническо-языковом отношении оно резко отличалось от восточных тюрков. Об этом говорят нам языковые и этнографические данные, сохранившиеся в ранних источниках — греческих, византийско-римских, армянских, персидских, староузбекских, тюркских, арабских и других. Характерной чертой языковых отличий являлись грамматические, синтаксические, фонетические и другие особенности, а также замена

начального звука «я» у восточных тюрок звуком «дж» или «ъ» у западных и среднеазиатских тюркоязычных народов. Эти языковые особенности, прослеживаемые нами с I в., и особенно с VI в. до поздних веков, наиболее полно показаны авторами X—XII вв., в частности Махмудом Кашгарским, в его известном «Дивони лугати — тюрк», написанном на арабском языке. Особенности языка западных тюрков находят прямую связь с языковыми особенностями тюркоязычных народов, ныне населяющих бывшую территорию западной части тюркского каганата, то есть киргизов, казахов и узбеков и узбеков Ферганской долины и Ташкентского оазиса.

Значительную роль в истории этнических отношений и дальнейшего складывания узбекского языка играли тюркоязычные народы западной части тюркского каганата. Следы последних прослеживаются не только письменными источниками, но и памятниками языка и материальной культуры на территории Казахстана и Киргизстана. Археологические раскопки, произведенные советскими учеными, в том числе раскопки гор. Тароза (Джамбул), свидетельствуют в пользу высказанного мнения. Курганы, обнаруженные в Казахстане и Киргизстане, хотя и сильно разрушены, однако по конструкции насыпи и некоторым находкам дают возможность заключить о родственности этих тюркоязычных народов. Часть погребений имела надгробия с надписями, сделанными руническим шрифтом на древнетюркском языке. Четыре таких надгробия были обнаружены в верховьях р. Таласа у сел. Дмитриевского, на территории древних племен нушеби. Там же были раскопаны курганы, в которых обнаружены фрагменты керамики, сходные с керамикой ближайших к могильнику городских центров, что свидетельствует о тесных связях кочевников с оседлым земледельческим оазисом. Встречаются курганы того же времени в виде ямных погребений под каменной насыпью или склепы из сырцового кирпича. По своей структуре они явно отличаются от погребений народов восточной части тюркского каганата. Разнообразие похоронного ритуала, отсутствие захоронения лошади и др. являются следствием разнородности племенных компонентов тюркоязычных народов западной части тюркского каганата.

По сведениям китайского путешественника Сюань-Цзяна, тюркоязычные племена вели кочевой образ жизни. Они жили в войлочных кибитках и занимались охотой, пастьбой скота. Сведения, сообщаемые Сюань-Цзяном, совпадают с показаниями византийского посла Земарха, дошедшие до нас в изложении византийского историка Менандра. Однако кочевники уже начали переходить к оседлому образу жизни. В ранних слоях оседлых поселений, обследованных на территории Казахстана и Киргизстана, обнаружены следы кочевой культуры, указывающие на постепенное включение кочевников в оседлую и городскую жизнь. Так, например, раскопки городища Кош-Тюбе на р. Талас у Джамбула и «тепе» у селения Луговое показали органическую связь кочевников с оседлыми поселениями. Хозяйство тюркоязычных народов западной части тюркского каганата может быть охарактеризовано как оседло-земледельческое, так и кочевое скотоводческое и соединенное — земледельческое и скотоводческое.

Каганы, правители западной части тюркского каганата, подобно правителям юечжий — кушанам и эфталитам, носили титул—«джабгу» («ябгу») или в китайской передаче — «шеху». Политическая история тюркоязычных народов западной части каганата, запечатленная в китайских источниках, становится более известной с V и VI вв. со времени подчинения западных тюркоязычных народов восточными. Однако это подчинение не смогло оказать решающего влияния на ход исторического развития населения запада, в том числе на этническо-языковые отношения. Связь тюркоязычных народов Семиречья, Казахстана и Киргизстана со своими родичами — узбеками древнего Узбекистана, наложила существенный отпечаток на социальную, экономическую жизнь и на сложение этническо-языковой истории указанных тюркоязычных племен и народов. Конец VI в. является периодом политического упадка западной части каганата. К началу VII в. к власти в западной части каганата пришел Тун Ябгу, который не только восстановил распадающееся государство, но и перешел к широкому наступлению против Ирана. Тун Ябгу выступил в союзе с византийским императором Ираклием, по китайским сведениям, покорил значительную часть Ирана и проник вместе с хазарами на юг до Тбилиси.

Однако этот подъем был последним и кратковременным.

В состав западной части тюркского каганата, охватывающего территорию от Семиречья до Аму-Дарьи, входили наиболее крупные и наиболее известные нам племена и народы. Из них следует, прежде всего, указать на племена карлюков, занимавшие первоначально территории западного Алтая и Тарбаготая. Часть из них еще раньше проникла и осталась жить в Ферганской долине и Ташкентском оазисе, а некоторые карлюки проникли даже на территорию Тохаристана, Хорасана и вели борьбу (по сведениям Табари) с арабскими завоевателями в Хорасане в середине VII в. В этом отношении очень интересный факт сообщают историки IX—X вв. аль Балозари (или аль Белазури) и Табари: иранский правитель Иездегерд, отступая к восточным владениям иранского государства, прибыл в 651 г. к правителю богатого и столичного города Мерва — Махаю. Последний оказал Иездегерду большое внимание, обещал помощь против арабов не только своими войсками, но и силами балхских тюрков в Афганистане, во главе которых стоял Низак Тархан. Но затем правитель Мерва Махай коварно обманул Иездегерда[11]. Один из древних карлюкских центров — Қыялык локализуется в Восточном Қазахстане у села Қопал.

Другим крупным и более известным племенным объединением были халаджи, первоначально занимавшие пространство от Семиречья до р. Таласа. Часть из них раньше и во время похода тюрков на запад, в сторону Хорасана проникла на территорию древнего Узбекистана и осталась жить там, особенно в обширном Ташкентском оазисе, Ферганской долине, а некоторые из них в Самаркандской и Кашкадарьинской областях. Отсюда халаджи частично проникли в Афганистан.

Третьим крупным, известным еще в древнейшие времена, даже по сведениям Авесты, племенем были кангли, которые жили с древнейших времен под названием кангх и кангуй на обширной территории от Қазахстана, Киргизстана и до Узбекистана включительно. Известная часть их жила и в Ташкентском и Хорезмийском оазисах и Ферганской долине.

Следующим крупным племенным объединением были тюргеши, игравшие весьма большую роль в западной

части тюркского каганата в конце VI и VII в. Тюргеши первоначально жили к югу от озера Балхаш у заилийского Алатау, в восточной части Александровского хребта и Кунгой Алатау, а затем некоторая часть их проникла на территорию Казахстана и Ташкентского оазиса. О их поддержке в борьбе тюркоязычных народов Мавераннахра с арабскими завоевателями часто упоминают историко-географические источники IX—XII вв. Ставка тюргешского ябгу находилась, как сообщают китайские источники, в частности Сюань-Цзян, на горе Цзе-дань,— по всей вероятности, местность в районе Кастекского перевала по дороге из Фрунзе в Алма-Ата.

Племена чиглы первоначально жили у озера Иссык-Куль, часть из них — по берегам р. Таласа, а затем на землях территории Казахстана до его западной части. Отсюда они проникли в Ташкентский оазис и в Афганистан, о чем упоминают источники IX—XII вв. К югу от озера Иссык-Куль жили крупные племена ягма. Эти племена жили и в бассейне рек Талас и Чу и оттуда до верхнего течения Чирчика, Чимкента и Сайрама.

По указаниям источников, в 40-х годах VII в. во времена правления хана Шаболо-Хилиги тюркоязычные племена западной части тюркского каганата были разделены на десять частей. Пять из этих племен под именем «дулу» жили к востоку от р. Чу, и пять племен под названием «нушеби» населяли территорию, расположенную на восток от р. Чу, занимая земли, примыкающие к долине Таласа.

Таким образом, кроме тюркских племен, значительная часть которых ассимилировалась с тюрками Мавераннахра, большая часть вышеперечисленных племен жила и продолжала жить еще в VIII—X вв. в районах рек Таласа, Чу, Чирчика, примыкая к Ташкентскому оазису.

О них часто упоминают почти все историко-географические и лингвистические источники. Часть племен, жившая на территории Мавераннахра, установила здесь свою политическую власть и простирала ее даже до Тохаристана, как об этом свидетельствуют сообщения Сюань-Цзяна. Проезжая в 630 г. через Тохаристан, Сюань-Цзян отметил в районе нынешнего Кундуза ставку здешнего тюркского шада или ябгу, наместника западной части тюркского каганата в Тохаристане, от

которого, кажется, ведут свое происхождение тохаристанские ябгу и с которыми впоследствии пришлось иметь дело арабам.

В этом отношении очень ценные сообщения дает аль Балозари. В своем произведении «Китаб футухул-булдан» он пишет о борьбе афгано-балхских тюрков, во главе которых стоял ябгу Низак Тархон, убитый Кутайбой ибн Муслимом в 709 г.[12] Как проникли сюда афганские тюрки, с какого времени жили — об этом аль Балозари нам ничего не говорит, но он называет их жителями Балха и других частей Афганистана, участвующими в борьбе против арабских завоевателей.

Следовательно, по сообщению аль Балозари и других авторов, тюрки жили в Афганистане и Мавераннахре уже в древние времена. Можно думать, что эти тюркоязычные народы были и кушанско-эфталитского происхождения.

В «Китаб футухул-булдан» аль Балозари пишет: «После поражения при Нахавенде в 642 г. Иездегерд III направился в Хорасан. Когда же он прибыл на границу (округа) Мерва, его встретил Махайе, со знаками уважения и почтения. К нему (Иездегерду) прибыл Низак Тархон[13], и он (Иездегерд) принял его, подарил ему почетное платье и почтил его. Низак пробыл у него месяц, потом уехал и написал ему письмо, сватаясь за дочь Иездегерда. Это рассердило Иездегерда и он сказал (Махайе): «Напишите ему: ты только раб из рабов моих, что дало тебе смелость свататься ко мне...?» Махайе написал Низаку, возбуждая его против него (Иездегерда) и говоря: «Это тот, кто прибыл разбитым изгнанником и ты облагодетельствовал его, (желая) чтобы вернулось к тебе царство, (и вот) он написал тебе то, что написал, и они сговорились убить его (Иездегерда). Низак с тюрками[14] приблизился и остановился в аль-Джунабиде[15], они сражались. Тюрки оказались в равной силе (с ними), затем судьба повернулась против Иездегерда, его люди были убиты, и был разгромлен его лагерь. Он (Иездегерд) приехал в Мерв и ему не открыли (ворот), он слез с лошади и шел пешком, пока не дошел до дома мельника на Мургабе[16]. Говорят, что Махайе, когда узнал, что с ним случилось, он тайно послал к мельнику и велел ему убить его (Иездегерда), он убил его...»[17]. Далее аль Балозари рассказывает, что

халиф Сулайман послал правителя Ирака Иезда в Хорасан с целью укрепления власти халифата, но когда он появился в Хорасане, тюрки во главе с Сули вели ожесточенную войну против них. В одном из сражений Сули был убит, 14 000 тюрков попали в плен[18]. Все эти сведения, о чем говорили мы выше, еще раз свидетельствуют о том, что тюрки жили и считались основным населением Мавераннахра, Хорезма и даже главных частей тех территорий Хорасана, куда входили районы Туркменистана и Афганистана. Крайне любопытно указание китайского источника о деятельности уже упомянутого Дулу-хана, который во время одного из походов на территорию древнего Узбекистана против племени кангуй, «разбил их, всех пленных взял себе и не уделил подчиненным. Полководец его Нишу-чжо рассердился и отнял свою часть». Таким образом, вся территория нынешнего Узбекистана входила в состав каганата. Говоря об этом, А. Ю. Якубовский пишет: «К середине VI в. нашей эры кочевые иранцы уже ушли с территории Средней Азии. Культурное население долины Зеравшана и, по-видимому, нижнего течения Аму-Дарьи (хорезмийцы) перешло под власть образовавшейся империи тюрок»[19]. Вероятно, отдельные группы иранских племен были вытеснены из бассейна рек Зеравшана и Аму-Дарьи, но представители ирано-персидских завоевателей, как колонизаторы, осевшие в городских кварталах и окрестностях городов, еще в течение многих веков оставались здесь и временами играли большую роль в общественно-политической и культурной жизни народов страны.

Одной из целей завоевательных походов тюрков было добывание рабов. Несмотря на то, что в западной части каганата, включавшей и территории древнего Узбекистана, господствовал ранний этап феодальных отношений, рабский труд применялся в земледелии и ремесленном производстве. Не случайно поэтому китайский путешественник Сюань-Цзян, проезжая по владениям хана западных тюрок, отмечал многочисленные поселения, подвластные хану (или ябгу), платящие ему дань и работавшие на его род и на его земле. Сам хан, сохраняя кочевой характер своей ставки, с помощью войск держал в подчинении население сел и городов. Сюань-Цзян указывает на множество поселений, жители кото-

рых занимались земледелием. Эти сведения подтверждаются данными археологических раскопок, произведенных советскими учеными на территории Семиречья, Казахстана и Узбекистана.

Когда в середине VII в. на территории Средней Азии появились первые отряды арабских захватчиков, им противостояли лишь разрозненные города-государства, в которых жили тюркоязычные племена, предки узбеков и частично таджиков.

Во главе городов-государств стояли знатные люди, представители коренных тюркоязычных народов страны и представители тюркоязычных родственных им народов из западной части тюркского каганата. Историко-географические источники IX—X вв., в том числе Наршахи в своем «Тарихи — Бухара», рассказывают, что во время нашествия арабских завоевателей правительницей Бухары и бухарского владения была женщина по имени Хатун. Этот факт свидетельствует о том, что в течение VII—VIII вв. произошло смешение коренных жителей тюркоязычных и частично таджикских народов со своими родичами, одноязычными племенами, пришедшими сюда из Казахстана, Киргизстана и Семиречья, то есть из западной части каганата.

Приток новых тюркоязычных народов и племен на территории древнего Узбекистана, оседание и смешение пришлых племен с местным тюркоязычным населением еще больше пополнили прежний этническо-языковый состав местных народов и тем самым обеспечили необходимые предпосылки не только для ассимиляции, но и воплощения новых этническо-языковых элементов в устойчивые этнические единицы предков узбекского народа. Именно поэтому мы остановились на краткой истории тюркоязычных народов тюркского каганата, особенно его западной части.

В течение VII—VIII вв. происходило дальнейшее формирование узбекского народа на собственной его территории. Следовательно, четвертый этап образования узбекского народа, охватывающий время примерно с VI по VII—VIII вв., является решающим этапом для формирования узбекского народа, так как в течение этого этапа создавались все необходимые исторические предпосылки как географическо-экономические, культурно-политические, так и этническо-языковые. Эти пред-

посылки выражались в более интенсивном развитии этнических и языковых процессов, в результате которых в VII и VIII вв. был завершен первый этап комплекса этнического единства предков узбекского народа.

Решающим условием для ближайших предпосылок к образованию узбекского народа является существование на территории древнего Узбекистана развитых сел и городов-государств и переход многих племен от кочевого образа жизни к оседлости, так как при оседлом земледельческом и ремесленном производстве и коллективном труде народных масс, при более развитой экономической базе почти стирается родовое и племенное деления. Очевидно, именно этим объясняется то, что источники IX—XII вв., говоря об истории Мавераннахра и других районов Средней Азии и отмечая роды и племена, которые поселялись в степных и земледельческих районах за пределами крупных городов и сел, не упоминают родов и племен таких, например, культурных центров как Илака, Сайрама, Ташкента, Ходжента, Ферганы, Маргелана, Андижана, Оша, Узкента, Самарканда, Бухары, Кеша, Нахшаба и других. Этот факт еще раз свидетельствует, что жители городов и сел почти не разделялись на роды и племена и, по-видимому, племенное разделение как таковое уже исчезло, но могло еще быть как остаточное явление.

Этот факт, а также пополнение складывавшегося этническо-языкового образования новыми этническими элементами или группами, считается решающим условием для образования узбекского народа. В этом отношении значительную роль играет освещение территориального расположения населенных пунктов и городов-государств, большинством населения которых были тюркоязычные предки узбекского народа.

Территория древнего Узбекистана во времена тюркского каганата представляла значительную область культурных оазисов Средней Азии. Каждый оазис и значительная долина выступают в качестве самостоятельного или полусамостоятельного государства, центром которого являлся более или менее значительный город. Нередко более мелкие территориальные единицы выступали в качестве маленьких государств на правах конфедерации объединяющихся с соседними царствами в более круп-

ные. Так, Согдиана, в основном, охватывала бассейн Зеравшана от Пенджикента до Кермине. Западная часть долины Зеравшана и ее низовья составляли почти самостоятельную конфедерацию небольших городских царств с Бухарой во главе. Долина Кашка-Дарьи с центром в гор. Кеше также выступает в качестве самостоятельной конфедерации. Число владений в Самаркандской и Кашкадарьинской областях еще в первой половине V в. по данным китайских источников не превышало 16. Характерно, что Самаркандское владение китайскими хрониками впервые упоминается только в V в. Недалеко от Самаркандского владения, в расстоянии 8—9 км, китайцы упоминают владение Маймург, владетель которого был одним из сильных правителей, пославший в 451 г. самостоятельное посольство в Китай. К северу от Самарканда находились владения Кабудамджкет, лежавшее между Джиданом и Ходжентом и Сумрушана (или Усрушана). Ниже по Зеравшану, к северо-западу от Самарканда, лежало владение Иштихан. Недалеко от Иштихана находилось владение Кушания. В бассейне Кашка-Дарьи — владения Кеш (ныне Шахрисабз) и Нахшабн (ныне Карши). На западе от Кермине лежало независимое объединение с центром в Бухаре. Это была совокупность небольших владений. Ферганская долина, вместе с ее левобережной нижней частью и небольшим государством Ходжентом составляла конфедерацию городов-государств, центром которых являлся тогда Косон.

В период арабского завоевания в Ферганское государственное объединение входили города Аксикент, или Ахсикент[20]; Андухан, или Андукан[21]; Маргинан[22], Ош, Узкент, Сугнак и многие другие с примыкающими к ним культурными районами. Ниже по р. Сыр-Дарье простирался охватывающий долину р. Чирчика Ташкентский оазис. По долине р. Чирчика находилась область Шаш со столицей в Бинкенте[23]. Накануне нашествия арабских захватчиков область Шаш (Шашский оазис) доходила на северо-востоке до долины верхнего Таласа, на юге — до Карамазара, Ангрена и Алмалыка, на западе — до берегов р. Сыр-Дарьи. В главном городе долины Таласа — Таразе шашский царь держал свой гарнизон. К югу от области Шаш между ней и Ферганой находилась небольшая союзная с Шашем область Илак с центром в Тункете, охватывающая бассейн р. Ангрена. Владения,

расположенные ниже по Сыр-Дарье, до арабского завоевания слабо освещены источниками. Однако историко-географические сведения IX—XII вв. позволяют не только говорить о существовании там цветущих культурных районов, но и заключить, что после арабского завоевания они пришли в некоторый упадок. В бассейне р. Арысь образовалось Исфинджабское государство с центром в Исфиджабе, или Исфинджабе. Недалеко от Чимкента, на месте нынешнего населенного пункта Сайрам образовался город Сайрам и далее от него город Сугнок. Ниже по Сыр-Дарье находилась область Отрара с центром в Фаробе, имевшая в эпоху арабского завоевания своих царей.

В нижнем течении Аму-Дарьи, как и раньше, было самостоятельное государство Хорезм. Сведения всех источников дают возможность предположить наличие в Хорезме значительной политической централизации. Центром Хорезмийского государства являлся город Кят, расположенный на правом берегу Аму-Дарьи. Важнейшим городом левобережного Хорезма был Ургенч, или Джуржания, по историко-географическим источникам IX—XII вв.

Указанные культурные оазисы были окружены длинными укрепленными стенами. Наиболее древней стеной в нашей стране была стена Дивари Кыямат[24], которая ограждала культурные земли Самаркандской области, остатки ее носят и в настоящее время это название. Другая стена окружала Ташкентский оазис. Следы ее в некоторых частях видны даже и сейчас. Бухарский оазис также был окружен длинной стеной, известной впоследствии под именем Кампыр Дувала, построенной, по сведениям Наршахи, во второй половине VIII в. Остатки стены были исследованы советскими археологами, пришедшими к выводу, что, расположенные по системе Кампыр Дувала, рабаты являются не только укреплениями для обороны, но и ремесленно-торговыми пунктами, где производился товарообмен между оседлыми и кочевыми жителями данного оазиса и окружающих районов.

Археологические исследования холма Кызыл-тепе в Бухаре выявили остатки сложного военно-гражданского архитектурного комплекса, и сам холм является остатком укрепленной башни, стены которой сходятся у Кампыр Дувала и рабата. Городище имеет в окружности 540 ша-

гов. В рабатах жили не только воины, но и ремесленники. Советские археологи пришли к выводу, что Кампыр Дувал построен в VIII в. Археологические исследования городища Шахри Вайрон, расположенного на север от Кызыл-тепе и входившего в систему Кампыр Дувала, относят его к числу крупных культурных и торговых центров и очень древних городов. Обследование двух рабатов Кызыл-тепе и Шахри Вайрон показало советской археологической экспедиции, какое огромное значение имели экономическо-торговые взаимосвязи внутри оазиса и связи с населением других оазисов.

Огромное значение рабатов в их связях можно видеть из самого строения, размеров и расстояния между селениями, которые тянулись от Кызыл-тепе до Абу-Муслим-тепе. Большинство селений, названия которых оканчиваются на «рабат», как например, Гор рабат, Булок рабат, Хон рабат были связаны с Кампыр Дувалом, составляя в его системе необходимые звенья. Большое внимание привлекает к себе большой холм, находившийся на самом берегу р. Зеравшана, на повороте под прямым углом стены Кампыр Дувала, которая отсюда тянется с запада на восток по левому берегу реки вплоть до селения Хазара. Исследования остатков Кампыр Дувала наглядно показывают, что эта стена, как и другие стены, были не просто укрепленным валом, а целой системой укреплений, в состав которых, кроме стены, входили еще и рабаты, даже такие укрепленные шахристаны (города), как Шахри Вайрон, Абумуслим-тепе, выстроенные еще задолго до прихода арабов. Мавераннахр, Хорезм и другие части нынешнего Узбекистана еще до VIII в. имели большое число городов, из которых мы упоминаем самые известные, игравшие большую роль в общественной жизни народов: Самарканд, Кушания, Арбинджан, Дабусия, Кармана, или Кермине. Пенджикент, Несеф, Кеш (Шахрисябз), расположенные в долине р. Кашка-Дарья, Термез — на берегу Аму-Дарьи, все они находились в Согдиане, то есть на территории нынешних Самаркандской и Сурхандарьинской областей. В Бухарском оазисе были города Бухара, Пайкенд, Вардана, Варахша, Рамитан; в Хорезмском оазисе — Тававис, Кят, Хива, Хазарасп, Замахшар, Ургенч; в Ферганской долине — Фергана, Касан, Ахсикет, Маргилан, Андижан, Ош, Узкент; в Чачском, или Шашском оазисе — Сайрам, Чимкент,

Искандер, Карамазар, Алмалык, Ангрен, Илак, Бенкент, Отрар, Фараб и многие другие.

Эти города принадлежали различным эпохам. В них мы видим почти все известные нам современные узбекские города. Именно здесь складывались этнические основы и этническо-языковое единство не только предков, но и нынешнего узбекского народа.

В. В. Бартольд, интересовавшийся историей древних среднеазиатских городов, приводит данные Сюань-Цзяна: Самарканд имел в окружности 10 ли (ли—1,3 км). Возможно, это преувеличение, так как площадь городища Афросияба (древнейшего Самарканда) равна 430 кв. сажен. Чаё имел по Сюань-Цзяню в окружности 10 ли (3—4 км), Талас (Джамбул) занимал площадь около 7—9 ли, то есть 3 км в окружности. Касан, главный город Ферганы — 4 ли. Шахристан Пайкенда, о котором рассказывают Табари и Шаршахи, имел всего 1356 м в окружности, Бухарский шахристан занимал площадь в начале VIII в. 30—35 га. В основе большинства старых городов лежал крупный дехканский замок. Несомненно, что известная часть больших дехканских замков в силу ряда причин превратилась в центр той или иной местности, около них стали формироваться феодальные города. Почти все старые шахристаны имеют внутри своих стен еще так называемые «кала» или «кухендиз»,— укрепленный замок владетеля, термины, которые введены арабско-персидскими историко-географическими источниками IX—XII вв. О таких кухендизах более подробные сведения сообщает нам Наршахи в «Истории Бухары».

Анализ данных историко-географических источников IX—XII вв. и научно-исследовательских работ, собранных за последние годы археологических материалов позволяет со значительно большей полнотой восстановить картину расположения населения по городам-государствам, их экономику, культуру и т. д. Как мы говорили выше, для формирования тюркоязычных племен в узбекский народ, решающей предпосылкой, кроме географического расположения, наличия населенных пунктов и городов-государств, является экономика, общественно-политический строй, культура, уровень этнических процессов и язык народа. Именно поэтому мы считаем необходимым остановиться на этих вопросах.

В VII и в начале VIII вв. Средняя Азия, в том числе и древний Узбекистан, представляла собою цветущую и культурную земледельческую страну, с весьма развитой оросительной сетью, не уступающей оросительной сети позднего времени. Главные оросительные системы опирались на грандиозные судоходные каналы, построенные еще до арабского завоевания и позволяющие крупным речным судам проникать в глубь страны. До VIII в. страна знала в основном те же сельскохозяйственные культуры, что и в средневековье: кукурузу, пшеницу, просо, ячмень, люцерну, хлопок, виноград, огородные растения, в том числе дыни, арбузы, плодовые деревья — абрикосы, яблоню, грушу, айву, вишню, сливу, тутовое дерево и другие. Вместе с основной отраслью хозяйства — земледелием, пастушеским скотоводством, разводились кони, крупный и мелкий рогатый скот, домашняя птица и т. п.

Не менее высокой ступени развития достигло и ремесленное производство, характеризуемое письменными памятниками IX—XII вв. Была развита горнорудная промышленность, главным образом, в горной части страны. Китайские источники говорят о добыче в горах Ферганы и Согда, в Ташкентском оазисе, в районах Ангрена, Карамазара, Алмалыка и других районах Илакской области — золота, серебра, нефрита, нефти и других полезных ископаемых, более известных и распространенных в средние века и новейшее время. Серебряные рудники Илака, медные копи Карамазара, разработки лазурита давали обильную продукцию для ремесленного производства.

Селения в окрестностях крупных городов древнего Узбекистана — Шаша, Самарканда, Бухары и других славились прекрасными образцами гончарного, металлургического, кузнечного производств и особенно замечательными тканями. Высоко стояло и стекольное производство. Интересно отметить, что китайцы научились изготовлять стекло у среднеазиатских ремесленников. По данным Вэе-Ши в 424 г. купцы, приехавшие в Китай из древнего Узбекистана, по поручению китайского императора Тайву, обучили около 100 китайских мастеров стекольному делу. До этого стекло в Китае считалось большой редкостью и высоко ценилось. Много образцов хорошей стеклянной посуды, относящейся к древнему

периоду, найдены при раскопках городища Афросияб в Самарканде и других районах.

Города и села на территории древнего Узбекистана мало напоминали те средневековые среднеазиатские города, которые сложились в IX—X вв., в период правления Саманидов и Караханидов, сохранившие основные черты в Узбекистане почти до эпохи социалистической реконструкции.

На площади, окруженной кольцом мощных глинобитных оборонительных сооружений и пересеченной арыками, находились, окруженные садами и посевами, укрепленные усадьбы живущих в городе дехкан. Такой же тип расселения отдельными укрепленными усадьбами мы встречаем и за пределами городских стен: в примыкающей к городу культурной области, в так называемых рустаках (сельских округах). Разница между ними заключается лишь в большей или меньшей густоте расположения построек, в удельном весе ремесел по сравнению с земледелием и в политической роли совокупности усадеб в жизни рустака. Те населенные пункты, которые среднеазиатсковосточные источники именуют деревнями, имели также кольцо оборонительных стен, цитадель правителя, храмы и рынки. В этом отношении очень интересно сообщение китайского историка династии Тан, который насчитал в области Самарканда 30 больших городов и 300 малых укрепленных поселений, в маленьком владении Харкана — 30 городов и до 100 укрепленных селений, в Фергане — 6 больших и около 100 малых городов, а известный географ XI в. Мухтар аль-Макдиси (аль Мукаддаси) указывает на существование в Фергане 40 городов и укрепленных селений. Этот специфический городской облик находит свое убедительное утверждение в тесной взаимосвязи между кочевыми племенами степи и гористых районов с оседлым тюркоязычным населением оазисов.

Здесь мы видим свидетельство оживленного обмена между оседлым и кочевым населением, который очень рано породил потребность в развитии центров товарообмена и создания городского ремесленного производства. С другой стороны, ввиду нарушений мирной формы товарообмена частыми нападениями кочевых племен, возникла необходимость в укреплении наиболее населенных районов страны.

В общественной жизни большое значение имели «замки». О сотнях и тысячах таких замков рассказывают историко-географические источники IX—XII вв. Например, по сообщению известного автора X в. Истахри, в одной Бухаре и непосредственно примыкающем к ней рустаке в IX—X вв. только на четырех из 12 городских арыков находилось 4000 замков. В небольшой области Усрушана, по данным историка и географа IX в. Якуби, было 400 замков, а в рустаке сравнительно небольшого города Миздахкана в Хорезме — 12 000 замков. Благодаря работам хорезмской археологической экспедиции Института истории материальной культуры в 30—40-х гг. XX в., возглавляемой С. П. Толстовым, мы имеем убедительное представление о древнем замке, гораздо более полное, чем это имели по письменным источникам. В Хорезме и Каракалпакской АССР, особенно в правобережном Хорезме, археологической экспедиции удалось исследовать несколько оазисов, опустевших еще около VIII в., архитектурные сооружения, которые довольно хорошо сохранились. Вокруг развалин крупной крепости Беркут-кала находился мертвый оазис, пересеченный высохшими оросительными каналами и защищенный с севера крепостью Уй-кала и с юга Тыш-кала, площадь которого равна 10—12 кв. км. На ней расположены около 60 хорошо сохранившихся небольших укреплений, вроде «замков», сообщаемых источниками IX—XII вв. Один «замок» от другого отстоит примерно на расстоянии 100—200 метров. Каждый «замок»— усадьба обнесен массивной и высокой глинобитной стеной, окружающей двор размером в среднем 30×40 м. Вдоль стен внутри двора имеются остатки жилых и хозяйственных построек. Весь облик инвентаря, найденный в «замке», позволяет прийти к выводу, что в «замке» жили крупные богатые земледельческие семьи. Кроме них, было свободное земледельческое население, жившее большими семьями в укрепленных усадьбах. Именно обитатели таких укрепленных усадеб по социальной терминологии того времени назывались «кед» или по-тюркски «эль». По В. В. Бартольду этот термин означал дом в более обширном смысле. В это понятие, кроме жилища главы дома, входили жилища его сыновей и других родственников, хозяйственные постройки, которые находились внутри общей ограды. Работы хорезмийской архе-

ологической экспедиции выяснили и другой термин, часто встречаемый в письменных источниках IX—XII вв.—«кешк», означающий «башня». «Кешк» часто упоминается источниками при описании среднеазиатских поселений. Например, мы встречаем в источниках 700 «кешк», воздвигнутых в окрестностях Бухары бухарскими купцами. По сведениям Наршахи, вокруг таких «кешк» были расположены жилища клиентов и рабов, сады и поля их обитателей. Следовательно, мы можем сделать вывод, что основной общественной ячейкой этой эпохи являлся «эль», по местному названию и встречаемый у тюркоязычных народов, в том числе на территории нынешнего Узбекистана.

Большесемейная дворовая община племенного союза кед или эль означала затем народ, страна. В состав эля — кеда входили не только близкие члены семьи бега-кедхуда — главы семейной общины, пользовавшегося большой властью, но более или менее отдаленные родственники, а также клиенты, то есть бедняки, не имеющие своего хозяйства и вынужденные искать покровительства у состоятельного бега — кедхуда на правах неполноправного приемного члена семейной общины. Такая категория обитателей эля-кеда носила название будункедивер, что значит народ. Свободное земледельческо-кочевое население, названное будуном или кедивером, являлось основным населением страны и имело свою личную собственность в виде земли и скота. Термин «будун» в источниках IX—XII вв. часто сопровождается эпитетом черный, то есть «кара-будун»—«черный народ». В составе эля-кеда жили рабы, используемые в земледелии и скотоводстве. Упоминания о рабах мы встречаем в древнетюркских текстах и текстах историко-географических и лингвистических произведений авторов IX—XII вв., написанных на персидско-арабском языках и на языках тюркоязычных народов Средней Азии.

Над рядовым населением, обитавшим в небольших укрепленных усадьбах и называвшимся дехканами, поднималась могущественная земледельческая аристократия. Представители ее, называвшиеся также дехканами, как и свободное население, стояли во главе своих элей-кедов и владели огромными богатствами, плодородными землями, скотом, ремесленными производствами, рабами и клиентами. Их материально-экономическое могущество яв-

лялось базой для политической власти над окружающим населением общины. Рядом с дехканами стояла могущественная купеческая аристократия, по существу мало отличавшаяся от дехканской знати, ибо купцы также владели огромными плодородными земельными участками, имели рабов и кедиверов, жили в «кешках».

Как явствует из китайских источников, в западной части тюркского каганата, куда входила и древняя территория нынешнего Узбекистана, а также из историко-географических и лингвистических источников IX—XII вв. семья, игравшая важную роль в общественном строе того времени, называлась «ойла», а на территории Казахстана и Киргизстана — «аркагун». Старшего сына в семье называли «ага», впоследствии — «ока», или «ака», а младшего сына называли «ини», впоследствии —«ука». Сыновей называли «оглон», или «огул», дочерей — «кыз», а женщин — «хотун», или «хотын», или «катун», невесту — «келин»; зятя «кудага», или «куев» и т. д.

Развитие внутренней и внешней торговли имело крупную роль в поднятии экономики и культуры страны. Влиятельность и многочисленность купеческого общественного слоя, отмеченные выше, находят свое объяснение в исключительно развитом торговом обмене между оседлым и кочевым населением страны и среди самого населения оазисов, а также и в крупной транзитной торговле между Ираном, Индией, Китаем и Восточной Европой, пути которой проходили через Среднюю Азию. Источники особенно отмечают многочисленные купеческие города на территории нынешнего Узбекистана, из них: Пайкенд, Бухара, Хорезм, Фергана, Самарканд, Шаш и другие.

Хроника династии Хань сообщает о путешествиях хорезмийских, самаркандских, ташкентских купцов в различные государства. О ремесленном слое населения источники того времени почти ничего не говорят, но произведения искусных рук ремесленников дошли до нас через археологические раскопки. Есть основания предполагать, что в ремесленном производстве в значительной степени был использован труд рабов, которые жили и трудились для своих хозяев: знатных дехкан, купцов и других.

Ремесленники в VII—VIII вв. составляли значительные слои городского населения, они даже занимали особые кварталы, из которых формировались целые ремесленные предместья — рабады. Мы должны отметить

наличие рынков у стен городов, храмов и монастырей различных культов почти по всей стране. Из религиозных культов следует указать на зороастрийский культ, буддизм, манихейство и христианство нестерианского толка (последнее было, очевидно, распространено еще греко-македонцами при Селевкидах).

Памятники изобразительного искусства до арабского завоевания на территории нынешнего Узбекистана также позволяют высказывать убеждение о высоком уровне художественной культуры тюркоязычных народов. Прекрасные терракотовые статуэтки Афросияба, скульптурные украшения погребальных ящиков-остаданов, обнаруженные советскими археологами, хорошо известны специалистам. Анализ изображений на хорезмийских и других монетах позволил установить происхождение ряда серебряных монет и серебряных чаш. На монетах изображены правители страны, а чаши хранят на себе изображения царей, всадников, божеств и т. п., являя образцы реалистического искусства древнего Узбекистана, в том числе Хорезма.

Археологические исследования старинных памятников дают возможность констатировать известное развитие архитектуры, установить образцы весьма своеобразного архитектурного стиля этой эпохи. Он отличается типичной обработкой поверхности стен над цоколем в виде полуколонн, соединяющихся сверху полукруглыми арочками. Замковый тип поселения, оборонительные сооружения, массивные цоколи центральных высокоподнимающихся башен создают весьма характерный архитектурный облик древнего Узбекистана, суровые и простые формы которого сочетаются с конструктивной целесообразностью.

Одним из проявлений сложности культурной жизни тюркоязычных народов до арабского завоевания является наличие нескольких религиозных систем, представляющих идеологию различных слоев населения. К древнему зороастрийскому культу и буддизму, широко распространившихся на территории нынешнего Узбекистана, уже в первые века н. э. присоединяется манихейство, проникшее из Ирана в III в. н. э., как сектантство внутри зороастризма. Напряженная и крайне острая борьба различных вероучений говорит нам о сложности и напряженности социально-политической борьбы в древнем

Узбекистане, вскрытие которой является предметом специального исследования. Таким образом, народы древнего Узбекистана в социально-экономическом и общественно-культурном развитии накануне арабского завоевания стояли гораздо выше, чем сами завоеватели.

О высоком уровне развития культуры в описываемый период свидетельствует значительное развитие письменности и литературы. Сведения о письменности этой эпохи, о чем мы говорили выше, полнее, чем данные о предшествующем периоде. Можно различать три вида письменности: 1) согдийский, 2) хорезмийский, 3) рунический — распространенные среди широких слоев населения на территории нынешнего Узбекистана. Особенной популярностью среди населения Ташкентского оазиса, Ферганской долины и других районов страны пользовался рунический вид письменности. Это письмо превосходило как согдийское, так и хорезмийское, по так называемому арамейскому алфавиту, претерпевшему существенные изменения.

Аль Бируни сообщает о древнехорезмийских самобытных хрониках и религиозных трактатах, написанных хорезмийским письмом. Язык тюркоязычных народов являлся продолжением и развитием в новых условиях того древнего языка и наречий тюркоязычных племен, о которых мы говорили выше. Несмотря на смешение местного языка и его наречий в своем длительном историческом развитии, он не только сохранил свою самобытность, отличие от других языков и свои специфические особенности, но и впитал в себя много слов, терминов и наречий соседних тюркоязычных народов, отдельные слова, термины языка иностранных захватчиков и тем самым расширил словарный фонд и укрепил языковую особенность и состав, создавая новые условия для дальнейшего развития.

Судьба древних тюркоязычных народов на территории нынешнего Узбекистана привела к большому и серьезному смешению и усовершенствованию их этнического и языкового состава. Они вобрали в себя также этнический и языковый состав некоторых ираноязычных племен и народов (я имею в виду здесь согдийские, таджикские народы), а также других оседлых и кочевых народов прилегавших областей Средней Азии.

Если в первом этапе истории этногенеза предков узбекского народа, в его этнический состав входили, главным образом, коренные жители древнейшей территории Узбекистана — саки, их рода и племена, массагеты и другие, то на втором этапе этнический состав предков узбекского народа пополнился тюркоязычными родами и племенами, такими, как юечжи-кушанцами, тохарами и связанными с ними другими племенами. В третьем и четвертом этапе своего развития в этнический состав предков узбекского народа вошли многочисленные тюркоязычные племена эфталитов, а также канглы, карлюки, чигли, халадж, частично уйгуры и ряд других тюркоязычных племен. В течение VII—VIII вв. эти племена, несмотря на колониальную политику арабских захватчиков, в некоторой степени мешавшую дальнейшему усовершенствованию этнического состава, еще больше сроднились между собой, ассимилировались со своими родичами. Усилился и углубился процесс их сращения.

Тюркоязычные народы, получившие земли и жившие в Мавераннахре и остальных районах нынешнего Узбекистана, балхские тюрки и тюрки, жившие в районах нынешнего Туркменистана, женились на дочерях местных тюркоязычных жителей, в свою очередь жители Мавераннахра заключали браки с женщинами прибывших тюркоязычных народов, в том числе с женщинами племен карлюков, канглы и других. Эти браки закрепляли установленные родственные узы и создавали еще более благоприятные условия для слияния обеих групп в единый этническо-языковой состав. Все эти обстоятельства, несомненно, привели к тому, что этническое единство местного тюркоязычного населения, претерпевшего к тому времени неоднократные смешения, ассимиляцию и скрещивание с другими народами, было неоднократным, предки узбекского народа вобрали в себя частично и другие народы.

Как мы говорили выше, новыми племенами, пополнившими и расширившими прежний этническо-языковой состав тюркоязычных народов на территории древнего Узбекистана, были канглы, карлюки, чигли халадж, уйгуры и другие, и входившие в их состав рода и племена, прибывшие сюда из соседних районов Казахстана, Киргизстана, Семиречья. Эти новые племена в течение

VI—VII и VIII вв. укрепили и расширили этническо-языковой состав тюркоязычных народов. В течение VI—VII вв. тюркоязычные народы стали относительно монолитными в смысле этнического единства, превратили свой язык в мощное средство для общения людей труда между собой и сделали его отчасти государственным и литературным языком.

Именно этим объясняется тот факт, что в VI—VII вв. появляются новые материалы, свидетельствующие об определенном этапе сложения языка, интересующего нас народа, выражающемся, прежде всего, в новом составе его словарного фонда, строения предложений, глагольной формы и т. д.

Мы приводим очень характерные отрывки из тюркского текста, idiyut nom bitigning ögmägin kuisan (kücän) tilintin barcug tilinca avirdoc;[25]
следующий отрывок: Kuisan (Küsan) tilintin toxri tilinca jaratmis... toxri tilintin türkca avirnis dsakrmabuda navtanamol nom bitig[26].

Как видно, в этих отрывках, главным образом, содержатся староузбекские, каракалпакские, казахские, киргизские слова. Большинство слов соответствует нынешним узбекским словам, глагольным формам, построению фразы, структуре предложения. Для подтверждения сказанного мы можем привести несколько примеров из словарного состава:

нома — письмо;
битиг — написали письмо;
тил — язык;
борсук, бори — волк;
яратмиш — переводить, перевести;
туркча — по-тюркски;
эль — племенной союз, община, народ, страна;
ябгу — титул главы, правителя;
бег — глава общины, а позднее военачальник, правитель владения;
будун — свободные земледельческо-кочевые населения, народ;
кора-будун — черный народ, то есть зависимый народ, человек;
кора — черный;
кул — раб;
киши — человек;
дехкан — крупный землевладелец, а позднее крестьянин;
оила — семья;
ога — старший, так называли в семье старшего сына;
ини — младший брат, младший сын отца;
оглон, затем *огул* — сын или сыновья;
кыз — дочь;
хотун, котун, или *хотын* — женщина;
келин — невеста;
куёв — зять;
Гульзариюн — название р. Сыр-Дарьи;
Тирек — по В. В. Бартольду — название р. Чирчика;
Маймург — название города в бассейне Зарафшана;

карлюк, халадж, кангли, чигли и др.— названия племен тюркоязычных народов;
соч — волос;
тери — кожа;
Тагри, или *Тангри* — бог;
Тагри-Тангри ёр — бог в помощь;
от — имя, лошадь;
ой — месяц, *кун* — день;
мома — бабушка;
таш — камень;
бош — голова;
ола — упоминается Наршахи в качестве одних из ворот г. Бухары;
чоп, или *чоб-чуб* — дерево, палочка, которые упоминаются Наршахи при описании Шахристана г. Бухары, например, «чуб-и-боколон» — деревянные лавки.

Очень важным является сообщение аль Бируни о календарных, исторических и других терминах тюркоязычных народов, в том числе, употреблявшихся с древнейших времен тюркоязычными народами Мавераннахра[27]. Приведем из произведения аль Бируни «Осорул бокиа» названия месяцев:

улуг ой — буквально большой или великий месяц
кичик ой — маленький месяц
биринжи (биринчи) ой — первый месяц
иккинджи (иккинчи) *ой* — второй месяц
тортинжи (тортинчи) ой — четвертый месяц
бешинжи (бешинчи) ой — пятый месяц
олтинджи (олтинчи) ой — шестой месяц
ятинжи (еттинчи) ой — седьмой месяц
сакинфжи (саккизинчи ой) — восьмой месяц
токсинжи (токкизинчи) ой — девятый месяц
онинжи (онинчи) ой — десятый месяц

Кроме названия месяцев, аль Бируни приводит название годов:

сичкон (сичкон) — мышь;
барс (йолборс) — тигр;
тафишгон, или тавишгон (тавишгон, каламуш) — крыса;
йилон (илон) — змея;
ит (ит, кучук) — собака;
тенгуз (тонгуз) — свинья.

Вышеприведенные слова свидетельствуют о сложении определенного словарного фонда старого узбекского языка путем эволюционного развития его основы. В течение VII—VIII вв. и далее происходит дальнейшее расширение словарного фонда языка, упрочение его диалектов и наречий. Решающую роль при этом играла

ассимиляция многих кочевых тюркоязычных племен и их срастание с оседлыми сельско-городским тюркоязычным населением, ассимиляция и срастание с ними согдийско-тюркских народов Самарканда и Бухары, Поэтому, несмотря на колониальное господство арабских захватчиков VIII в., особенно вторая половина его, является периодом дальнейшего развития народов древнего Узбекистана. В борьбе против арабских колонизаторов тюркоязычные народы объединялись и представляли грозную силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этногенез узбекского народа имеет глубокую историю, так как первоначальные элементы узбекского народа появились еще в далекой древности. Начальные этническо-языковые элементы, как первые предки узбекского народа, возникали, смешивались, складывались в течение многих веков на своей собственной территории, главным образом, на ее двух частях: в бассейне нижнего течения Аму-Дарьи, в Хорезме, бассейнах Кашка-Дарьи, Сурхан-Дарьи, Зеравшана и Сыр-Дарьи и в другой части — в обширной территории Ташкентского оазиса, охватывающего районы от берегов Сыр-Дарьи до бассейна рек Таласа и Чу и Ферганской долины до Оша, Узкента, Сугнака.

Появление первоначального этнического элемента предков узбекского народа, как и других среднеазиатских народов, относится к третьему и второму тысячелетию до нашей эры, то есть ко времени первобытно-общинного строя, к возникновению кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой общин. В тот период создавались этническо-языковые группы, объединенные между собой родственными узами и коллективным трудом.

Первыми представителями этнических элементов узбекского народа и первыми предками их, как свидетельствуют письменные источники, надписи на памятниках, археологические раскопки и т. п., были древнейшие оседло-земледельческие и скотоводческо-кочевые коренные жители Хорезма, в бассейне нижнего течения Аму-Дарьи — хорезмийско-кангуйское и массагетское население, согдийско-сакское население Согдианы и бассейнов Сурхан-Дарьи, Кашка-Дарьи, Зеравшана, среднего течения Сыр-Дарьи, Чирчика, Нарына, Кара-Дарьи, Таласа, Чу, кангуйско-дайские и сакские племена обширной территории Ташкентского оазиса и Ферганской долины.

По своему этническо-языковому происхождению и этническо-языковому составу племена древнего Узбекистана, кроме ираноязычной группы, мало отличались друг от друга. Все они, оставаясь основными жителями страны, в процессе многовекового смешения и срастания составили в будущем единые этнические элементы. Население древней территории нынешнего Узбекистана по характеру своего занятия и по месту расположения делилось на части: оседло-земледельческие районы (бассейны указанных выше рек и долины, плодородные районы), где жители главным образом занимались земледелием, скотоводством, торговлей, ремеслами и т. д. В степных районах население занималось скотоводством и в зависимости от своего занятия вынуждено было кочевать.

Такими кочевыми племенами страны были саки, массагеты, даи, кангуй, или канглы и их многочисленные рода и ответвления. Часть этих племен была оседлой. Кроме занятия скотоводством они занимались торговлей, ремесленным производством.

Таким образом, в соответствии с различными историческими условиями в степной, оазисно-степной полосах, оседлых земледельческих оазисах образуются к первому тысячелетию до н. э. два типа хозяйства: скотоводческое, кочевое — в степях, оседлое земледельческое — в оазисах и речных долинах. Уже с древнейших времен сложилась здесь та особенность, о которой писал К. Маркс: «У всех с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их (племен — *М. Э.*) и продолжающимся кочевничеством другой части»[28].

Древнейшее население территории Средней Азии, которое называется различными источниками по-разному (в том числе саками и скифами до середины первого тысячелетия до н. э.) не было в этническо-языковом отношении монолитным, а представляло конгломерат различных родов и племен с разнообразными племенно-народными языками и наречиями. Сако-скифские языки были втянуты в тот сложный процесс племенных и языковых сближений, на основе которых сложились две группы языковых систем, одна из которых была системой языка тюркоязычных народов, а другая — ираноязычной системой.

При этом следует учесть, что согдийско-тюркские народы и известная часть ираноязычных племен обитали на одной территории в течение многих веков до н. э., в эпоху господства иранских колонизаторов. Но в VI в. н. э. и раньше, значительная часть их ушла из района бассейна Зеравшана и нижнего течения Аму-Дарьи, а известная часть их еще долго оставалась здесь.

Следовательно, бывшее иранское население, которое обитало здесь вместе с тюркоязычными народами, частично смешиваясь с тюркоязычными народами, вошло в состав предков будущего узбекского народа, а определенная часть оставалась здесь как иностранцы, не входя в этнический состав тюркоязычных народов. К числу таких обитателей древней территории нынешнего Узбекистана в первом тысячелетии до н. э., кроме персов, относятся греки, македонцы и так называемые бухарские евреи, которые поселились здесь еще в период господства в Средней Азии ассиро-вавилонских и сирийско-израильских правителей. Второй приток их в Среднюю Азию относится к эпохе арабского завоевания, третий — ко времени политического господства Тимура.

Из сведений античных авторов, в том числе Геродота, персидских клинописных надписей и других, а также по данным историко-археологической литературы явствует, что кочевые и оседлые племена, жившие в древнейшие времена на территории нынешнего Узбекистана, назывались общим собирательным именем «саки».

Саки жили и по всей Средней Азии и прилегающим к ней областям, начиная от восточной границы Ирана до Китая — Кашгарии. О них также сообщают китайские источники III—II вв. до н. э., называя племена се, или сэ. Слово «сак» подобно поздним «скифам»— общее название многочисленных народов обширной территории Востока и этим именем называются многочисленные роды, племена и народы, которые по этническо-языковому составу и признаку принадлежали к различным этническо-языковым группам. Следовательно, сакские племена по своему этническо-языковому составу не были однородными. По-видимому, саки, которые с незапамятных времен обитали на древней территории Узбекистана, в том числе в Ташкентском оазисе и Ферганской долине, как исконно-коренное население страны были тюркоязычными и лишь отчасти ираноязычно-согдийскими народами, так как античные авторы, персидские клинописные надписи, характеризуя иранский народ, саков выделяют и отдельно характеризуют их культуру, обычаи, язык, быт и другие, присущие им особенности.

Термин «сак» происходит от древнего персидского слова «саг». Саки, жившие на территории нынешнего Узбекистана, так или иначе входили в состав тюркоязычного народа и считаются первыми известными предками узбекского народа.

Возможно, что местные саки сыграли значительную роль в сложении предков узбекского и других народов Средней Азии, в том числе населения культурных оседлых оазисов страны — Хорезмского оазиса, Сурхан-Дарьи, Кашка-Дарьи и Самарканда, Ташкентского оазиса и Ферганской долины. Можно также предполагать, что степные кочевые племена — массагеты, даи и другие, еще раньше, происходили от саков и были их ответвлением. Об этом свидетельствуют некоторые античные и древние авторы.

Этногенез саков и связанных с ними других племен территории нынешнего Узбекистана очень сложен. В процессе сложной обстановки происходила ассимиляция и срастание между собой населения, особенно установление кровнородственных уз между оседлым земледельческим и степным кочевым населением страны, в котором решающую роль играл процесс постепенного перехода части одного и того же народа от кочевой к оседло-земледельческой сельской общинной жизни.

На первом этапе исторического развития общественно-экономической коллективно-общинной жизни и этническо-языковых процессов создались первые этническо-языковые элементы и, стало быть первые предки будущего узбекского народа. Этот этап охватывал многие века и продлился с начала первого тысячелетия, примерно до второго века первого тысячелетия до н. э.

В складывании этническо-языковых элементов вместе с кочево-скотоводческим и оседло-земледельческим населением страны, в том числе населением Согдианы, играли значительную роль племена канглы (кангха) (по Авесте), кангуй (по китайским источникам). Возможно, что среди населения Ташкентского оазиса, Ферганской долины, Согдианы, Хорезма, а также у масса-

гетов, канглы, даев и саков к тому времени завершился процесс родового и племенного этнического деления.

Вторым этапом складывания этническо-языковых элементов предков тюркоязычных народов является период массагетско-кушанского времени, который продолжался от II в. до н. э. до III в. н. э. В этот период срастание и складывание этническо-языковых элементов коренного оседлого и кочевого населения достигает еще большего развития, расширяется этническо-языковый состав тюркоязычного народа.

В складывании тюркоязычного народа большую роль играли также племена и народы массагетско-юечжи-кушанского происхождения, ибо, как мы говорили выше, основные массы юечжи-кушанов по своему этническо-языковому происхождению принадлежали к местному тюркоязычному населению. Первые сведения об юечжи-кушанах дают нам китайские и другие письменные источники, затем данные археологическо-нумизматических исследований.

Согласно утверждениям советских ученых, в том числе В. В. Бартольда, С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского и других, юечжи-кушаны по своему этническо-языковому происхождению принадлежали к массагетскому народу, и в создании Кушанского государства на территории нынешнего Узбекистана со столицей Кушан, или Касон главную роль играли не только пять юечжийских племен, но и представители местной знати, они служили основным ядром и опорой этого государства.

Что касается этническо-языковой принадлежности юечжи-кушанских родов и племен, то следует отметить, что, кроме утверждений западноевропейских, русских и советских ученых, считавших их по этническо-языковому происхождению тюркоязычными племенами, существование среди юечжи-кушанских народов термина «ябгу», как титула вождей их племен, свидетельствует о чисто тюркском происхождении. Термин происходит от инфинитивной формы «ебмок», или «епмок»—покрывать. В этом отношении очень характерным являются сведения Табари, аль Балозари, Макдиси и других, которые сообщают, что главари тюркоязычных народов, в том числе карлюков, тюргеши и другие носили титул Джапгу, или Джавгу, Джаугу. Такой же титул носили и главари юечжи-кушанских племен и государства.

Следовательно, более точные данные источников о тюркоязычном коренном населении — юечжи-кушанах относятся к III—II вв. до н. э. Если учесть наличие фактов о существовании на древнейшей территории нынешнего Узбекистана, в том числе в Хорезме и других районах, еще в конце второго и начале первого тысячелетия до н. э. племени кан, кангха (по Авесте), кангуй (по китайским источникам), канглы (по восточносреднеазиатским историко-географическим источникам X—II вв.), то становится ясным, что тюркоязычные народы, как коренное население страны и первые элементы предков узбекского народа упоминаются еще в древнейшие времена, а более четкое упоминание о них относится к III — II вв. до н. э.— племена юечжи-кушанов и кангуй.

В эпоху могущественного Кушанского государства, просуществовавшего примерно с конца I в. до н. э. по III в. н. э., то есть в период второго этапа развития этническо-языковых процессов у предков узбекского народа произошли огромные изменения, связанные с дальнейшим развитием социально-общественной, торгово-экономической, политической и культурной жизни народов Средней Азии. В это время происходит дальнейшее срастание оседлого и кочевого населения, связанное, с одной стороны, с переходом местных кочевников и кочевников из сопредельных областей к оседло-земледельческому образу жизни, с другой — с группировкой самого населения, их родов и племен, жителей сел и городов.

Группировка с точки зрения складывания этническо-языкового состава предков узбекского народа происходила в двух зонах — в районах Ташкентского оазиса и Ферганской долины и районах бассейна нижнего течения Аму-Дарьи — Хорезмском оазисе, бассейне рек Зарафшана, Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи. В этих двух зонах группировки этническо-языкового состава племен и населения и их срастание происходили в особых специфических исторических условиях.

В зоне от Сыр-Дарьи до Аму-Дарьи, в силу многовекового господства иранских завоевателей, их близкого соседства и переселения, создались историческая обстановка, которая обусловила смешение и скрещивание этнического состава населения данной зоны не только с братскими согдийско-таджикскими, но и отчасти с иранскими племенами и народами.

Совершенно другую картину мы наблюдаем в зоне Ташкентского оазиса и Ферганской долины, где меньше ощущалось политическо-колониальное господство иранских правящих кругов и поэтому здесь местное население смешивалось не с иранцами, а с тюркоязычными народами соседних областей, с населением территорий нынешнего Казахстана, Киргизстана и Семиречья.

К тому времени в таких населенных пунктах, как Суяб, Талас, Сайрам, Алмалык, Ташкент, Сугнак, Узкент, Ош, Фараб, Андижан, Фергана, Касан и в других населенных пунктах Ферганской долины, а также селах Хорезмского озазиса, Бухары, Самарканда, Шахрисабза, Карши, Термеза и в окружающих их селениях, которые впоследствии стали городами и селами Узбекистана, уже сгруппировались и сложились этническо-языковые единицы аборигенов узбекского народа. Следует учитывать, что в таких крупных городах, как Самарканд, Бухара, Ургенч этнический состав населения не был однородным. Здесь можно видеть вместе с коренными жителями представителей Ирана, Сирии, Индии и других стран.

По-видимому, к этому времени в крупных селениях и среди коренного населения городов процесс складывания определенного этническо-языкового состава уже завершился, и именно поэтому источники нам почти не дают сведений о племенно-этническом составе населения сел и городов.

В результате прежние этническо-языковые сложения, составы в этот период достигают значительного единства, и тем самым создается более устойчивая база сложения тюркоязычных предков узбекского народа.

Третий и четвертый — решающие этапы в формировании предков узбекского народа, хронологически измеряются периодом существования государств эфталитов и западной части так называемого Тюркского каганата. В этот период создаются еще более благоприятные условия для дальнейшей группировки и формирования тюркоязычного узбекского народа.

Если в течение многих веков и почти всего первого тысячелетия до н. э., особенно в период господства мидийских, ахеменидских, иранских завоевателей, имена местных тюркоязычных народов не были известны, источники того времени описывали историю колонизаторов и их

государств, ограничиваясь попутным упоминанием некоторых местных племен, смешивали и путали одно племя с другим, то в период эфталитов господство иранских колонизаторов было почти полностью ликвидировано. Поэтому в VI—VII вв. тюркоязычное население древнего Узбекистана совместно с кровнородственными племенами обширных территорий Ташкентского оазиса и Ферганской долины, расчистили себе путь на историческую арену.

Следует отметить, что дореволюционные буржуазные западноевропейские и русские востоковеды, исследуя историю народов Средней Азии, показывали на всей огромной территории Востока до Китая, так называемый «великий» иранский народ как «арийцев», которые, по их утверждениям, якобы являлись основным населением Ирана, Хорасана, Средней Азии, Восточного Туркестана и других районов. Такие односторонние исследования впоследствии привели к отрицанию существования тюркоязычных народов на территории нынешнего Узбекистана до XV в. Даже советский ученый, известный филолог А. А. Фрейман, считал, что до XIV в. в Хорезмском оазисе жили в основном иранцы, и язык населения оазиса был иранским языком.

В период существования эфталитского государства и государства западнотюркоязычных народов происходил сложный процесс смешения, ассимиляции, скрещивания и срастания тюркоязычного коренного и отчасти ираноязычного населения, в том числе согдийского населения территории нынешнего Узбекистана с родственными им тюркоязычными племенами из сопредельных районов Ташкентского оазиса и Ферганской долины и областей Казахстана, Киргизстана и Семиречья.

В результате этих сложных процессов резко расширился этническо-языковый состав местных тюркоязычных племен, и тем самым создались монолитные этническо-языковые единства тюркоязычного населения, которые явились основным ядром и опорой государства эфталитов и западного тюркского каганата.

Первые сведения об эфталитах относятся к IV в. н. э. Китайские источники упоминают эфталитов в составе жужанской державы под названием «еда». Затем византийские источники называют эфталитов белыми гуннами. В IX—XII вв. восточносреднеазиатские источники,

написанные на арабском и персидском языках, упоминают эфталитов, называя их «хайтал», или «хаетила».

Согласно китайским данным эфталиты являлись одной из ветвей больших юечжи. Перешедшие к оседлости занимались земледелием и промыслами, кочевники занимались скотоводством. По свидетельству советских ученых, в том числе С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского, приход к власти эфталитов явился переворотом, совершенным главарями массагетских племен. По-видимому, образование эфталитского государства в IV в., которое в начале V в. достигло своего расцвета, составляет прямое продолжение царства кушанов, своеобразное омоложение, ознаменовавшее переход власти в руки эфталитских правящих кругов.

Согласно утверждению восточных среднеазиатских источников IX—XII вв., основная масса эфталитов принадлежала к тюркоязычному народу. В пользу этого мнения высказались многие исследователи.

По-видимому, эфталиты первоначально принадлежали к смешанному местному массагетско-юечжийскому населению, и к этому времени у них завершился процесс родо-племенного этническо-языкового деления, и возникла относительно единая этническо-языковая система. Поэтому источники не дают нам сведения о родах и племенах, которые входили в их этнический состав.

Тюркский каганат, возникший в VI в. объединял ряд этнически разнородных племен и разноязычных народов на огромной территории Востока до Китая и Тибета, а его западная часть (западный тюркский каганат) включала оседло-земледельческие и кочевые племена и народы Семиречья, территории нынешних Казахстана, Киргизстана, Ташкентского оазиса и Ферганской долины Узбекистана.

Подавляющее большинство населения западной части тюркского каганата было одноязычным народом и принадлежало к так называемой тюркоязычной системе, то есть к народам, говорящим на тюркских языках. Каждый из них в отдельности принадлежал к особой этнической группе или единице с особыми наречиями и говорами. В состав государства, кроме тюркоязычных племен и народов, входили также и некоторые восточные народы не тюркоязычного происхождения. Ранние сведения о тюрках, в том числе о тюрках Средней Азии, дают нам Чжоу-Ши и другие китайские, римско-византийские источники, которые упоминают их еще до нашей эры и в начале нашей эры под названием гуннов, или хуннов, тю-ку, тю-гу и т. п. Затем сведения об этих народах дают тюркскоорхонские письменные источники, а в IX—XII вв. источники, составленные на тюркском и на арабско-персидском языках. Согласно этим источникам тюркоязычные народы считаются древнейшими народами Турана. Название «тюрк» выступает в источниках не как этническое имя, а как политический термин, как общее наименование народа и государства, включающее различные племена и племенные союзы. В этом объединении крупное место занимали многие тюркские племена — огузы, теле, карлюки, тюргеши, дулу, нушеби и другие, из которых вышли правящие круги тюркских каганатов.

После распада тюркского каганата в 588 г. на его территории возникли два самостоятельных тюркских государства: на востоке с центром в Монголии и на западе с центром в Семиречье. Одно из них стали называть восточным, а другое — западным тюркским каганатом. Правители народов западного каганата, в том числе из племени чигли, карлюков, тургеши и других значительно раньше проявили известную самостоятельность и их окончательный разрыв с верховным каганатом и его властью произошел с помощью родственного им населения глубинных территорий Узбекистана.

Во второй половине VI в. образовалось мощное государство тюркоязычных народов на обширной территории от Семиречья до Аму-Дарьи включительно под названием западного тюркского каганата, власть которого в конце VI в. признали эфталитские правители Тохаристана, Балха, Бадгиса, Герата и других областей Афганистана. По-видимому, многие из тюркоязычных племен и народов Семиречья, Казахстана и Киргизстана, в том числе карлюки, чигли, халадж, канглы, ягма, тухси, тюргеши, тюргешские ветви оз и ачик, или очик и др. переселились на древние земли нынешнего Узбекистана и остались здесь на жительство, особенно в глубине Ташкентского оазиса, Ферганской долины и других районах, некоторые из них, в частности карлюки, жили в период арабского завоевания на территории Афганистана и Туркмении.

Часть этих тюркоязычных племен перешли к прочному оседло-земледельческому образу жизни и вошла в состав сельско-городского населения страны, смешиваясь со своими собратьями, пополнила их прежний этническо-языковый состав новыми этническими тюркоязычными элементами. Другая часть их вела кочевое скотоводческое хозяйство.

Население западного каганата, будучи в массе тюркоязычным, в этническо-языковом отношении отличалось от восточных тюрков. Об этом свидетельствуют некоторые языковые данные, сохранившиеся в ранних греческих, армянских, римско-византийских, персидских, арабских и других источниках. Одной из характерных черт языковых отличий являлась замена начального звука «я« у восточных тюрок звуком «дж» или «ч» у западных. Эти языковые особенности прослеживаются с VI в. Указанные и ряд других особенностей языка западных тюркоязычных народов находятся в прямой связи с языковыми особенностями тюркоязычных народов данной территории в последующих веках и нынешних узбекского, киргизского и казахского народов.

Именно эти тюркоязычные народы играли главную роль в этногенезе и формировании узбекского народа. Следы последнего отмечаются не только письменными источниками, но и памятниками материальной культуры.

В состав западных тюрков входили многочисленные тюркоязычные роды, племена и народы, среди которых наиболее крупными были карлюки с многочисленными ответвлениями, часть которых, вероятно, с VI в., жила в районах Ташкентского оазиса, Ферганской долине, Самаркандской и Кашкадарьинской областей, а некоторые из них проживали даже на территории Афганистана и Туркмении. Другим крупным племенным объединением были «тюргеши», состоявшие из многих ответвлений, из которых следует указать кара тюргешей, сарик-тюргеши, оз, очик и других. Тюргеши в конце VI и VII вв. играли весьма большую роль в государстве. Кроме них, имели большой удельный вес племена чигли, халадж, канглы, ягма, аргун, дулу, нушеби и другие, из которых многие жили на территории Ташкентского оазиса и в Ферганской долине.

Племена и народы западного тюркского каганата вели не только кочевой, но и оседло-земледельческий

образ жизни, имели города и села с развитым торгово-ремесленным производством, искусством, наукой и рунической письменностью.

Как указывалось выше, в это время происходил сложный процесс смешения и срастания населения древней территории нынешнего Узбекистана с новыми тюркоязычными племенами из Семиречья, Казахстана и Киргизстана, и этим создались благоприятные исторические условия для формирования узбекского народа в будущем. Вместе с процессом формирования этнического единства узбекского народа формируется его язык и его словарный фонд.

В VI—VII вв., может быть и раньше, сложение основы старого тюркоязычного узбекского языка мы наблюдаем в районах Ташкентского оазиса, на обширной территории Ферганской долины, в нижнем течении Сыр-Дарьи, население которых в течение многих веков имело не только торгово-экономические и культурные, но и кровнородственные, этническо-языковые связи.

В языках этих народов мы видим известную степень правильного построения предложения с ярким выражением и законченным смыслом и другие структуры предложения, глаголы, сказуемое и известный состав словарного фонда. В это время впервые мы встречаем слова, термины, титулы и т. п., типичные для узбекского языка, например: *оила* — семья, *ота* — отец, *оглон* — сын, *ока* и *ука* — брат, *эль* — народ, *бек-бег* — аристократ, начальник, *кутлук*—счастливый; *бобо*—дедушка, *хотун,* или *хотын* — женщина, *эр* — *эркак* — мужчина, *она* — мать, *сингил* — сестра, *ини* — братишка, *киши* — человек, *ок* — белый, *кара* — черный, *куев* — зять, *келин* — невестка, *урук* — род, *кок* — небо, синий, *тангри* — бог, *кол* — рука и т. д.

Все эти данные и другие факты свидетельствуют о создании и складывании основы старого узбекского языка. По мере дальнейшего развития и усиления этнического единства народа, старый узбекский язык расширяется и в определенной степени усовершенствуется.

Так происходил процесс складывания и формирования этническо-языкового состава предков узбекского народа и его этногенез.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГЛАВА I

Раздел I

[1] *А. А. Семенов* «История народов Узбекистана», Ташкент, 1947, т. II, стр. 23.

[2] *С. П. Толстов* «Древняя культура Узбекистана», Ташкент, 1943, стр. 5.

[3] *К. Маркс* «Формы, предшествующие капиталистическому производству», М., 1940, стр. 5—6.

[4] *С. Киселев, С. П. Толстов* «Древняя культура Узбекистана», Ташкент, 1943, «Вестник древней истории», М., 1946, стр. 77.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, М., 1937, стр. 340.

[6] «Правда Востока», 30 августа 1962 г.

[7] *Ф. Энгельс* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, стр. 11.

[8] Там же, стр. 136—138.

[9] Римское наименование — дах, греческое — даи.

[10] По персидским источникам — саки, грекоримские скифы.

[11] Это название обычно переводится «саки в острых шапках», что соответствует в греческих текстах термину «ортокорибанты».

[12] Означает «заморские» или «заречные саки».

[13] *А. Ю. Якубовский* «Культура и искусство Средней Азии», Л., 1940, стр. 13.

[14] *Страбон,* География, кн. XI, стр. 8.

[15] Там же, кн. I, стр. 201, кн. XI, стр. 8.

[16] Пиркана, или Паркана — Фергана.

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, стр. 341.

[18] Там же, стр. 344.

[19] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871,стр. 84.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же, стр. 86.

[23] Даван-Ферганская долина.

[24] Парфянское царство.

[25] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах Средней Азии», СПБ, 1851, т. III, стр. 23.

[26] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 87.

[27] Abel — Romusat "Historie de la ville de Khotan" par. Paris, 1820, p. 20.

[28] В. В. Григорьев «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 88.

[29] Там же, стр. 88—89.

[30] Там же, стр. 197.

[31] Там же, стр. 199.

[32] Там же, стр. 92.

[33] Там же, стр. 91—92.

[34] Там же, стр. 94.

[35] Martman Leitschritt d. L. M. G. XXIV, 61—71. В. В. *Григорьев,* Там же, стр. 102.

[36] Там же.

[37] Там же, стр. 107.

[38] K. Ritter "Die vor halle curopaticher volkersesh ichten vop Herodotis, Berlin, 1820, § 265.

[39] "Journal asiatigue" IV серия, тXVIII, стр. 364—365.

[40] Клинописный текст на скале Бехистун близ г. Керманшах в Зап. Иране, высеченный по приказу персидского царя Дария I, повествующий о воцарении Дария после подавления им восстаний 522—517 гг. до н. э.

[41] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 15—16.

[42] *А. А. Фрейман* «Новые работы по древнеперсидским надписям». Вестник древней истории, 1940, № 2, стр. 127.

[43] В. В. Струве, «Хронологическая дата похода Дария I против саков, Доклад, прочитанный 26 марта 1945 г. на заседании Института АН СССР.

[44] Персеполь — одна из столиц древнеиранского государства Ахеменидов.

[45] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 12.

[46] Там же, стр. 14. Яксарт — персидское название Сыр-Дарьи. Окс — Аму-Дарьи.

[47] Полиэн, книга VII, главы 2, 6.

[48] Во втором рассказе Полиэна (книга VII, глава 12) героем является некий табунщик по имени Сирак, который предлагал свою помощь трем сакским царям: Сокесфору, Омаргу и Тамирди и завел войска Дария I в пустыню, где большая часть войска персов погибает от жажды и голода, а Сирак умирает героической смертью. Рассказ помещен в книге *В. В. Григорьева* «О скифском народе саках», стр. 17—18.

[49] Там же, стр. 16.

[50] Дарий I.

[51] Геродот, книга IX, глава 113, «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. III, № 3, стр. 236—237.

[52] Геродот «История в девяти книгах», перевод с греческого, т. I, М., 1888, книга VII, главы 82 и 123.

[53] Геродот, книга III, стр. 263.

[54] Bachr S. C. F. Herodoti Malcarnassensis musae, II., Лейпциг, 1857, стр. 184.

[55] Геродот, книга VII, глава 64; книга V, стр. 163.

[56] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 70.

[57] *Геродот*, книга III, глава 92.

[58] *Kilssling*. Zur Geschichte der ersteu Regierungs jahre des Darius Hystospes, Лейпциг, 190С, стр. 17.

[59] *Ксенофонт*, Киропедия V, глава 2.

[60] «Советская этнография», № VI—VII, М., 1947, стр. 120.

[61] Там же.

[62] *Геродот*, книга I, глава 201.

[63] Экбатана — столица Мидии в VIII—VI вв. до н. э.

[64] Документов основоположения было найдено всего 6, из них одна золотая и одна серебряная пластинка в Экбатане, две золотых и две серебряных в Персеполе. Надпись на всех шести пластинках является тождественной.

[65] «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. III, № 3, М., 1946, стр. 240—241.

[66] Правильно отмечает В. В. Струве, что В. В. Григорьев еще в 1871 г. не мог предложить, что указанные семь стран Накширустамской надписи перечислены в хронологической последовательности их покорения. Поэтому он делал вывод, что «саки, которые за морем» следующие за ионийцами, являются «черноморскими скифами», а не саками Средней Азии, хотя он сомневался «относительно верности перевода» «сака тьяи тарадарая»— «заморскими саками», то есть «черноморскими скифами». (См. *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 14).

[67] Эти массагеты были победителями Кира и покоренными Дарием I в пятом году его правления.

[68] *В. В. Струве*. Надпись Ксеркса о Дэвах и религия персов, «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1944, № 9, стр. 241—242.

[69] Мардук Берос был вавилонским жрецом, который написал при первых Селевкидах историю Вавилонии вплоть до смерти Александра Македонского. Он черпал свои сведения из клинописных аннал, которые велись при центральном храме Мардука, а при Ахеменидах эти анналы составлялись вавилонскими жрецами и явились копиями официальных аннал персидских царей.

[70] *Б. А. Тураев*, «История древнего Востока», М., 1935, т. II, стр. 118.

[71] К интерпретации этого стиха Авесты 13 яшт. см. труды шведского ученого *Nyberg H. S.* "Die Religianen des alten Iran", 1938, стр. 249.

[72] *M. Sprengling* journ of sem. Laug. a Literatures, т. 57, 1940, стр. 356.

[73] *Harlez* Manuel de langne de l'Avesta, стр. 302.

[74] Геродот, книга I, глава 205.

[75] «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. III, М., 1946, стр. 245—246.

[76] *Геродот*, книга VII, глава 64.

[77] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования, М., 1948, стр. 242.

[78] Спитамен — согдийский вождь, возглавивший в 329 г. до н. э. восстание согдийцев против Александра Македонского. Спитамена поддержали сакские племена Бактрии.

[79] *Арриан* «Анабасис Александра», книга IV, гл. 17, перевод Н. Н. Коренькова.

[80] *А. Мейне* «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», изд. М.— Л., 1938, стр. 92.

[81] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 1—2.

[82] *Геродот*, книга IV, стр. 299—300.

[83] *М. И. Артамонов*. Скифы в советской науке, «Вестник древней истории», № 3, М., 1947, стр. 8.

[84] *Геродот*, книга VII, стр. 61—62.

[85] «Сагар», возможно, искаженное слово, которое происходит от тюркского слова «согар», или «согур», отсюда «сокмок».

[86] *Геродот*, книги VII, IX, III, стр. 96.

[87] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 196.

[88] Ктесий (конец (V — начало IV вв. до н. э.)— древнегреческий историк.

[89] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 20.

[90] Ксенофонт (430—355 гг. до н. э.)— древнегреческий историк.

[91] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 25.

[92] Страбон, книга XI, глава VIII, § 2.

[93] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 26—27.

[94] *Mulleri* "Fcographi Graeu Minoresex" 1861, vol II. p. 151 Vcensione, Parisüs.

[95] Яваны — очевидно Даваны.

[96] Политмет — река Зеравшан.

[97] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 130.

[98] Там же, стр. 131.

[99] Там же,

[100] Там же, стр. 50.

[101] Там же, стр. 51.

[102] Там же.

[103] *Ренель* — The geographical System of London. Herodotis 1800, p. 515.

[104] Geographie der Grichen und komer, Leipzig, 1820, IV, 470—474.

[105] Geographie grakel minores et recensione 1855, 232. caroli Mülleri Parisüs,

[106] *В. В. Григорьев*, Указ. соч., стр. 119.

[107] Там же, стр. 123.

[108] *Квинт Курций*, книга VII, глава 9.

[109] *Арриан*, книга IV, главы 16—17. См. В. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 124.

[110] *Страбон*, книга XI, глава VIII, § 2.

[111] *Г. И. Савицкий* «Древняя Согдиана». Сборн. работ, посвященных XV-летию Узбекской ССР, т. I, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 5.

[112] *В. В. Григорьев*. Указ. соч., стр. 141.

[113] *Махмуд Кашгарский* «Диван лугати тюрк», т. III, стр. 18, 24.

[114] *М. Н. Галкин* «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю», СПБ, 1868, стр. 241, 255. *С. Е. Малов* «Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Таласа», М., 1929, стр. 202.

[115] *В. Ф. Гайдукевич* «К истории древнего земледелия в Средней Азии». Вестник древней истории, М.—Л., 1948, № 9, стр. 193.
[116] *В. В. Григорьев* «Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР, 1934 г.», Ташкент, 1935.
[117] *И. Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена», т. III, СПБ, 1851, стр. 34.
[118] *Цянь-Хань-Шу,* Глава 96а «Вестник древней истории», М., 1947, № 3, стр. 59.
[119] *В. В. Григорьев* «Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г.», Ташкент, 1935.
[120] *А. И. Треножкин* «Памятники материальной культуры на Ташкентском канале», Известия Узб. филиала АН, № 9, стр. 31—32.
[121] *Л. Д. Баженов* «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 24.
[122] Там же, стр. 24, Диодор, Библиотека, II, 33—34.
[123] *В. В. Григорьев.* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 78.
[124] Там же, стр. 78—79.
[125] Там же, стр. 23, 37.
[126] *В. В. Латышев* «Известия древних писателей о скифах и Кавказе», Вестник древней истории, М., 1949, стр. 229.
[127] Там же, стр. 255.
[128] *В. В. Григорьев.* Указ. соч., стр. 37.
[129] *С. П. Толстов* «По следам древнехорезмийской цивилизации», М.—Л., 1948, стр. 35.
[130] *В. В. Струве* «Известия АН», серия истории и философии, 1945, № 3, стр. 55.
[131] *Л. Д. Баженов* «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 148.
[132] «Вестник древней истории», М.— Л., 1949, № 1627, стр. 104—105.
[133] *Страбон,* книга 11, глава 8, стр. 21.
[134] Там же, стр. 521
[135] *В. В. Латышев,* «Известия древних писателей о скифах и Кавказе», Вестник древней истории, М.— Л., 1949, стр. 228.
[136] Там же, стр. 225.
[137] *В. В. Григорьев.* Указ. соч., стр. 169, 199.
[138] *Страбон,* книга 11, глава 8, стр. 523.
[139] *Арриан* «Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого» в семи книгах. Перевод с греческого Коренкова, книга 3, глава 3, стр. 116.
[140] Там же, глава 8, стр. 137—139.
[141] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древн. времена», СПБ, 1851, т. III, стр. 9.
[142] *Арриан,* книга IV, глава I, стр. 153. Как говорит Арриан, Гомер называл абиев справедливейшими людьми Азии.
[143] *В. В. Латышев.* Указ. соч., стр 276.
[144] *Сыма-Цян* (145—86 гг. до н. э.)— историк Древнего Китая. Его труд «Ши-цзи» и поныне остается самым полным и достоверным источником по истории Древнего Китая и Ср. Азии.
[145] *Плиний.* «Естественная история», книга VI, глава 17, Л. Д. *Баженов* «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 126—127.

[146] *Птоломей,* География, книга VI, глава XIV, *Л. В. Баженов.* Указ. соч., стр. 130—131.
[147] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 145.
[148] Область Илака — примерно нынешние Ангрен, Пскент и Карамазар.
[149] *В. В. Григорьев* Указ. соч., стр. 148.
[150] *В. В. Григорьев* «Городище Талибарзу, краткий очерк». Труды отдела Востока, т. II, Л., 1940, стр. 95.
[151] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПБ, 1851, т. III, стр. 48.
[152] Районы, расположенные между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей.
[153] *А. Н. Бернштам.* Указ. соч., стр. 86.
[154] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1877, стр. 71.
[155] *Плиний,* книга VI, глава XXIX.
[156] *В. В. Григорьев.* Указ. соч., стр. 68.
[157] Там же.
[158] Там же, стр. 86.
[159] *Страбон,* книга XV, глава II, № 8.
[160] *Ф. Г. Мишенко,* Геродот, т. II, 1886, указатель с примечаниями, стр. 83.
[161] *Л. Д. Баженов* «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, примечание к стр. 18.
[162] *Геродот,* книга 1, глава 202—206.
[163] *Страбон,* книга XI, глава 8, § 6.
[164] Аракс — Аму-Дарья, древнейшее местное название — Вахш.
[165] «Книга побед». *В. Г. Тизенгаузен* «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды», т. II, М.—Л., 1941.
[166] *Геродот,* книга 1, стр. 206—216, см. *В. В. Латышев.* «Известия древних писателей о скифах и Кавказе», Вестник древней истории», М.— Л., 1949, т. 1, стр. 251—252.
[167] *Страбон* «География», книга 12, глава 18, М., 1879, стр. 523; *Л. Д. Баженов.* «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 20—22.
[168] *Страбон,* книга 11, глава 8, стр. 523.
[169] *Арриан* «История походов и завоевания Александра Великого», в 7 книгах, перевод с греческого Н. К. Фенькова, книга IV, глава XVII, стр. 170—171.
[170] *Страбон,* книга XI, глава 11, стр. 514.
[171] Меотид — Аральское море.
[172] *Полибий* «Всеобщая история» в сорока книгах, перевод с греческого Ф. Г. Мишенко с его предисловием, примечанием, указателем и картами изд. А. Г. Кузнецова, М., 1895, книга X, т. II, стр. 264, 286—287.
[173] *В. В. Латышев* «Известия древних писателей о скифах и Кавказе», Вестник древней истории, М.— Л., 1949, т. I, стр. 250.
[174] Там же.
[175] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 169.
[176] *Страбон* «География», книга XI, глава 14, § 4, стр. 29.
[177] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования, М., 1948, стр. 244.
[178] *В. В. Тарн,* The Grecks, стр. 81.

[179] *С. П. Толстов* «К вопросу о протохорезмийской письменности», М., 1947, стр. 99.
[180] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 140.
[181] Там же, стр. 104.
[182] *С. П. Толстов,* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования. М., 1948, стр. 146.
[183] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования, М., 1948, стр. 218.
[184] Там же, стр. 219.
[185] *Геродот,* глава I, стр. 215.
[186] *Страбон,* глава XI, стр. 8.
[187] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 221.
[188] Там же, стр. 141.
[189] Там же.
[190] *Геродот.* книга XI, глава VIII, стр. 523.
[191] Там же.
[192] *Страбон,* X, 1, 6—7.
[193] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», ч. III, СПБ, 1851, стр. 5—6.
[194] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 5—6, 53.
[195] Гуйшан, по мнению многих ученых, нынешний Касон.
[196] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования, М., 1948. стр. 21.
[197] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 3.
[198] *С. П. Толстов.* «Древний Хорезм». Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, стр. 25.
[199] *М. Н. Галкин* «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю», СПБ, 1868, стр. 11, 241, 255 и *С. Е. Малова* «Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна реки Талас», изд. АН СССР, 1929, стр. 202 и др.
[200] *П. Голубовский* «Об узбеках и тюрках», 1884, стр. 19—20.
[201] *Плано Карпини* «Путешествие к Золотой орде», перевод Малеина, стр. 24, 51.
[202] *Н. А. Аристов* «Живая старина», т. III, стр. 15.
[203] *Бранников* «Записки Московского археологического института», XXXV. 1914, стр. 20.
[204] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования», М., 1948, стр. 24.
[205] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 43—44.
[206] *Юсти* Beitrage d. Alt. Geogr. persiens, стр. 11.
[207] *В. В. Бартольд* «История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 5.
[208] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 187.
[209] Там же, стр. 72.
[210] Там же, стр. 246, 247.
[211] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования, М., 1948, стр. 20.
[212] *Иакинф Бичурин.* Указанная книга, СПБ, 1851, т. III, стр. 5—6.
[213] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 20.
[214] *С. П. Толстов* «Монеты шахов древнего Хорезма и дрневнехорезмийский алфавит», Вестник древней истории, № 4, 1908.
[215] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 246.

[216] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», ч. III, СПБ, 1851, стр. 5—6.
[217] Чач — китайское название Ташкента. В древнейшие времена местные люди называли его Шаш.
[218] *Иакинф Бичурин* «Собр. сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПБ, 1851, т. III, стр. 184.
[219] *В. В. Радлов* «К вопросу об уйгурах», СПБ, 1893, стр. 16.
[220] Там же, стр. 47.
[221] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1878, стр. 43.
[222] Гульзариюн — р. Сыр-Дарья.
[223] Шаш — по арабским источникам или по-китайским Чач — Ташкент.
[224] Исфиджаб, или Исфинджаб — Сайрам.
[225] *В. В. Бартольд* «История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 5—7.
[226] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 182.
[227] Там же, стр .218.
[228] Там же, стр. 224.
[229] Там же, стр. 158.
[230] Там же, стр. 163.

Раздел 2

[1] *В. В. Бартольд* «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до 17 века», стр. 25. *Н. Веселовский* «Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве от древних времен до настоящего», т. III, СПБ, 1877, стр. 6.
[2] *С. П. Толстов* «Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии», Вестник древней истории, М., 1939, № 3, стр. 174.
[3] Джайхуном арабы называли Аму-Дарью.
[4] 100 фарсахов — 600 или 650 км.
[5] *Аль Макдиси* «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М., 1939, стр. 185—186.
[6] *Страбон* «География», книга XI, глава VIII, стр. 8.
[7] *С. П. Толстов* «Древний Хорезм». Опыт историческо-археологического исследования, М., 1948, стр. 24.
[8] Номады — кочевники.
[9] *Геродот,* книга 11, глава 11, стр. 527—529.
[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма, М., 1947, стр. 73.
[11] *Г. И. Савицкий* «Древняя Согдиана», т. I, Сб. работ, посвященных XV-летию Узбекской ССР, Самарканд, 1940, ч. I, стр. 10—11.
[12] *В. В. Бартольд* «К вопросу о языках согдийском и техарском», Л., 1927, стр. 38.
[13] Сатрап — округ, административное деление.
[14] *Птоломей,* География, глава IV, стр. 12—14.
[15] *Геродот,* III, стр. 92.
[16] *Птоломей,* IV, 12, стр. 4.
[17] *Г. И. Савицкий.* Указ. соч., стр. 17.
[18] *Геродот,* книга VII, стр. 66.
[19] *Арриан,* книга III, стр. 10, 28; книга V, стр. 12.
[20] *Г. И. Савицкий.* Указ. соч., стр. 19.

[21] *Махмуд Кашгарский* «Деван лугат ит-тюрк», т. I, Стамбул, стр. 288.

[22] Мараканд — близ современного Самарканда.

[23] *В. В Латышев.* «Известия древних писателей о скифии и Кавказе». Вестник древней истории, М., 1949, стр. 288.

[24] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 64—65.

[25] С Даваном китайские источники связывают сведения о Ферганской долине. Возможно, что данный термин следует произносить не «даван», а «давон», ибо, как нам известно, еще в середине века этот термин означал на языке местного населения переход или проход через горы. Отсюда, по-видимому, появился термин «даван», «Давон ошмок».

[26] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПБ, 1871, ч. III, стр. 22. Изображение опубликовано М. Массоном в газете «Пионер Востока», № 91, 1939.

[27] Там же, стр. 61.

[28] *В. В. Бартольд.* «К вопросу о языках согдийском и тохарском», Л., 1927, стр. 38.

[29] *А. Н. Бернштам* «Араванские наскальные изображения и даванская столица Эрши», Советская этнография, № 4, 1948, стр. 155—156.

[30] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., стр. 105.

[31] *А. Н. Бернштам.* Указ. соч., стр. 106.

[32] Эрши — средневековый город Урешта. А. Н. Бернштам отождествляет этот город с городом Узгеном.

[33] *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 6.

[34] *Иакинф Бичурин.* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена», т. III, СПБ, 1851, стр. 4.

[35] *В. В. Бартольд.* «История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 6.

[36] *А. Н. Бернштам.* «Сведения китайских источников относительно видов лошадей и выращивания их в Средней Азии», «Вопросы истории», № 7, 1946.

[37] *К. Тревер* «Памятники греко-бактрийского искусства», М.—Л., 1946, табл. 39—40.

[38] *В. В. Григорьев* «Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР», 1934.

[39] *Б. Г. Гафуров* «История таджикского народа», т. I, Госиздат политической литературы», 1949, стр. 24.

[40] *Рено,* "Helations politigues et commer Cialssde Knipire kamain aves s Asie orientall" p. 189, *"Юсти"* Beitrage zur alten Geographie pensions".

[41] *В. В. Григорьев.* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 69.

[42] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, 1955, стр. 10.

[43] «Советская этнография», № 6—7, 1947, стр. 134—135.

[44] Там же, стр. 125—126; статья Л. А. Мацулевича «Аланская проблема и этногенез Средней Азии.

[45] *Махмуд Кашгарский* «Диван лугат ит-тюрк», т. III, Стамбул, стр. 133.

[45] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», ч. III, СПБ, 1851, стр. 6.

[47] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871, стр. 185.

[48] *В И. Ачунин* «Исчезнувшие народы Средней Азии», Самарканд, 1940, стр. 139.

[49] Там же.

[50] Там же.

[51] Там же, стр. 141.

[52] Там же, стр. 143.

[53] *Н. А. Аристов* «Живая старина», вып. III—IV, СПБ, 1894, стр. 450 и *В. Н. Ачунин,* указ. соч., стр. 144.

[54] *Н. Н. Харузин* «Киргизцы букеевской орды», М., 1829, вып. I, стр. 292, 296. Большая энциклопедия, просвещ. СПБ, 1903, т. X, стр. 746.

[55] *В. В. Григорьев* «О скифском народе саках», СПБ, 1871 г. стр. 202.

[56] Там же.

[57] *Иакинф Бичурин.* Указ. соч., т. III, стр. 61.

[58] *E. Benveniste* "Essai de grammairt Sogdinue, 2 partie (morphologie, Syntaks et a'lassaira), Paris, 1929 г.

[59] «Советское востоковедение», М., № 4, 1948.

[60] Там же, № 4, 1947.

[61] *С. П. Толстов* «Монеты шаха древнего Хорезма» и «Древнехорезмийский алфавит», стр. 160—161.

[62] Там же, стр. 161.

[63] *В. В. Бартольд* «О согдийских документах, т. I, СПБ. 1877.

[64] *У. Н. Пигулевская* «О находках сирийских рукописей, сирийские и сиретюркские фрагменты» из Хархохати и Турфана — «Советское востоковедение», № 1, 1940. Советская этнография, № 3, 1947.

[65] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 161.

[66] *А. Ю. Якубовский, Б. Г. Гафуров* «История таджикского народа», «Вопросы истории», № 7, 1950.

[67] *Б. Г. Гафуров.* «История таджикского народа», т. I, М., 1949, стр. 223.

[68] *А. Ю. Якубовский, Б. Г. Гафуров* «История таджикского народа», т. I, «Вопросы истории», № 7, 1950., стр. 160.

ГЛАВА II

Раздел I

[1] *В. В. Бартольд* «История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 5.

[2] *Ю. Клапрот* "Tableaux historigues de 'Asie", Paris, 1825.

[3] *С. П. Толстов* «История народов СССР», т. I, ч. I—П, Л., 1940.

[4] *А. Н. Бернштам.* Новые работы о тохарской проблеме. «Вестник древней истории», № 2, 1947, стр. 135.

[5] *А. Н. Бернштам.* Новые работы о тохарской проблеме. «Вестник древней истории», № 2, 1947, стр. 135.

[6] Там же.
[7] *Мэнчен Хэлфэн.* "The juch chili problem ke — exanined" 65, апрель — июнь, 1945, стр. 76.
[8] Там же, стр. 137.
[9] *С. П. Толстов,* указ. соч., стр. 125.
[10] *Л. Д. Баженов.* «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 12.
[11] Об иссидонах из античных авторов впервые сообщает Аристей Проконисский (VI в. до н. э.) затем Геродот и Птоломей. См. об иссодонах — julius junge, Soka Studien "Klio", Beniheft XII, Neue Folge, Hefte 28, Leipzig, 1939., s. 17 ff.
[12] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 247.
[13] *В. В. Григорьев.* Указ. соч., стр. 136—138.
[14] *В. И. Ачунин* «Исчезнувшие народы Средней Азии», указ. сборник работ, Самарканд, 1940, стр. 137.
[15] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии с древнейших времен», СПБ, 1851, стр. 6—7, 55.
[16] *Карл Риттер.* «Землеведение Азии», ч. I, СПБ, 1856.
[17] *Карл Риттер.* «Землеведение Азии», СПБ, 1856, ч. I, стр. 557.
[18] *С. П. Толстов,* стр. 246—247.
[19] Там же.
[20] *Л. Д. Баженов.* Указ. соч., стр. 72.
[21] Там же.
[22] *Ахмед Али хан Кох-заде* «Кушанская империя», Кабул, 1940. Перевод. Е. Э. Гольшмана, М., 1945, стр. 2.
[23] *Иакинф Бичурин* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена... стр. 119.
[24] Там же.
[25] *Иакинф Бичурин.* Указ соч., т. III, стр. 6—7.
[26] Хихэу — по-китайски — удельные князья.
[27] *С. П. Толстов.* Рецензия на книгу В. Д. Тарна «Вестник древней истории», 1940. № 3—4, стр. 207.
[28] *А. Н. Заграф* «Монеты Герея», Ташкент, 1937.
[29] Иакинф Бичурин. Указ. соч., ч. III, стр. 238.
[30] *С. П. Толстов.* Монеты шахов древнего Хорезма. «Вестник древней истории», 1938, № 4 (5), стр. 129.
[31] *Клавдий Птоломей* "Serica Ziber", IV, стр. 3, 16.
[32] *Джон Бимэ* "Memoirs ou the Racef of the worth wostem provinces of India, by H. M. Elliot, edited, revi sed and re — arranged vy johu beames London, 1869 I, 137.
[33] История Авагана, перевод К. Патканова, СПБ, 1861, стр. 104.

Раздел 2

[1] *С. П. Толстов* «История народов СССР», т. I, ч. I—II, Л., 1940, стр. 211.
[2] *И. И. Умняков* «Тохары и тохарский вопрос». Труды УзГУ, вып. I, Самарканд, 1946, стр. 19.
[3] Там же, стр. 20.
[4] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 211, 213.
[5] *Иакинф Бичурин.* «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», т. III, СПБ, 1851, стр. 177, 178.

[6] Там же, стр. 256.
[7] Там же, стр. 256—257.
[8] *Моисей Хоренский.* «История Армении», перевод Н. С. Эсмина, кн. первая, глава XXI, стр. 35.
[9] *С. П. Толстов,* История народов СССР, т. I, ч. I, II. Л., 1940, стр. 213, 214.
[10] *С. П. Толстов,* указ. соч., стр. 277.
[11] *Klaproth,* tableoux Hister de S Asie, Paris, 1826, т. II, p. 372.
[12] *К. Риттер,* Землеведение Азии, ч. I, СПБ, 1856, стр. 633.
[13] *Vivien de st.Marten,* Sur fes Hums blones on Ephthalites V. Me Serie 1849. Juilletet Aoutp 1—79 sertembre p. 241—285.
[14] *К. Риттер,* указ. соч., стр. 635.
[15] Чин — Китай.
[16] См. *A. F. Rudolf Hoernle,* Manuscript remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan, aforou, 1916.
[17] *F. W. Thomas,* jRAS, 1927, 1928, 1930. T. Burraw, ч. I, 1937 г.
[18] Журнал «journal de la societe Bsos IX finuddrgrienne XLIX 3, Helsingtors, 1930, *В. В. Бартольд,* «О согдийских документах», т. I. СПБ, *Н. Тигулевский.* «О находках сирийских рукописей», «Советское востоковедение», I, 1940 г.
[19] А. Н. Бернштам, указ. соч.
[20] *A. Le* Cog. Köktürkisches aus Turfan, Sp. A. W. 1909, S. 1047 ff, ср. Al. Herrmann, Die Hephtaliten und ihre Bezichungen Luchina, «Asia Major», II, 3, 4, 192, s. 564.
[21] *А. Н. Бернштам.* «О византийских элементах в Чуйской долине», археологические работы в Казахстане и Киргизии» — Вестник древней истории, 1939 г., № IV (IX), стр. 171. Его же, «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала», Фрунзе, 1943 г., стр. 17.
[22] Классификация E. Leumanna, вышеназванное его сочинение, принятое Sieg und Siegling: Tochrisch, die sprache der Langoskytchn, Sp. A. W. 1903, s. 915—934.
[23] *Сильвен Леви,* journal Asiatigue, ser. XI Vob, II, 1913 г.
[24] *Лейман* »Über cine vanden unbekanuten Literatursprache Mittelaciens» Записки И. А. Н. 1900, стр. VIII, т. IV, № VIII.
[25] *E. Smit,* «Die neuentdechte indogumanische Sprache Mittelasiens, viedeskobs selskobet skifter, class II, 1910, № 5.
[26] Idiyuf — Индия.
[27] *F. W. Muller,* Toxri und kuisan (kúsän) Sp. A. W. Bo. XXVII, 1918 г., стр. 580.
[28] Там же.
[29] *F. W. Mullpr.*
[30] Memoires de la Delegation archcologigue Francaise en Afghanisstan, Tuna j. Hackin u Carl, Nauvelles Recherches Archeologiques a Basmijan, Paris, 1933 j.
[31] *Ахмад Али хан Кодзад (Кохзод)* — «Кушанская империя», перевод Е. Э. Гольмана, М., 1941, стр. 5—6.
[32] *Ахмад Али хан Кодзад* (Кохзод), указ. соч., стр. 9.
[33] *W. Thomas* «Tokhari», MSjAOS, t. 64.
[34] *С. П. Толстов,* указ. соч., стр. 214.
[35] Варахран V — Бахрам, царствовавший в 420—428 гг.
[36] Иездигерд Н.— царствовал в 438—457 гг.

[1] *Klaproth* —Memioires vlatfsa l'Asie, т. П, p. 384 — 386.
[2] *Карл Риттер* «Землеведение Азии», ч. I, СПБ, 1856, стр. 634.
[3] Жуань Жуаны — по-китайски — коалиция племен. Жуаны относятся к монголоязычным народам.
[4] Титул «хан» как верховного правителя у жужанов в IV в. и начала V в.
[5] Уйгуры по китайским источникам называются гаогуй.
[6] Каганат — от каган, или «хокон» — верховный правитель, высший титул вождей племен у древних тюрок, государство.
[7] Цигу — вероятно, киргизы.
[8] Темир-Капыг — горный проход Бузгала, расположенный между Гузаром и Ширабадом.
[9] Большого Хингана. После Туминь хана (533—553 гг.) каганатом правил Кигин хан (553—572 гг.), затем Тоба хан, или Тобака хан (572—581 гг.), младший сын Туминь хана.
[10] Путем сопоставления китайских и среднеазиатских источников, в том числе «Тарихи Бухаро» Наршахи, можно установить, что Або китайских текстов тождественен с Абруем.
[11] *Аль Белозари.* Китаб футух аль-булдан. Kiber Expugnatvonis, Pegionum, auctore imamo Ahmed ibn Iahja ibn Djabir al beladsori, Lugduni Batavorum, 1863—1866.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М., 1939, стр. 52—63.
[12] *В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский.* Древнейший арабский документ с горы Муг. Л., 1934, стр. 62.
[13] Низак Тархон, эфталитско-тюркский владетель Бадгиса, находившегося между Гератом и Серахсом, был в вассальной зависимости от правителя Афганистана или тогдашнего Тохаристана.
[14] Эти тюрки были эфталитско-карлюкского происхождения.
[15] Джунабид — один из городов Тусского округа.
[16] Мургаб — река в Мервском оазисе.
[17] *Аль Белозари.* «Китаб футух аль-булдан»— см. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М., 1939, стр. 62—63.
[18] Там же, стр. 64.
[19] *А. Ю. Якубовский.* Развалины Ургенча, Известия ГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930, стр. 6.
[20] При Саманидах Ахсикент был столицей области.
[21] Андижан.
[22] Маргилан.
[23] Нынешний Ташкент.
[24] Стена страшного суда.
[25] *F. W. Muller.* Toxri und kuisan (küsän) Sp. A. W. Bd XXVII 1918 г. стр. 580.
[26] Там же.
[27] Мавераннахр — на арабском языке мовар — между, нахр-река, значит земля, расположенная между реками, или то, что за р. Аму-Дарьей, в данном случае этот термин означает земля, расположенная между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Арабы Аму-Дарью называли Джайкун.
[28] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1947, стр. 73.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Этногенез и формирование предков узбекского народа. Первый этап формирования предков узбекского народа (VIII—II вв. до н. э.). 7
Раздел 1. Место сако-массагетских, дайско-кангуйских и других среднеазиатских племен и народов в этногенезе и формировании предков узбекского народа (VIII—II вв. до н. э.) 7
Раздел 2. Место народонаселения древнего Узбекистана, входившего в этническо-языковой состав предков узбекского народа. Первый этап формирования предков узбекского народа (VIII—II вв. до н. э.) 69
Глава II. Дальнейший этап формирования предков узбекского народа в древний период (II в. до н. э.— VII в. н. э.) . 108
Раздел 1. Этногенез племен юечжи-кушанов и других народов, входивших в этническо-языковой состав предков узбекского народа. Второй этап формирования предков узбекского народа (II в. до н. э.—IV в. н. э.) 108
Раздел 2. Этногенез эфталитских племен и народов, входивших в этническо-языковой состав предков узбекского народа. Третий этап формирования предков узбекского народа (IV—VI вв. н. э.) 125
Раздел 3. Этногенез новых тюркоязычных племен и народов, входивших в этническо-языковой состав предков узбекского народа. Четвертый этап формирования предков узбекского народа (VI—VIII вв. н. э.) 137
Заключение 174
Список цитируемых источников и литературы 186

Мутал Мухамедович Эрматов

Этногенез и формирование узбекского народа

Издательство «Узбекистан» — 1968 — Ташкент

Редактор *Н. С. Гиммельфарб*
Техн. редактор *А. А. Бахтияров*
Корректор *Л. Федотова*

Сдано в набор 12/II-1967 г. Подписано к печати 19/IV-1968 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 10.50. Уч.-изд. л. 11,04. Тираж 3000. Р11850. Издательство «Узбекистан», Ташкент, Навои, 30. Договор № 325 — 66. Отпечатано на бумаге № 1.

Типография № 3 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати. Ташкент, Навои, 30. Зак. № 412. Цена 80 к.